Annuaire Habous

VIII

علیشیر نوائی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

ЯЗЫК ПТИЦ

VIII

Перевод
Сергея Иванова

ТАШКЕНТ · 1970

(Уз6) 1
Н 15

Р е д к о л л е г и я

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, Р. М. Маджиди, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *Р. М. Маджиди*

Оформление Народного художника Узбекской ССР *И. И. Икрамова и П. Д. Воронкина*

7-4-3

Подп. изд.

Пой, о птица души, сокровенное слово,
Речь веди в прославленье творца всеблагого.

Он — создатель всех тварей, их плоти и тела,
Он и в тленном и в вечном — везде без предела.

Он пером созиданья начала начал
Сотворению мира чертеж начертал.

Девяти небесам дал он силу вращенья. [1]
Недоступными сделал их для постиженья.

Цветом ночи и дня небосвод он украсил,
Светом солнца и звезд даль высот он украсил.

На небесном персте, словно ноготь, луна,
А на нем полумесяца лунка видна.

Он движеньем планет наделил поднебесье
И в просторах небес дал земле равновесье.

Повелел — лик земной струи ливня омыли,
И очистил он землю от грязи и пыли.

Сушу, словно суда, поместил он в моря,—
Горы держат их будто суда — якоря.

Он одел океаны тяжелою тучей,
Чтоб не вспенило солнце их лавой кипучей.

Мир добра он явил в своем благостном даре,
И в тоске захлебнулись подводные твари.

Дал он ливням весенним чудесную мощь,
И в жемчужницах перлы взлелеял тот дождь.

Жемчугам дал он блеск, лишь сиянию равный,
Чтоб им быть украшеньем в короне державной.

Цвесть весне он велел под созвездием Овна,
Ночь и день на весах были взвешены ровно.

Дал дыханье Исы он рассветным ветрам,
Мертвый дол оживил, зелень вырастил там.

Дивный блеск даровал он расцветшим полянам,
И сады засверкали в цветенье багряном.

Напоил он ветра благовонной струею,
И вскормил он деревья сопревшей землею.

Он рассветы камфарной одел белизной,
В черный мускус украсил он сумрак ночной.

Солнцу в полдень светить в вышине повелел он,
Быть светильником ночи луне повелел он.

Сколько дива явил он в степях и долинах,
А еще, верно, больше — в подводных глубинах.

Он в степях быстроногих зверей сотворил,
А пловучих — стократ для морей сотворил.

Дал в степях он разбег ураганам летучим,
Дал бурление волнам он в море кипучем.

И навеки поссорил он пламень с водою,
Сделал ветер для мелких пылинок бедою.

Знай же мудрость творца четырех этих сил:
На земле человека создать он решил.

Сделал он человека вершиной творенья,
Нет в созданьях земных человеку сравненья.

Силу знания в сердце его заключил он,
И в тайник тот свое существо заключил он.

Стал казной сокровенной тот дивный тайник,
И величье творца он, как тайну, постиг.

Талисман ты хранишь, тайну чтишь величаво,—
О душа! Твоему сотворению слава!

Если б сердце ту тайну рассказывать стало,
Ей земля не вняла бы и небо не вняло.

Разве тот — человек, кто, познав сей тайник,
Тьмой невежества речь свою полнить привык?

Человек среди тварей призваньем отмечен,
Тайников «Сокровенного» [2] знаньем отмечен.

Он увенчан короной великих свершений,
И судьба ему послана всех совершенней.

В этом мире достойней его не найдешь,
Сонму ангелов быть он главою пригож.

В сонме ангелов принят покорный, радивый,
И навеки отвергнут упорный, строптивый.

Есть у джиннов и ангелов высший правитель,
И в его повелении — мира обитель.

Люди тысячи лет поклонялись ему,
И всегда и во всем покорялись ему.

Мест, неведомых богу, в природе не сыщешь,
И на всем голубом небосводе не сыщешь.

Кто молитвы пред богом смиренной не ведал,
Тот и счастья в судьбе, как презренный, не ведал.

Но и тем, кто познал благодетельный путь,—
Им без воли творца даже раз не вздохнуть.

Кто обрел возле бога чертог благодатный,
Тешит сердце свое благодатью стократной.

А не ведавший той чудодейственной яви
В сонме ангелов божьих молиться не вправе.

У кого не молитва, а жадность в уме,—
Быть тому головою в позорном ярме.

Свяжут шею такому повязкой собачьей,
Сдавят сердце такому острасткой собачьей.

Для людей лиходеем заклятым он станет,
И для веры врагом-супостатом он станет.

И до судного дня лишь беду ему знать,
И жестокую кару в аду ему знать.

Будет горд и надменен к достойным собратьям,
И любовь их к нему обернется проклятьем.

И навеки гонимый, презренный он будет,
И позором земли и вселенной он будет.

Бог из горсточки праха создал существо,
Чудо чуд человеческий образ его!

Даровал ему тайны сокрытых пределов,
И возрадовал сердце, избранником сделав.

Все несчастья людей — в своенравье убогом,
А блаженство — смиренье во прахе пред богом,

Одному — благодать уготовит господь,
А другого — к проклятью готовит господь.

Одного — незадачливым, хворым он сделал,
А другого — удачливым, спорым он сделал.

Кто что сделал — он все это видит и знает,
Кто бы что ни свершил — это он совершает.

Людям мудрость его понимать не дано,
Человеку постичь ее не суждено.

То деяньем зовут, что создатель содеет,
Только то — разуменье, что он разумеет.

Он один — падишах, не найти ему равных,
И сподвижников нет у него равноправных.

И всему, что создал ты, творец,— сто похвал:
Кто сказал о тебе — о творенье сказал!

Ты один вездесущ, ты — живого услада,
Ты — единство и сила, и мощь, и отрада.

И единство, и суть — все в тебе воплотилось,
Ты — могущество, жизнь, милосердие, милость.

Океан твоего милосердья широк,
Как бы волны грехов ни бурлили поток.

МОЛЕНИЕ ПЕРЕД СВЯТЕЙШИМ ЗИЖДИТЕЛЕМ БЛАГ О ПОСРАМЛЕНИИ ЕГО ПРОМЫСЛОМ (НЕДОСТОЙНОГО РАБА) И О ПОВЕРЖЕНИИ (ЕГО) ВО ПРАХ УНИЖЕНИЯ ЗА СТЫД СЕЙ

О господь, я собою смущен беспредельно,
Изумлен и растерян, смятен беспредельно.

Телом я изможден и гордыней отравлен,
От добра отрешен, злом уныний подавлен.

Опьянило мне душу роптанья вино
И на сердце от власти пороков темно.

Сотни помыслов гордых мне злость подарила,
И напала шайтанов несметная сила.

Сколько есть их — накинулись стаей большою,
Разорили набегом мне сердце с душою.

Ах, я злую одну несравнимою звал,
Сам влюбленный, ее я любимою звал.

Как от мук той жестокой бывало мне жутко:
Я от гнета стонал и лишался рассудка.

От огня ее уст жгло мне душу и тело,
От кудрей и от родинок — жизнь почернела.

От ее сладкоречья умолк мой язык,
Пред ее красотою мой разум поник.

Счастье встреч, боль измен — это жизнь и могила,
Счастье дарит покой, боль меня погубила.

Но от боли измен я вином утешаюсь,
А от чаши свиданий я жизни лишаюсь.

Понял я: жизнь — что смерть, коль возлюбленной нет,
И душе от разлуки сто мук и сто бед.

Только вспомню ее — жизнь засветит мне снова,
Все мечты — лишь о ней, нету в сердце иного.

В дни разлуки не дружен я с мыслью другою,
Ты ведь знаешь: я правду сказал пред тобою.

Как жестоко в разлуке томленье мое!
Лишь о ней пред тобою моленье мое.

О аллах! Пусть я буду покаран презреньем,
Если разум мой предан подобным моленьям.

Черной злобой объят я такою густою,
Что в глазах мне затмило весь мир чернотою.

Я молитвы единой вовек не свершил,
Не слукавив корыстно пред господом сил.

Каждый раз, как склонялся я ниц со смиреньем,
Лучше б голову было подставить каменьям.

Я даянием нищего не удостою,
Чтоб при том не гордиться своей добротою.

И твои имена я в себе не берег:
Только взяв в руки четки, припомнить их мог.

Все деянья вершил я с корыстным расчетом,
Об утробе был суетным предан заботам.

Да не будет вовек в человеке такого!
Да не будет шайтана вовеки такого!

За мои прегрешенья гнетет меня стыд,
Сердце мука терзает и скорбь леденит.

От раскаянья нет мне в сей жизни отрады,
Совесть лютая губит меня без пощады.

И от всех этих язв и пороков постылых
Отыскать исцеление сам я не в силах.

Не смириться мне с тяжестью стольких обид,
Как мне быть, если гнев твой мне смертью грозит?

Если ж мне исцеления бедам не будет,
А тебе тот недуг мой неведом не будет,—

Ты мне милость свою исцелением сделай,
Покаянье — от мук избавлением сделай,

Милосердьем своим снизойди до меня
И пороки мои отведи от меня!

Свет твоей доброты пусть мне в душу заглянет,
Все, что чуждо тебе, пусть от сердца отстанет.

Душу — всю, что найдешь в путах бренного тела,
Вызволь так, чтобы в ней благодать твоя зрела.

Ибо птице души дальний путь предстоит,
Ей над садом мирским вдаль взглянуть предстоит.

Ведь и птица, взлетая в парении смелом,
Свой полет устремляет к наземным пределам.

Я молю: будь мне в каждом деянье советом,
Если ж я не сумел бы быть верен обетам,

Пусть меня осенил бы, от бед уберег
Тот, кого ты заступником грешных нарек.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЭТОЙ КНИГИ ВОСХВАЛЕНИЕМ ГЛАВЫ ВСЕХ ПРОРОКОВ И УКРАШЕНИЕ ЕЕ ПОХВАЛОЮ ЗАСТУПНИКУ ГРЕШНЫХ

Он — глава всех пророков, посланник благого,
Он большому и малому — суть и основа.

Даже прежде Адама он был уже сущим,
Был пророком, великие тайны несущим.

До творенья еще оставалось шесть дней,
А сиянье его рдело солнца сильней.

И за свет свой обрел он сторицею славу,
Возлюбил его бог, словно чадо, по праву.

Бог велел быть векам, беспредельно грядущим,
До того, как отец человеков стал сущим.

А когда он был создан, его красота
Дивным светом пророка была залита.

С Евой быть ему богом даровано было,
И краса его солнце собою затмила.

А когда всеблагой Сифа в чада судил им,
Свет челу его послан был тем же светилом.

От него и на чадо их свет снизошел,
Был и к сыну их милостив света посол.

Стал союз их сокрытым величием дорог,—
Так жемчужница перлы хранит между створок.

И они укрепляли друг друга в той силе,
А потом Абдуллаху то благо вручили.

Он хранил на него снизошедший обет,
И в жилище его воссиял этот свет.

Из жилища его показалось светило
И сиянье пророчества миру явило.

То — не свет, это — тень от всевышней десницы,
Ярче солнца пределы ее и границы.

Знамя веры полуденным светом взвилось,
Мрак безверья пронзен был тем светом насквозь.

Это солнце явила обитель святыни,
Чье величье превыше подоблачной сини.

И когда засияла звезда эта в Мекке,
Пали идолы ниц перед нею навеки.

Кто не верил, разбужены были навек,
И они поклонились той силе навек.

Знамя веры взвилось выше облачных граней,
Меч закона взострился добром предписаний.

И благого пророчества твердая сила
Все народы в единый народ превратила.

Чудный промысел свет небывалый возжег,
Всю вселенную ярким сверканьем облек.

Нечисть идолов сразу во прах сокрушилась,
И неверным величие бога открылось.

Сделал внятной он веру в единого бога,
Возвестив ее людям достойно и строго.

И, прославивши единобожьем себя,
Возгласил он посланником божьим себя.

Став в сокровищах мира жемчужиной ценной,
Был он данным от господа благом вселенной.

Чада все, все супруги его непорочны,
И потомство, и слуги его непорочны.

Сто похвал и стократ восхваленья чиня,
Да пречтут его люди до судного дня!

Всем приверженцам верным его — восхваленье,
Чадам, слугам примерным его — восхваленье!

О ГОРНЕМ ПАРЕНИИ ПТИЦЫ АНКИ В КАФОПОДОБНЫХ ВЫСОТАХ ПОСЛАННИЧЕСТВА И СОКРОВЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ РЕЧАМИ ПТИЦ О ЕДИНЕНИИ С ИСТИННЫМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ

В ночь, когда тот приближенный к небу властитель
Был создателем в горнюю призван обитель,

Он покоился в келье своей потаенной,
От заботы о мире земном отрешенный.

И дошел к нему духа всевышнего зов,
И прорек ему весть сотворитель миров.

Длань господня наполнилась молнийным блеском,
Но его не сжигало в сверкании резком.

Дух воззвал: «Ты к всевышнему близок душою,
Люб ему ты — так будь с ним и плотью земною!

Оседлай этот свет, что сияние льет,
И да будет стезею тебе небосвод!»

Он воссел на коня по велению зова,—
Было внятно, откуда исходит то слово.

И скакун благодатный вознес его в выси,
И шаги его звоном небес отдалися.

И вознесся до месяца бег скакуна,
И от солнца того стала полной луна.

Стяг подняв до второй поднебесной лазури,
Он, летя, осыпал жемчугами Меркурий.

Конь его и до третьего взвился предела,
И Венера ему песнопения пела.

И пригнал скакуна он в четвертый чертог,
И сверкание звезд он сияньем облек.

А пустил он коня прямо к пятому слою —
Марс промчался, Юпитер прошел стороною,

И когда он пронесся с Юпитером рядом,
Блеск светила почтил его благостным взглядом.

А к седьмому пределу направил он шаг —
И в сиянье господнем рассеялся мрак.

И еще миновал он два неба сверх мрака,
И предстал ему купол высот зодиака.

И предстал ему Овен в том горнем полете,
И настиг он Тельца, словно лев на охоте.

И склонились пред ним Близнецы для услуг,
Даже Рак распрямился и двинулся в круг.

Лег к ногам его Лев, как собака, покорно,
И Колосья, как жемчуг, рассыпали зерна.

И Весы равновесье душе его дали,
И отраву убил Скорпион в своем жале.

Полумесяцем лук свой поставил Стрелок,
Золотою газелью предстал Козерог.

Водолей взял в речах его влагу живую,
И для Рыб в них журчали живящие струи.

И, почтивши созвездия этою славой,
Выше он устремил бег коня величавый.

И к небесному трону вознес он свой стяг,
И скрижали небес зрели свет его благ.

И в бескрайнем пространстве небесном витал он,
Небеса полня ладом чудесным, витал он.

И утихли возвестник и конь присмиревший,
Словно крылья у птицы, в пристанище севшей.

Радость сердца послали стихии ему
И разбили оковы мирские ему.

И с себя совлачил он одежды гордыни,
И огонь человечности рдел в нем отныне.

И с себя он совлек своелюбья тенета,
О других ему стала привычна забота.

Ветер, землю и пламя с водой он забыл,
Где мое, где твое — мир мирской он забыл.

И обрел он прибежище в вечном чертоге,
И вели его к вечным пределам дороги.

Пало семьдесят тысяч завес,— не осталось,
Покрывал и преград для чудес не осталось.

И когда сонм препятствий погубленным стал,
Сей избранник в тех высях возлюбленным стал.

И, взывая к аллаху, он пал у порога,
И в двух луках пространства увидел он бога. [3]

Вопль к аллаху исторг он всей жаркостью пыла,
И чему суждено было стать, то и было.

Взор его ослепило сияньем слепящим,
Мысль исчезла в сверканье, навстречу светящем.

Сан обрел он, неведомый людям от века,
Недоступный вовек естеству человека.

Тленной сути земной в нем тогда не осталось,
Своелюбия даже следа не осталось.

Тленной сути начало земное ушло,
Все, для благостной сути чужое, ушло.

И красу всеблагого узрел он очами,
В единеньи проникся благими речами.

Он постиг девять на десять тысяч речений,
И в речах тех приял он сто тысяч почтений.

И за падших, за все их грехи он просил,
За деянья, что злы и лихи, он просил.

Что просил он — в предвечном чертоге обрел он,
И у бога искомое в боге обрел он.

И, сподобившись зреть упований свершенье,
Тих и благ, он вернулся с пути вознесенья.

Воссиял единеньем предвечный чертог,
И веленьем его мир устроиться смог.

В восхожденьи он был, словно перл, просветленным,
А вернувшись на землю, стал морем бездонным.

Все постиг и узнал он в мгновение ока,
И мгновенно вернулся, вознесшись высоко.

И, вернувшись из горнего мира вершин,
Дал он этому миру порядок и чин.

Сколько нас — и заблудших, и грешных, и хилых,—
Страха нет в нас,— пока мы проникнуться в силах,

Что такой вот заступник, высокий раденьем,—
И опора и щит нашим всем прегрешеньям!

О творец! В день, когда защитит нас пророк,
Всех, кого призовет он, прими в свой чертог.

Сто несчитанных тысяч заблудших и грешных
Да найдут его милость в щедротах нездешних.

И Фани да пребудет в их сонмище бренном,
Да не сделай его в милосердьи забвенным!

ВОЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ПОВЕЛИТЕЛЕ ПРАВОВЕРНЫХ АБУ БЕКРЕ, ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ[4]

Друг султана пророков в благой его вере,
Он — второй из двоих, обитавших в пещере[5].

Он — наперсник надежный и верный пророку,
В бедах, в благе сподвижник примерный пророку.

Он народам вселенной — глава и вожак,
Был он первым из первых радетелем благ.

Средь поборников правды радетелем был он,
Людям веры всегда благодетелем был он.

Был в пещере он другу опорою верной,
И за это тот дал ему имя «Пещерный».

Он в пещере сокровище перла стерег,—
Как дракон, у пещерного жерла стерег.

Он во мраке пещеры томим был страдою,
Но обрел там источник с живою водою.

Словно клад, он с божественным кладом в соседстве
Был сокрыт под развалом обители бедствий.

Пусть в тот миг ключ живой не забился пред ним,—
Ведь пока мир живет, он пребудет живым!

Если ж ногу змея поражает отравой,
Лишь живая вода полнит силою здравой.

Он преемником блага был сделан пророком,—
Вместо солнца луна встала в небе высоком.

И когда светоч солнца пошел на закат,
Лунным светом стал дом правой веры объят.

О творец! Пусть до судного дня это пламя
Не иссякнет сияньем, горящим в исламе!

ПРИТЧА

После смерти благого отступники сворой,
Полагая, что власти лишь он был опорой,

На пути правой веры затеяли козни,
Совершали набеги в пылу своей розни.

И устои ислама — подушный налог —
Силой сбросить решили — чтоб не было впрок.

И, прогневавшись, он возвестил свою волю:
«Мы в законах пророка и малую долю

Изменить почитаем немыслимым делом,—
Да предать посягнувших и саблям, и стрелам!»

Кто о благе закона вот так вот радел,
Да найдет он в делах своих вечный удел!

Кто же мог совершить подвиг благости верной?
Только он — Абу Бекр, по прозванью «Пещерный»!

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СПРАВЕДЛИВОМ ПОВЕЛИТЕЛЕ ПРАВОВЕРНЫХ ОМАРЕ, ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ

Был пророку он другом в раденьи примерном,
В справедливости — мужем, достойным и верным.

Зло с добром различающий праведным оком,
Свет он лил и над западом, и над востоком.

Равных благостью не было в мире вовек,
Не бывало в подоблачной шири вовек.

Блюл законы он — шаху пророков подмога,
Справедливость и веру он пестовал строго.

От щедрот его все получали досыта,
А себе растирал он кирпич вместо жита.

Благу мира всего тех высот не достичь:
Клал на место, как зодчий, он каждый кирпич.

Плоть смирял он в молитвах благого почина,
Ради истины мог он убить даже сына.

И михраб, и минбар верой правою рдели,
Его правды лучи над державою рдели.

Меч его в сад расцветший закон превратил,
Стан неверных в развалины он превратил.

Снял венец с побежденных во гневе он скором,
А владык нечестивцев обрек он поборам.

Пал Иран усмиренный, покорен победам,
Городам тех земель стяг арабов стал ведом.

Дал он слугам своим все добро тех владык,—
Дом безверия гнев правоверных настиг!

ПРИТЧА

Как-то войско его Мадаин захватило,
И казну как добычу дружин захватило.
Сколько лет и веков и в труде, и в печали
Клад сокровищ султаны в казну собирали!

Все богатства забрав, их сложили пред ним,—
Обозреть их — рассудок бессильем томим!

Не взглянув на добычу и краешком ока,
Повелел он в казне сохранять все до срока.

Мол, воителям это не будет в подмогу,
Если каждому в руки раздать понемногу!
Кем поступок сей праведный мог быть свершен?
Лишь Омаром, такой утвердившим закон!

ПОХВАЛА СВЕТОЧУ И ПОВЕЛИТЕЛЮ ПРАВОВЕРНЫХ ОСМАНУ, ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ

Был он кладезем скромности, светочем взгляда,
И в очах его рдела для света услада.

Кладезь верности, клад с драгоценной добычей,
Море кротости, скопище высших отличий!

Был как шейх, как имам он Мединою чтим,
И, преемник двух шейхов, наследовал им.

Был он божьим веленьем сбиратель Корана,
Людом прозван Османом он, сыном Уффана.

Дух святой в откровенье послал божье слово —
Дар пророчеств заступника грешных благого.

И от срока того до османовых дней
Было скрыто то слово в темнице скорбей.

Все стихи, что хранили арабы в достатке,
Он собрал, повелев их устроить в порядке.

Суры вписывать правильным чином велел он,
Быть всей книге диваном единым велел он. [6]

То свершенье прославить сумело его,
Благ народ, что наследует дело его!

И кому ж бог судил долю выше и чище —
Дважды свет его зрело Османа жилище! [7]

ПРИТЧА

Говорят, что однажды пророк справедливый,
Воссиявший народу звездою счастливой,

Удалился от ждавших его на пороге,
И сидел, отдыхая и вытянув ноги.

И входило к нему много знатных друзей,—
И почтенных и славой высоких людей,

Но в покое благого ничто не менялось,
И блаженная нега его продолжалась.

Но едва показался Осман на пороге,
Он втянул под себя отдыхавшие ноги.

Кто стыдливость и совесть в себе сохранит,
И в ответ получает и совесть, и стыд.

Кто бывал у пророка в таком вот почете,
Тот достоин хвалы, что о нем ни речете!

О БЛАГОСЛОВЕННОМ ПОВЕЛИТЕЛЕ ПРАВОВЕРНЫХ АЛИ, ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ

Жемчуг святости в море премудрых познаний
Средь людей он алмазом был редкостных граней.

Был пророку пророков он преданным чадом,
Из людей никого не поставить с ним рядом.

В Мекке идолов руша со сводов, пророк,
Встав на плечи Али, дотянуться к ним смог.

А когда провозвестник бежал от злодеев,
Он приял его место, защиту содеяв.

Суть его — восхваление целому свету,
Ибо рек он: «Свершений без доброго нету».

Он — эмир правоверных, их веры обет,
Он — имам достославных, хранящих завет.

Он — вершина пророков в твердыне познанья,
«Драгоценный Али» ему дали прозванье.

Конь его, словно молния, пламенем тронут,
И в крови от меча его недруги тонут.

Был он светоч пророчества в правой борьбе,
Говорил он: «Мы братья, ты — мне, я — тебе».

Плоть его удостоилась чести по праву,
Кровь его обрела неизбывную славу. [8]

Он в предвечных лесах был как лев всей округе [9],
Львы другие пред ним трепетали в испуге.

И когда нечестивцы давали отпор,
Клич его звал в поход против вражеских свор.

Был он сыном и ветвью из сада пророка,
И его сыновья — тоже чада пророка [10].

ПРИТЧА

Говорят, как-то в битве сей шах справедливый,
Был негаданно ранен стрелой нечестивой.

И стрела та в кости преглубоко засела,
И извлечь ее было нелегкое дело.

И когда сообщили пророку ту весть,
Благодатнейший благоволил произнесть:

«Постарайтесь извлечь ее, вытащив сразу,
В час, когда он предастся святому намазу.

Наконечник застрял в этой ране, наверно,—
Много вам нужно будет стараний, наверно.

Он во время молитв от всего отрешен,
Даже боли тогда не почувствует он».

Как велел им тот светоч служения богу,
Так и вышло — послал им создатель подмогу.

Шах, кончая молитву, взывал к божьей воле,
Видит — нету стрелы и не чувствует боли.

И когда он спросить о случившемся смог,
Он узнал, что друзьям шах пророков предрек.

Лев господень [11] вознес восхваления снова,
И сказал он, в чем этого дела основа:

«Упастись от стрелы — кары смертного срока —
Невозможно иначе, как волей пророка.

От печалей спасение нам — от него,
Даже жизни свершение нам — от него!»

ХВАЛА И ВОСХВАЛЕНИЯ ШЕЙХУ ФАРИДУДДИНУ АТТАРУ — ВЛАСТИТЕЛЮ БЛАГОРОДНЫХ И ДОСТОЙНЕЙШЕМУ ИЗ СВЯТЫХ, ДА ОСВЯТИТ ГОСПОДЬ ДУХ ЕГО, И МОЕ СМИРЕННОЕ МОЛЕНИЕ О НЕМ

Все, что в небе и в море на дне сохранялось,
У Аттара сторицей в казне сохранялось.

В море мыслей его от небесных сияний
Рдели звезды-брильянты сверканием граней.

Там рубины и яхонты, ночь озарив,
Зажигали рассвета багряный разлив.

Перлы слов его — камни, что посланы роком:
Сокрушало бессильных их грозным потоком.

Там рубины — пластом, землю кроющим кровью,
Как пролитой всесветным побоищем кровью!

Ту казну описать силы я соберу,
Эта цель не по силам простому перу.

Зло невежества — вот в чем беда человечья,—
От него все пороки и в нравах увечья.

Чтоб погибли пороки погибелью черной,
Есть в запасах Аттара шербет животворный.

Есть сандал там и мускус, амбра и шафран,
Чтоб убить благовоньем недугов дурман [12].

Там в садах изобилья цветут ароматы —
Все стократною пользою людям богаты.

Там от сладких речей, полных медом с халвою,
Сердце мертвое полнится жизнью живою.

Там в деяньях и помыслах — сахар и мед,—
Потерявшим надежду — надежный исход.

И стихами и прозою много писал он,—
Все о тайнах единого бога писал он.

Сахар с розами слил он в гулканде медовом,
И народу служил своим сладостным словом.

Сколько он описал человеческих бед!
Сотням мук и терзаний души дал совет.

Речь его мукам сердца защитою стала,
Радость жизни для сердца открытою стала.

Все писанья указаны волей всевышней,
Чтоб перо не спозналось с натугой излишней.

Он сокрытым божественным тайнам учил,
Он народ их значеньям потайным учил.

А когда возвестил он свой «Сказ о верблюдах»,
Караван его слов засверкал там в причудах.

Сколько тысяч верблюдов — не видно им края! —
С ценной ношею шли, еле-еле ступая.

До бездонных глубин в море он доставал,
Жемчуга там для шахских корон доставал.

И из созданных им для корон украшений
Было каждое многих богатств драгоценней.

В степь касыд гнал он быстрый табун лошадиный —
Каждый бейт там ложился цветущей долиной.

Было в каждой долине сто редкостных стран,
И в любой — многих тысяч чудес океан.

А когда, как сады, расстилал он газели,
На сто тысяч ладов соловьи там свистели.

Но светлей и торжественней каждого лада
Пела тайн всеединого бога услада!

А четыре строки рубаи — чудеса,
Обитаемой четверти мира краса!

В море мыслей их, словно деленном на звенья,
Скрыты разных земель и пространств отраженья.

А когда «Тазкира» сотворенным он сделал,
Дух почивших святых просветленным он сделал.

Просветленье их душ сотни сгубленных тьмою
Воскрешало как будто водою живою.

Всем твореньям его да воздастся по чести,
Но меж них «Речи птиц» — на особенном месте.

Он включил туда разные притчи о птицах —
Разных речью и словом, в судьбе разнолицых.

Их поймет лишь речей бесподобный знаток,
Языков Сулейману подобный знаток.

Речи ста тысяч птиц описать было трудно,
Каждой дать свой язык — вот поистине чудно!

Всех отметил он голосом птичьим чудесным,
И в уме и в безумстве отличьем чудесным.

Я — смиренный твой раб, помоги мне, господь,
Шейху следуя, робость в себе побороть. [13]

Мне, сказанье о птичьих реченьях слагая,
Взять бы лад соловья, сладость слов попугая.

Ведь и люди, забывшися в пении сладком,
Языком своим следуют птичьим повадкам.

Если ж речь повести, как ведет попугай,
Это будет во благо, но как ни гадай —

Ведь душа попугая лишь сладостям рада,
И судить если здраво, то эта услада —

Только в милостях благ из господнего дара,
Сохраненных бесценной казною Аттара.

СБОРИЩЕ ПТИЦ И ССОРЫ ИХ О ГЛАВЕНСТВЕ И ПОДЧИНЕНИИ

Как-то птицы лесов и садов собралися,
Из пустынь и с морей и прудов собралися.

Вместе все собрались на просторной лужайке,
Пестрым сборищем сели, разбившись на стайки,

Чтоб, играя, на разные петь голоса,
Порезвиться на воле и взмыть в небеса.

Но порядка и чина не ведали птицы,
Как рассесться им чинно — не ведали птицы.

Попугаев теснили сорочьи оравы,
Соловьям угрожали вороньи забавы.

Выше соколов птичья расселася гнусь,
Пред павлинами важно вышагивал гусь.

Оказался достойный в соседстве с несносным,
И простые расселись в ущерб венценосным.

Благородные птицы предалися ссорам,
Птичий сброд их не слушал, объятый раздором.

И такая вокруг суматоха пошла,
И сумятица переполоха пошла!

За раздором раздор, землю криками кроя,
Сеял злую вражду среди птичьего роя.

И когда до предела взыграли там страсти,
Порешили: нет проку без шаха и власти.

Где б нашелся правитель, разумный в делах,
Справедливый и добрый, властительный шах,
Чтобы не был достойный зловредным обижен,
Добродетельный не был бы подлым унижен?

В каждой стае сошлися в решенье согласном,
Чтобы шах был разумным, и мудрым, и властным.

Нет таких! В птичьем сборище — боль и печаль,
В каждой стае о собственной доле печаль.

Птичье пенье исполнилось скорби и страха,—
Все отчаялись выбрать достойного шаха.

Горе в птичьи сердца свои крылья простерло,
Словно каждой из них перерезали горло.

О ТОМ, КАК УДОД ПОВЕДАЛ О СИМУРГЕ, КОГДА ПТИЦЫ, НЕ НАЙДЯ СЕБЕ ШАХА, БЫЛИ ОБЪЯТЫ СМЯТЕНИЕМ

Был Удод удостоен премудрости светом
И увенчан венцом, как корона надетым.

Был отмечен почетом, высоким и славным,
И венцом, словно нимбом высокодержавным.

Горних тайн удостоенный, как Джебраил,
Он в высотах господня престола парил.

Он явился средь сборища, как одержимый,—
Мотылек, к жару правды и света движимый.

«К-эй, невежды,— сказал он,— безумное стадо!
Ваше сердце суетам невежества радо.

Шах ведь есть, но не мог его разум ничей
Описать даже сотнею тысяч речей.

Он — властитель пернатых всего мирозданья,
Все он знает про вас — вашу жизнь и деянья.

Он всегда рядом с вами, незрим и неведом,
Вы не с ним — он при вас вездесущим соседом.

Оперенье — ста тысяч цветов перелив,
Сто узоров, и каждый чудесно красив.

Разум сникнет пред тем изобильем узорным,
Но неведенье это не будет позорным.

Пред его совершенством бессилен и разум:
Ведь рассудок не может постичь его разом.

А владенья его Каф-горою зовут,
А его птицей Анкой порою зовут.

А Симург — его имя, известное всюду,—
На земле и под ширью небесною,— всюду!

Быть вдали от него — так судьба вам сулила,
Он же — тут, возле вас, будто шейная жила.

Что за жизнь, если нет его рядом с собой?
Лучше смерть, чем мириться с такою судьбой».

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ ВОЗРАДОВАЛИСЬ, КОГДА УДОД РАССКАЗАЛ ИМ О СИМУРГЕ, И КАК ОНИ ВЫСКАЗАЛИ СВОЕ ОДОБРЕНИЕ

Раскричалися в то же мгновение птицы,
Вкруг Удода столпились в смятении птицы.

«К-эй, уста твои сладки, и речь твоя складна,
И душе стало легче, и сердцу отрадно.

Ввел как гостя тебя в Сулейманов чертог,
Дар пророка тебе ниспослал сам пророк.

Он тебя отличил и к служенью призвал он,
Быть в пути с ним под высшею сенью призвал он.

Дал тебе он напутствие к горным высотам —
Ты достиг поднебесья высоким полетом.

Сулейману во всем ты сподвижником был,
Как избраннику божьему сам Джебраил.

И, допущен к беседам и высшим послугам,
Ты ему был в торжественных бдениях другом.

А когда о Билькис он испрашивал вести,
Быть гонцом он тебя удостаивал чести.

Ты любви ее благовестителем был,
А в печалях ему утешителем был.

Вот с каким провозвестником дружбу водил ты,
Вот кому утешеньями службу служил ты!

Где бы ни был он — в граде, в безводной степи ли —
Твои крылья ему сенью верною были.

Сотни тысяч пернатых парили над ним —
Этой сенью с ним вместе и ты был храним.

И тебе на пирах быть соседом велел он,
Другом быть его тайным беседам велел он.

Бог возвысил тебя над породою птичьей,
Дал расцветку и перья особых отличий.

Мы ж — заблудшие, мог бы совет ты нам дать,
Как нам тайн того шаха постичь благодать?

И про сущность его нам рассказ ты повел бы,
Как вожатый под сень его нас ты повел бы!

В тьме неведенья гибнуть не дай ты нам, грешным,
Ты не дай нам погибнуть во мраке кромешном.

Если ж ты нас о тайнах его просветишь
И даруешь сердцам нашим благость и тишь,

Если всем нам, невежества мраком объятым,
В наших поисках шаха ты будешь вожатым,

Если наши мечты не погибнут напрасно,
Мы тебе благодарными будем всечасно».

О ТОМ, КАК УДОД РАССКАЗАЛ О СВОЙСТВАХ СИМУРГА В ОТВЕТ НА ПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ПРОСЬБЫ ПТИЦ

Речь Удода как будто нектар источала,
А дыхание сладость, как дар, источало.

Видит он: сонм пернатых тревогою полон,
И тогда речь такую пред ними повел он:

«Все, что знаю о нем, слово в слово скажу,
Что из тайн я постиг дорогого,— скажу.

Только этим рассказом не кончится дело:
От речей ведь казна не была еще цела.

Шах и сущность его велики беспредельно,
Ваша цель и пути далеки беспредельно.

«Расскажи нам о шахе»,— я слышу от вас,
Мне ж и в тысячу лет не закончить рассказ!

Суть его никогда и никем не открыта,
Но и имя его да не будет забыто.

Если влаги живящей касаешься с жаждой,
Счет ведешь не глотками, а капелькой каждой.

Каждый раз, как язык увлажняет уста,
Да вспомянут то имя, чья суть не проста!

Шах велик, моего разумения выше,
Суть его — моего постижения выше.

Как же выразить высшую суть я посмею,
Как же немощным словом дерзнуть я посмею?

Но уж если у птиц есть желанье сейчас,
Чтобы я о том шахе повел свой рассказ,

Я о сути его, хоть и в тысячной доле,
Разных мыслей вам выскажу тысячи боле.

Он ведь наш повелитель, над шахами шах он,
Нет того, чтоб не ведал о наших делах он.

Суть едина и образ один у него.
Больше тысячи свойств и личин у него.

Все они, где природа жива, проявились,
Все в единстве его существа проявились.

Никому не вздохнуть ни единого раза,
Если нет на то воли его и приказа.

То вздымаясь над вами, то падая вмиг,
Он в деяньях бывает и мал и велик.

Пестр он перьями — тысячи пестрых пушинок,
В каждом перышке — тысячи тысяч ворсинок.

С трудной думой он встретится или с простою,
Его мудрость и ум — с океан широтою.

Он вам жизнь буйной силой своею открыл,
В поднебесье вспарили вы взмахами крыл.

Алой крови поток в ваших венах — он, знайте,
И душа в вашем теле и членах — он, знайте.

Даже ближе души он для вашего тела,
Близок так, что уж ближе и нету предела.

От него вы на тысячу лет далеки,
Даже так, что уж дальше и нет, далеки!

И душа для того, кто не с ним, бесполезна,
Жить тому, кто душой не храним, бесполезно!

Если ж с ним единенье достигнуто вами,
Это — лучше владения всеми мирами.

Жить в разлуке с ним — смерть. Восемь райских садов
Будут хуже, чем ад и его семь кругов [14].

Но найти его запросто, вдруг — невозможно.
Без труда, без терпенья, без мук — невозможно.

К цели двинешься — тысячи бедствий приспели,
Но ее не достигнешь, не ведая цели.

Бесконечная даль — в ту долину идти,
Бесконечны опасности к ней на пути.

Жить без отдыха надо в парении смелом,
Даже если бессмертие будет уделом.

На пути будут реки с водою кровавой,
Нет, не с кровью, а с ядом, со жгучей отравой!

Там хребты вознесли к небесам острия,
И по каждому крови стекает струя.

Там простерлись пустыни — бескрайнее пламя,
И огонь прямо в небо взвился языками.

Там леса угрожают пришельцу враждою,
Ветви злобой чреваты, а листья — бедою.

Там по небу тяжелые тучи кружат,
И не ливень из них, а каменьями — град.

Просверк молний из туч там в падении яром
Опаляет весь мир и сжигает пожаром.

Там скиталец ночлег в непогоду не сыщет,
И вовеки ни пищу, ни воду не сыщет.

Миллионы пернатых, покинув свой кров,
Бились крыльями в небо десятки веков,

Но никто не бывал в том пределе доныне,
И никто не достиг этой цели доныне!

Но отдавшему жизнь в этой доле исканий
Смерть — ста жизней прекрасней, бессмертья желанней

Сколько птиц в цветнике всего мира — везде,
Сколько их ни найдется — в полете, в гнезде,—

Клич вселенский им крикнуть проворнее надо,
В те края дать дороги им горние надо.

Пусть умрут на пути к той долине забвенья
За того, кто не ведал доныне забвенья.

Коль ста тысячам душ благо смерти дано,
Смерть — во благо: ведь каждой бессмертье дано!

Если ж счастье в судьбе им радетелем будет,
Если рок вожаком к добродетелям будет,

Пусть их путь пролегает в бескрайней пустыне,
Где ни счастья, ни радостей нет и в помине,

Но обрящут все птицы цветущий тот дол,
Где бы сонм их навек единенье обрел,

Да пребудут при шахе под благостной сенью,
Да сподобятся вечному с ним единенью,

Да найдут свой приют на небесном престоле
И да вступят под сень Гамаюновой воли!»

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ СПРОСИЛИ УДОДА ПРО ЯВЛЕНИЕ МИРУ СИМУРГА

«Кэй, вожак наш! — все птицы согласно вскричали,—
Расскажи все по чину, что было вначале?

Кто султан тот — властитель над войском пернатым,
Как явился он миру, как стал он вожатым?

Кто видал его облик, деянья его?
Кто познал его суть и названья его?

Где пути его странствий? Поведай об этом!
Что подвластно приказам его и запретам?

Ты поверг нас в смятенье чудесным рассказом,
Тут и сто мудрецов потерять могут разум!»

ОПИСАНИЕ ГОРОДА КИТАЯ И РАССКАЗ О ТОМ, КАК ТУДА УПАЛО ПЕРО СИМУРГА

В дни иные,— поведал Удод птичьим стаям,—
На востоке был город, он звался Китаем.

Нет, не город! То был целый мир без предела,
Словно десять миров, там народу пестрело!

А страна там прекраснее райских садов,
А вода там чудеснее райских прудов!

Как-то ночью властитель всех гнезд в этом мире
Пролетал над вселенной в подоблачной шири,

И полет его горний пролег над Китаем —
Над страною, что схожа по прелести с раем.

Вдруг сияньем залило полночную тьму,
И народ беспредельно дивился тому.

Это шах тот перо обронил, пролетая,
И оделись в сиянье пределы Китая.

То перо было пестрым, с чудесным узором,—
Если все описать, слово будет нескорым.

И наутро народ вновь обрел свой покой,
Но дивился перу и расцветке такой.

То перо разожгло любопытство к узорам,
Каждый стал в рисованьи умелым и спорым.

И от этого всем им — и детям, и взрослым —
Дар был послан к художествам, к дивным ремеслам.

Был один человек там уменьем высок —
В живописном искусстве великий знаток.

Его имя — Мани, а пером — чудодей он,
Дар его был редчайшею славой овеян.

Правду пишут мужи разуменья, считая
Манихейскую мудрость твореньем Китая. [15]

То перо и сейчас озаряет Китай,
Словно гурия светлым сиянием — рай.

Вот как было. Перо то явилось чудесно,
А что дальше случилось — совсем неизвестно.

Повстречают его — и утратят дар речи,
И ни слова не могут промолвить о встрече.

Рассказать о нем не было воли судеб:
Кто перо повидал, тот в мгновение слеп.

Тьма ворсинок в пере! Вот где славное свойство!
Знай: из качеств его — это главное свойство!

Сколько было бесчисленных изображений
И владельца пера, и его проявлений!

Оперенье его не сравнимо ни с чем,
А вот имя его — имя ведомо всем.

Неизвестно, каким он проследовал краем,
Хоть и нету земли, где б он не был незнаем.

Наша воля его повеленьям подвластна,
Ослушанье — стократною карой опасно.

Для покорных надежда — свидание с ним,
А строптивый испугом и мукой томим.

Ни в одном государстве нет шаха бесценней,
А лишенным его — сотни тысяч мучений.

Он замолк, и, с тревогой и криком летая,
Всполошилась в волненьи пернатая стая.

О ТОМ, КАК РАССКАЗ УДОДА О СИМУРГЕ И ОГОНЬ РВЕНИЯ ВОСПЛАМЕНИЛИ СЕРДЦА ПТИЦ

Эй, вожак наш,— промолвили птицы Удоду,—
Не пристало без шаха жить птичьему роду.

Жить бы нам вот с таким, как сказал ты нам, шахом,
Все теперь о нем ведомо птицам и птахам.

Но в неведенье мы, как в оковах, живем,
Мы в разлуке с ним в муках суровых живем.

Лучше смерть, чем в неведенье гибнуть всечасно,
Кто разумен, тому наше бедствие ясно.

Раз уж ты между нами нарекся вожатым,
Нашей просьбе внемли, помоги ты пернатым.

Благосклонен к смиренным просителям будь,
В наших странствиях нам предводителем будь.

Мы на поиски шаха пуститься готовы,
Со слезами восторга все птицы готовы.

Мы увидеть его одержимы желаньем,
Не отступим от поисков и не устанем.

Будем крыльями бить и сильней, и быстрей,
Одолеем просторы пустынь и морей.

Иль достигнуть желания нашего сможем,
Или души и жизни за это положим!»

О ТОМ, КАК УДОД ОДОБРИЛ РВЕНИЕ ПТИЦ И ВЫСКАЗАЛ ИМ ПООЩРЕНИЕ

И сказал им Удод, радость в сердце питая:
«Ваша речь мне по сердцу, о падшая стая!

Если нам небосвод обещает подмогу,
Если все вы готовы в такую дорогу,

Я готов, сколько рвения есть у меня,
Сколько сил и умения есть у меня,

Быть всегда вместе с вами в великом и в малом
И вести вас по всем перепутьям-привалам.

Будет трудно в пути — я подмогой вам буду
И утехой в печалях дорогой вам буду.

Если вы на пути попадете в беду —
Чтобы справиться с горем, я средство найду.

Что ни встретите — радость ли, злую судьбину,
На мгновение даже я вас не покину.

В перелетах беречь вас надежно я буду,
На ночлегах вам стражей надежною буду».

И когда он у птиц их решенье узнал,
Много высказал им он великих похвал.

И на сборище, к высшим свершеньям готовом,
Обратился он к птицам с восторженным словом:

«Вы взыскуете тайны познанья вселенной!
Сам ваш облик глаголет о тайне бесценной.

Где началом природы был рай осиян,
Не об этом ли вечность слагала дестан?

К тайнам шаха отныне причастны вы стали,
Меж собою в той тайне согласны вы стали.

Ваши песни поются в его прославленье,
И дестаны — величья его восхваленье.

Речь его — ваша пища, а мысль — ваша снедь,
А без речи и мысли его вам не петь!

Он внушил вам все сущее, дал все, что надо,
Но сокрыл этот светоч от вашего взгляда».

И когда в птичьем сборище вспыхнула смута,
Каждый был там — как странник, лишенный приюта

И потерян был путь в сокровенный тот сад,
Словно вовсе у памяти был он отнят.

В сад вселенной дорогу им сделал открытой
Тот, кто бренную землю им сделал защитой.

«В этой бренной обители так уж случилось,
Что не тешат сердец ваших благость и милость,

Если ж бог доведет, вам помочь я смогу,
Снова с ними свести вас воочью смогу.

Это странствие бедами будет чревато,
Но за них вам сердец очищенье — отплата.

Одолеете путь — и победа приспела,
Будут чистыми души, а с ними и тело.

Снова счастье сиянье свое вам вернет,
А за ним и блаженству наступит черед.

А познаете шаха дерзанием смелым —
И для душ ваших вечность да будет уделом.

Вы спознаетесь в странствиях с трудной судьбою
И увидите шаха в единстве с собою».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ПОПУГАЮ

«Попугай сладкогласный, ты песню пропой нам
Рассудительной речью, напевом достойным.

О взыскующий шаха! В зеленом халате
Будь ты Хызром в пути для заблудших собратий.

Поначалу о родине нам расскажи,
Нас порадуй, потешься и сам,— расскажи!

Ведь отчизна твоя Индустаном зовется,
Шахским садом в цветенье багряном зовется.

Твой напев — это сладкая нега свиданья,
Кто глотнет той услады — слагает сказанья.

Удостоен сидеть ты на шахской руке,
Отзвук шахских речей — на твоем языке.

Ты с чужбины к далекому дому сбирайся
И лететь прямо к саду родному сбирайся».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ПАВЛИНУ

«Покажи нам, Павлин, свой цветник сокровенный,
Ты яви нам свой блеск — изумленье вселенной!

Над твоей головою — корона главенства,
А сокровище тела — само совершенство.

Ты великой красы в опереньи достиг,
Описать твою прелесть — немеет язык.

Твоему существу подобает величье,
Твоему естеству — совершенство в обличье.

Но забыл ты приют свой в отчизне далекой,
Блещет шахский цветник в красоте одинокой.

Но смотри, свой родимый цветник не забудь,
Прутья гнусной темницы сумей разомкнуть.

И о пиршествах шахских напевы слагая,
Полетай к цветникам позабытого края!»

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К СОЛОВЬЮ

«Соловей! О певец, вдохновляемый страстью!
Звонкой песней залейся, внушаемой страстью.

Песнь любви ты слагаешь — в ней тысячи трелей,
Безголосых срамишь ты, чтоб были умелей.

Тебя шахские розы пьянят красотой,
И вкушаешь ты страсти пьянящий настой.

Лишь оденутся розы пылающим цветом,
В каждом перышке пламя зардеет отсветом.

А вдали от садов твоя песнь онемела,
Стало пеплом от жара разлуки все тело.

В голубых небесах к дальним странам лети,
В даль к возлюбленным розам багряным лети.

Сотни роз в цветнике рдеют пламенем ярым.
Рдеют тысячи искр в твоем сердце пожаром».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ГОРЛИЦЕ

«Спой нам песню, о Горлица сада вселенной,
Дай услышать в ней отзвуки лада вселенной!

Пусть пернатые стаи в смущении смолкнут,
Пусть в бессилье, услышав то пение, смолкнут.

Венчик перьев на шейке, как четки, надет,
Рассказать о нем — слов восхищения нет.

Ты в любом цветнике — словно диво всем птахам,
Твои перья окрашены кровью и прахом.

Запоешь ты — и словно бы стоном застонешь,
В лад безумною страстью влюбленным застонешь.

Только вспомнишь любви очарованный сад,—
Голос твой словно трепетной негой объят.

Не останься в печалях, порадуй нас вестью,
Что летишь ты в цветник свой, вспарив к поднебесью:

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К КУРОПАТКЕ

«Куропатка из дальней нагорной долины!
От печали глаза твои — будто рубины.

Как Фархад среди гор, ты в труде неустанна,
Ты, не зная покоя, спешишь беспрестанно.

Красный клюв твой — пылающий жаром тюльпан,
Он от крови страданий, наверно, багрян.

Каф-горою близ горних высот ты бродила,
Не о ней ли в сей дали ты стонешь уныло?

То не хохотом взвились высокие звуки,—
Это — крик твоей ядом напитанной муки.

К Каф-горе ты спешишь, путь далекий открыт,
Пусть надежда свиданья тебя веселит.

Близок час ликования,— ввысь, на свободу!
Через скалы разлуки стремись на свободу».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ФАЗАНУ

«О Фазан пестроперый, изяществом славный,
Кипарис — твой слуга в своей доле неравной!

Весь цветник — это дар твоего совершенства,
Розы меркнут от чар твоего совершенства.

Блеск твой видели горы и в долах сады,
Красотой твоей горы и долы горды.

Люб ты живности всякой в полянах веселых,
Мил ты тварям, живущим в заброшенных долах.

И хотя совершенство твое несравненно,
А краса — несравнимо ни с чем совершенна,

Ты красою своей никогда не гордись,
Красотой, как она ни горда, не гордись.

Вспомни ту красоту, что не знает порока,
В край пылающих роз путь стреми свой высоко».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ТУРАЧУ

«Эй, послушай, Турач, ты изящен и строен,
Словно птица души, ты любви удостоен.

Лес в наряд свой одет красотою твоею,
Дан лугам яркий цвет красотою твоею.

Твой пьянящий напев так чарующе мил,
Что у внемлющих сердце лишается сил.

Вид твой — чудо чудес, оперенье красиво,
Облик дивно прекрасен, а речь — словно диво.

И с таким совершенством, с повадкой такою,
Да и с речью пленительно-сладкой такою

Ты по вольному должен обычаю жить
Или шаху достойной добычею быть.

Мчится шах на охоту — добычею падай,
И за жертву твою будет вечность наградой».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ГОЛУБЮ

«Взмой, о Голубь, биением крыл в поднебесье,
Спой нам песню о том, как парил в поднебесье.

Разве в темном жилище томиться приятней?
Ты ослепнешь навеки, томясь в голубятне.

Вспомни небо над шахским чертогом, вспари,
В горнем небе летай от зари до зари.

Иль забыл ты, как сердце в паренье пологом
Замирает и бьется над шахским чертогом?

Видно, ты поотвык быть с султанами рядом,
Ворковать разучился торжественным ладом?

Полетай в те края и над крышей вспари,
И над высью времен, даже выше, вспари.

Пусть изловят тебя — это жребий приметный:
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К СОКОЛУ

«Добрый путь тебе к нам, Сокол, шахам подобный,
Бесподобен твой облик — красы бесподобной.

Бог возвысил тебя над крылатою ратью,
Наделил красотой и изысканной статью.

Ты от века на шахской деснице сидел,
Есть с державной руки — твой высокий удел.

Шах ласкал тебя, гладил по крыльям и перьям,
Трогал клюв и к когтям прикасался с доверьем.

Небосвод обернулся судьбой вероломной,—
Ты от шахской руки вдалеке — как бездомный.

Ты попался, измена накинула сеть,
И привык ты разлуку в неволе терпеть.

Будь же пленником шаха, будь снова с ним вместе,—
Руку шаха лобзать удостоишься чести».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К КРЕЧЕТУ

«Здравствуй, Кречет могучий, подоблачный житель,
Воля шаха тебе нарекла ту обитель.

Венценосец, средь птиц ты — как шах красотою:
Шах отметил короной тебя золотою.

Ты средь птиц венценосных властителем стал,
Шах, как другу, тебе покровителем стал.

И на пиршествах шахских ты принят с почетом,
Нету счета к тебе обращенным заботам.

Не сравнится с тобой птиц и целый десяток —
В десять раз больше всех дан тебе и достаток.

Шах свое уваженье тебе подарил,
Жемчуга и каменья тебе подарил.

Далеко ты теперь, но забудь про чужбину,
Прямо в руки лети к своему властелину».

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ ОТПРАВИЛИСЬ В ПУТЬ И КАК НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ, ИСПУГАВШИСЬ ИСПЫТАНИЙ, ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СТРАНСТВИЯ

Так Удод тайн любви им значенье поведал,
Всем пернатым любви откровенья поведал,

Птичьей речью слагал он созвучия слова,
О разлуке и счастье певучее слово.

Песнь разлуки была для них горше утрат,
Песнь о счастье надежду давала стократ.

И припомнили птицы былые печали,
Как они в дни разлуки жестоко страдали,

Как забыли они про счастливое время,
Как постигли разлуки тяжелое бремя.

И когда чудных тайн приоткрылся покров,
Стал понятен им смысл удивительных слов.

От блаженства они далеки беспредельно,
Заблуждения их велики беспредельно.

Стали внятны их разуму речи Удода:
В заблужденьи неведенья птичья порода.

В прегрешеньях суровых погрязли они,
У разлуки в оковах завязли они.

И зажглись они жаром, бедою палимым,
И из каждой душа исходить стала дымом.

Пламя жизни погаснуть уж было готово,—
Так смутило стыдсн их удодово слово.

И смутились они от сознанья вины,
И раскаяньем души их были полны.

Захлестнуло им горло потоком кровавым,
Птицы кары просили делам их неправым:

«Будь что будет! Смиримся с любым испытаньем,
Днем и ночью мы крыльями бить не устанем.

Пусть на головы наши сто бедствий падет,
Пусть нам будет в тех бедах сто тысяч невзгод,—

Не покинем дороги в долину исканий,
Не отступим с пути мы,— нет цели желанней!»

И тогда птичья стая в согласье великом
Огласила пространство отчаянным криком,

Все явили Удоду покорности знак,
И повел их в полет венценосный вожак.

Полетели, в веселье игривом помчались
И с надеждой на счастье порывом помчались.

Вот прошло много дней. Где они ни летели —
Над просторами жгучей пустыни летели.

Много бед и невзгод претерпели они,
Много мук и забот претерпели они.

Долог путь, цепененье им крылья объяло,
И тела их усталость бессилья объяла.

А когда-то ведь в розовых кущах резвились,
И под сенью деревьев цветущих резвились!

А теперь им от тягот и мочи уж нет,
Каждой птице пришло сто негаданных бед.

Стосковались по гнездам родным, по покою,
По садам, цветникам, по деревьям с листвою.

По сердечным забавам, по благостным долам,
По лугам многотравым, по играм веселым.

Вот уж многие птицы, устав от пути,
Видят: тяготы странствия им не снести.

Птицы стонут; послышались возгласы жалоб:
Та устала, другая лететь не желала б.

«Нам лететь недосуг»,— порешили согласно,
И отстать от подруг порешили согласно.

И Удоду те птицы промолвили так:
«Отдохнуть бы немного, послушай, вожак!

Есть такие меж нас, что устали изрядно,
Утомились лететь в эти дали изрядно.

А другие спознались с лихою напастью
И взывают к тебе не неволить их властью.

Ну а третьим такая беда подошла,
И от бед им такая страда подошла,

Что о ней рассказать — и пытаться напрасно,
Дальше путь продолжать с ними было б опасно!»

И вожак, лишь увидел он немощь их ныне,
Дал им знак опуститься в широкой долине.

И, окинув глазами галдящую рать,—
«Стойте,— молвил он,— первым кто хочет сказать?»

И Удод опустился меж братьев крылатых,
Приготовился слушать он речи пернатых.

ОТГОВОРКА ПОПУГАЯ

Первым был Попугай — он речения начал,
И такую он речь отречения начал:

«Я ведь птица, к нездешним привыкшая странам,
Мне привычно летать над родным Индустаном.

Красноречием славу снискал мой язык,
Сладкоречием зло врачевать я привык.

Повелители в клетках меня содержали,
Утешаясь беседой со мною в печали.

Сколько дивных красавиц меня угощало,
И от лакомств индийских вкусил я немало.

То — зерцало стоит напрямик предо мной [16],
То — зеркальной красы дивный лик предо мной.

Был на свете я самой счастливою птицей,
И за то болтовнею платил я сторицей.

Сколько знаю себя — я несчастий не ведал
И отравленных ядом напастей не ведал.

Где орел так унижен, что мухой слывет,
Те, что мухи слабее,— совсем уж не в счет.

Как с другими лететь мне к неведомым странам,
Вместе с птицами в странствии быть неустанном?

Взять меня в этот путь — что тебе за отрада?
Вот что знать про меня тебе было бы надо!»

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «Говоришь ты не споро,
Много ты наболтал измышлений и вздора.

Твой убогий язык красноречья не знает,
А нелепая речь сладкоречья не знает.

В измышленьях твоих — несуразицы след,
Все слова твои — чушь, словоблудье и бред.

Себялюбец, наполненный вздором чванливым,
Ты достоин презренья в зазнайстве кичливом.

Хоть зерцалом и речью кичишься ты вздорно,
А на деле вся речь твоя сплошь смехотворна.

Вот зажег бы в душе яркий свет вместо зла,
То душа бы и впрямь как зерцало была!

Ну а то, что тебе быть при шахах уместно,
Все слова эти — ложь, их нелепость известна!

То не шахский закон — пренебречь своей целью
И в блудливых речах предаваться безделью.

Недостойный позор — измышленья твои,
Отговорки и вздор — все реченья твои!

Заблужденья и грех — вот в чем суть и основа,
До тебя не доходит разумное слово.

Если ты и очнешься, поняв заблужденье,
Не поможет тебе покаянное рвенье.

За грехи ты претерпишь стократный позор
И за речи — беды необъятной позор.

Вся монета твоя оказалась фальшивой,
И проделкам шайтана ты будешь поживой!»

ПРИТЧА

Жил невежда один, он бродил по базарам,
Ради блага утробы прикинувшись старым.

Словно Хызр прикрывался он ветхим покровом,
Но притом был, как вешняя зелень, здоровым.

И, стараясь личину смиренья надеть,
Как голодный, он в лавках разглядывал снедь.

Прибегал он к коварным и подлым уловкам
И скрывал лицемерие в нищенстве ловком.

То словами униженной лести он клянчил,
То слезами обиженной чести он клянчил,

То он россказни плел о степенстве своем,
То пред всеми людьми похвалялся умом.

Ловко действуя сказкой, стократно пропетой,
Разживался он пищею или монетой.

Сам хитрил ли, страдал ли от хитрой повадки,—
Что потребно, всегда собирал он в достатке.

Ежечасно он бангом бывал охмурен,
И однажды увидел он как бы сквозь сон:

Перед ним — будто праведник в робе бывалой,
Истомленный дорогою путник усталый.

Только старца узрел, видит — что за причина? —
Будто тот уж иного обличья и чина.

Старец молвил: «Пред пиром открой свой мешок,
Посмотрю я, чем за день разжиться ты смог!»

Тот завязки мешка отпустил посвободней,
Глядь, а там — лишь отрава, дары преисподней,

Смотрит — там лишь дерьмо, нечистоты навалом,—
Как былинка, он вспыхнул огнем небывалым.

Ну а пир взял в пригоршню земли из-под ног,
Бросил в торбу — мол, вот на житье тебе впрок.

Нищий смотрит: не прах там, а золото в слитках,
Драгоценные камни и жемчуг на нитках.

Нечестивец дивится нежданной картине,
А старик вдруг исчез, будто нет и в помине.

Стыд срамного занятья — какой в этом прок?
Слать на небо проклятья — какой в этом прок?

Ты вот много кричишь, а ведь рок твой с изъяном,
И с тобой будет так же, как с тем горлопаном!

ОТГОВОРКА ПАВЛИНА

Вслед за тем подошел и черед за Павлином:
«К-эй, ты признан меж нас вожаком-властелином.

Дан в дворцах и садах мне удел несравненный,
Яркость перьев моих — изумленье вселенной.

Облик мой цветникам украшенье дает,
Пышный вид мой усладу для зренья дает.

Там, где я, сад и осенью радостен взглядам,
А леса и зимою покажутся садом.

Красота моя блеском красна небывалым,
С Искандеровым только сравнится зерцалом [17].

Ярче всех оперение дал мне господь,
Да и блеска — не менее дал мне господь.

Кто моей красотою хоть раз восхитится,
Совершенством творенья тотчас восхитится.

Бог ведь всех наделил разной долей по праву:
Одному дал он мед, а другому — отраву.

И в той доле, что дал тебе в милость творец,
Все послал, что бы в ней ни случилось, творец.

И у бога есть свойство — от века быть чтимым,
А шайтану дано злобным быть нелюдимом.

А пытаться отвлечься от склонностей нрава,—
Значит, ждать невозможного, это — не здраво».

ОТВЕТ УДОДА ПАВЛИНУ

И Удод, чтоб посбавить тот гонор павлиний,
Молвил: «Слушай, невежда, объятый гордыней,

О себе говорил ты немало пред нами,—
Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями [18].

Людям тоже красою хвалиться не след:
Кто гордится — в том свойств человеческих нет.

Это дело гуляк — видеть благо в красотах,
Мужу — лучше трудиться в страде и заботах.

Живописца тогда лишь в умельцах мы числим,
Если, глядя на облик, вверяется мыслям.

Ты влюблен в свою внешность и спесью надут,
Только крикни об этом — тебя засмеют.

Красоваться смешно, в этом мало почета,
От гордыни еще не бывало почета».

ПРИТЧА

Жил индус, и не ведал он большей отрады,
Чем придумывать платья себе и наряды.

Раз напялил венец тот забавник проворный,
А венец был украшен резьбою узорной.

По венцу и наряды надел он, и сплошь
Было все позолотой отделано сплошь.

Рядом с ним барабан грохотал, надрываясь,
Плясуны плыли в танце и песни слагались.

Был он только своими ужимками занят:
То встряхнет головою, то руку протянет.

Пестротою своей с цветником был он схож,
И с индийским павлином притом был он схож.

Вкруг него — поглазеть на такие затеи —
В тот же миг собрался толпой ротозеи.

Тут на шум — мухтасиб с подоспевшею стражей,
И бежал врассыпную народ тот бродяжий.

Схвачен был и индус тот — хвастун-пустослов,
Каковых не видали во веки веков.

Барабаном венец ему сшибли, раздели
И избили кнутами до струпьев на теле.

Вот какой в этом смысл: как одежду ни красьте,
А венец подобает лишь царственной власти.

ОТГОВОРКА СОЛОВЬЯ

Речь повел Соловей: «К-эй, над птицами властный!
Я привык возле розы жить с мукою страстной.

А без розы — один — я измучен кручиной,
И теряю я разум и лад соловьиный.

А без розы нет силы и воли во мне,
И в разлуке терпенья нет боле во мне.

Лишь распустится сад, красотою чудесен,
Тайны сердца вверяю я тысячам песен.

От любви каждый миг я пою все сильнее,
От красы каждый миг распаляюсь, пьянея,

А увянет цветник — я беззвучен и нем,
На заре щелкать трели нет силы совсем.

Я, тоскуя по розе, в саду изнываю,
От разлуки — сто бед мне, в бреду изнываю.

И в душе и на сердце — одна только роза,
И во взоре и всюду сполна — только роза.

Смысл искания шаха, конечно, высок,
Да влюбленному в розу какой в этом прок?»

ОТВЕТ УДОДА СОЛОВЬЮ

Все прослушал Удод, и на выкрик последний
Он сказал: «О любви не рассказывай бредней!

Разве это любовь? Это все лишь причуда,
Помолчать бы тебе, безрассудный, не худо!

Свет подобных тебе неразумных не знал
И безвольных таких и бездумных не знал.

Ты нарочно придумал всю эту влюбленность,
А потом возвестил всему свету влюбленность.

И влюблен-то в цветок, ненадежный и тленный!
Вечной жизни в садах нет ему во вселенной.

Он в году расцветает лишь на пять деньков,
Десять дней не пройдет — нет на нем лепестков.

И пленяться такой недотрогой негоже,
Млеть от страсти такой вот убогой негоже!

Тот достоин любви, кто страданьями тела
Изможденный умрет, а не знает предела!

Безрассудство в любви — это стыдное зло,
И покаран ты будешь постыдно и зло!»

ПРИТЧА

Ехал шах на коне в красоте лучезарной,
И влюбился в него попрошайка базарный.

И стонать, и стенать пред народом он начал,
Горевать, слать проклятья невзгодам он начал.

Он стенанья сдержать был не в силах, как ты,
Пел он тысячи песен унылых,— как ты.

«Мне не жить на земле! — оголтело вопил он,—
Лучше сжечь на костре свое тело!» — вопил он.

Шах подумал: мол, вот как любовь его рьяна
И решил испытать крикуна и смутьяна.

В тот же миг он помчался, как молния скор,
И велел запалить он для пытки костер.

«Эй,— велел он,— свяжите-ка шею ворюге,
Волочите бродягу ко мне на послуги!»

Привели его к месту, где тлели поленья,—
Вот, мол, на, что просил ты в пылу исступленья!

И велел его шах на костер поволочь,
И бродяга от ужаса вырвался прочь.

Дико стал он метаться, охваченный бредом,
Стража стала ловить его, бегая следом.

И к костру побежал он в беспамятстве яром,
И в мгновенье сгорел он, охваченный жаром.

Ну, а если бы нищий тот преданным был,
Если б верности жребий изведан им был,

Если б шахскую волю он принял покорно,—
Шах с коня перед пленником слез бы проворно,

Отпустил бы его, все желанья исполнив,
Расспросил бы, обычай вниманья исполнив,

Шах роднёй своим слугам бы сделал его,
Собеседником, другом бы сделал его!

А бродяга тот действовал хитрым обманом,
И позор стал наградой поступкам поганым.

Роза выпустит шип — будешь схож с этим плутом!
Не цветник, а костер тебе станет приютом!

ОТГОВОРКА ГОРЛИЦЫ

Говорить стала Горлица: «Слушай, вожатый,
Властелин над заблудшею стаей пернатой!

Я ведь птица, привычная к зелени сада,
Мне летать над пустыней — какая отрада?

Очень нежное тело даровано мне,
Жизнь в ветвях средь листвы уготована мне.

Непривычна я в жизни ни к стуже, ни к зною,
И ни тягот, ни зла не случалось со мною.

Лишь из сада да в сад — вот мои перелеты,
Мне в листве средь ветвей жить дано без заботы.

Не снести мне в дороге напасти такой,
Не посеять мне семени страсти такой!

Если я этим злом отягчу свою душу,
Волю жизни моей я неволей разрушу!»

ОТВЕТ УДОДА ГОРЛИЦЕ

И сказал ей Удод: «Хилой немощи чадо!
Тешить сердце печалью — твоя вся отрада.

Пусть хоть тысячу лет сад жильем тебе будет,
Ну а что от листвы проку в нем тебе будет?

Даже если шипы и колючки — не в счет,
Ведь того и гляди тебя слопает кот!

Иль ты будешь убита случайной стрелою,
Иль погибнешь от камня погибелью злою.

И в ином тебе есть ли какая услада?
Разве любят тебя обитатели сада?

Чем терзать и губить смертной мукой себя,
Чем сжигать беспрерывно разлукой себя,

Лучше храбро к заветнейшей сути стремиться,
Ради счастья свидания в путь устремиться!

В испытаньях высокого дела погибнуть,
В муках сердца, в страданиях тела погибнуть —

Это лучше стократ, чем погибнуть с тоски,
Это лучше, чем жалких подачек куски!»

ПРИТЧА

Жил садовник один, был несведущ он в деле
И в своем ремесле понимал еле-еле.

Не умел он в прививках наладить порядок,
Чтобы вкус у плодов был и сочен и сладок.

О деревьях он тоже не ведал забот,
И не знал, сколько высохло, сколько растет.

Он давно позабыл, как высеивать зерна,
Как на всходах краса лепестков животворна.

Ну, а тот, кому ближе навоз, а не роза,
Тот уже не садовник, а возчик навоза!

Увидали его небреженье друзья,
Стали делать ему наставленья друзья.

Дескать, бросил бы нянчиться с делом постылым
И нашел бы другое занятье — по силам.

А невежда работы своей не оставил
И ленился, как прежде, греша против правил.

Как-то раз обрезал он деревья свои,
И погиб он, отравленный ядом змеи.

ОТГОВОРКА ГОЛУБЯ

А затем начал голубь такие реченья:
«К-эй, вожак наш, всеведущий в тайнах правленья!

Я — особая птица меж птиц всех отличий:
Люди с рук меня кормят — таков их обычай.

Люди мне и гнездо, и жилище дают,
Носят воду, зерно мне для пищи дают.

Я из узников узник, к почету привычен,
Принимать я людскую заботу привычен.

Это бог воздаянье достойное дал мне,
Он еду и питанье достойное дал мне.

А противиться доле, что дал тебе бог,—
Разве умным назвать это кто-либо мог?

Восхваленье творцу! Он пригрел меня, к счастью,
И не знаться мне лучше с такою напастью!»

ОТВЕТ УДОДА ГОЛУБЮ

И промолвил Удод: «Это все отговорки!
Твой удел — жить обманом и ложью в каморке!

Птицам слушать чудно́ твое глупое слово,
Нет другого, как ты, нерадивца такого!

Бог затем тебе крылья назначил в удел,
Чтоб на них ты вселенную всю облетел.

Ты ж угодником людям назвался покорно
И продался служить им за воду и зерна!

А они ваши стаи гоняют нещадно,
Манят пестрым тряпьем — лишь бы было нарядно!

А вспугнут простаков — вот и вся кутерьма,
Только с крыш поочистят остатки дерьма!

Не дано вам вспарить к испытаниям высшим,
Вы хотите весь век свой кормиться по крышам!»

ПРИТЧА

Это было с лентяем одним нерадивым.
Для народа он был удивленьем и дивом.

К тумакам и пощечинам был он привычен:
Получал он подачки взамен зуботычин.

Его гонят, бывало, а он словно нем
И с издевками подлыми сжился совсем.

И ценой за издевки бывала кормежка,
Ну а пнут — кувыркнется да охнет немножко.

В общем он разживался какой-либо мздою,
И не знался бездельник с голодной нуждою.

Так и было, пока за какой-то кусок
Не ударили так, что уж встать он не смог.

Так что вот: хоть и был за побои он сытым,
Ну а все ж от пинка оказался убитым!»

ОТГОВОРКА ГОРНОЙ КУРОПАТКИ

А еще Куропатка сказалася хилой:
«К-эй, глава всех пернатых, уволь и помилуй!

Я ведь птица, привычная к странам нагорным,
Там я го́спода славлю в смиренье покорном.

От мирской суеты отряхнув свой подол,
Я в горах обрела себе долю и дол.

Я обласкана счастьем — щедротами рока:
Любо мне на вершинах бродить одиноко.

Дивный край диких гор стал мне милым приютом,
И зачем мне страдать в этом странствии лютом?

Путь мой — там, где сокровище клада лежит,
Мне в том кладе для сердца награда лежит.

Там сокровища мысли запрятаны чудной,
Твой же путь — и бессмысленный, и безрассудный».

ОТВЕТ УДОДА КУРОПАТКЕ

И сказал ей Удод: «К-эй, мечты твои скверны,
В голове твоей нет ничего, кроме скверны!

Говоришь, ты в горах жизнь отшельника знала,—
На отшельника ты не похожа нимало!

Все занятье твое — лишь одна суета:
По горам да по склонам, к кусту от куста.

Ну а то, что хохочешь ты смехом бездумным,—
Сумасшедшим то свойственно или безумным.

А сокровища мысли, что ты помянула,—
Это ты ради глупой тщеты помянула.

Кто сама ты, и в мыслях твоих есть ли прок?
Самомненье невежества — худший порок!

Не болтай о сокровищах мысли напрасно,
Не позорь себя ложью такою опасной.

Это все — болтовня и пустое бахвальство
Или это — бессмысленный бред и нахальство!

Ото лжи тебе будет печальный исход:
От нее на тебя сто несчастий падет!»

ПРИТЧА

Жил в какой-то стране лоботряс и проныра,
И решил промышлять ремеслом ювелира.

Не умел отличить он брильянты от бусин,
Но зато в надувательстве был он искусен.

И когда он тем делом заняться сумел,
Он забыл уже прежний свой нищий удел.

Потеревши немного — чтоб долго не блекло! —
Выдавал за рубины он красные стекла.

Мог такое наплесть неумелец тот сходу,
Что казался умелым простому народу.

И однажды всучил тот любитель безделья
Одному богачу вот такое изделье —

За бесценную плату — осколок стекла,
На котором цветистая краска была!

Богатей тот лелеял и гладил безделку,
А как глянец-то стер — тут и понял подделку.

Этой красной стекляшке цена-то — алтун,
А за тысячу продал бессовестный лгун!

Сделку ту отменили, и вора — к ответу.
Только что́ с него взять, если денег уж нету!

Видят — гол и оборван, и мерзкого плута
Прямо тут и убили, измучивши люто.

ОТГОВОРКА ФАЗАНА

А еще речь повел и Фазан розоликий:
«К-эй, в законах главенства искусник великий!

Я ведь птица, известная статью чудесной,
В цветнике всех пленяет мой облик прелестный.

Дивный дар красоты дал мне в долю творец,
И чудесной красы дал мне вволю творец.

И поскольку краса моя так прихотлива,
Потому и пленителен я, словно диво.

Милый люб и любезен в красе благородной,
А жесток и безжалостен только негодный!»

ОТВЕТ УДОДА ФАЗАНУ

«Твои бредни,— промолвил Удод,— неразумны,
И замашки, и мысли вразброд — неразумны.

Не встречался я с речью такою пустою,
Чтобы в ней похвалялись своей красотою!

Слов таких и безумный чудак не болтал,
Ни ребенок, ни просто дурак не болтал.

И распутницам даже, пестро разодетым,
Был бы стыд и позор в словоблудии этом!

Этих бредней любитель острот не сказал бы,
Да какое! Ублюдок — и тот не сказал бы!

Недотепу, поведшего глупую речь,
Лучше было б совсем от пути остеречь!

Ты заносчив по-бабьему — до неприличья,
И, наверно, лишишься мужского обличья!

Званье мужа дается трудом и раденьем,
Тот не муж, кто кичится своим облаченьем.

Ведь достоинство мужа — труды и дела,
Даже если б одежда и старой была».

ПРИТЧА

Вышли в путь два приятеля, связаны словом,
Был один из них мудрым, другой — непутевым.

Первый звался Мудбир, был в делах он злонравен,
А Мукбиль, его друг, был во всем благонравен.

Были все их привычки их кличкам под стать,
Ну а клички их были привычкам под стать.

(Ведь и слово «мудбир» означает «злонравный»,
А вот слово «мукбиль» значит «муж благонравный»)

Речь ведя о подвижниках, вере и боге,
О высоком Мукбиль рассуждал по дороге.

А Мудбир шел, про мерзких людей рассуждая,
О дурном, как безбожник-злодей, рассуждая.

О страданьях один, о грехе говорил,
А другой о пустой чепухе говорил.

Так и шли, друг от друга не ведая прока,
Вдруг вдали дивный город вознесся высоко.

И расстались они, миновавши заставу:
Каждый чаял найти себе дело по нраву.

Первый — прямо к отшельникам здешних сторон,
А другой стал разыскивать гнусный притон.

Первый шахом был принят с великим почетом,
И не знал он предела дарам и щедротам.

В скором времени к шаху два стража здоровых
Притащили Мудбира — в цепях и оковах.

Притащили и все рассказали о нем:
Дескать, ночью негодник упился вином,

Тут затеялась драка — с кровавым исходом,
Вышло так, что Мудбира назвали уродом,

Негодяй за обиду в бреду одичалом
Оскорбителя тут же ударил кинжалом.

В гневе шах возвестил справедливую весть:
Да постигнет Мудбира кровавая месть!

Так достойный спознался с высокою честью,
А негодник покаран был страшною местью.

Искра к небу взвивается смелым полетом,
Муха хочет прилипнуть навек к нечистотам.

ОТГОВОРКА ЯСТРЕБА

Ястреб речи повел перед стаею пестрой,
Когти выпустил он, клюв свой выказал острый.

«Я ведь птицам не ровня, сравниться ль со мною?
Я над всеми пернатыми признан главою.

Знай: все птицы, что речь здесь вели пред тобой,
Для меня только лакомой служат едой.

Мне на шахской руке — и приют, и жилище,
Шах мне сам подает все, что надо для пищи.

А когда над добычей расправлю я крылья,
Даже коршун — и тот поникает в бессилье.

Я у шахов такого почета достиг,
Что и сам, как Симург, и силен, и велик.

Шахский перст — мой престол, я увенчан короной,
И совсем мне не нужен Симург твой хваленый!»

ОТВЕТ УДОДА ЯСТРЕБУ

И промолвил Удод: «К-эй, ты в лапах гордыни,
И невежества когти гнетут тебя ныне.

Свяжет шах тебе лапы, узлами опутав,
Да и только ли шах,— каждый ловчий из плутов!

Заморит тебя голодом тот лиходей —
Так, что мясо твое послезает с костей.

А пока будешь клянчить ты мясо, голодный,
Будут всем твои вопли тоской безысходной.

Бог пошлет — ты и ешь. Душу дурью измаяв,
Ты — как пленник у самых лихих негодяев.

Ну и ловля! Запустят добычу настичь
И под дробь барабанов гоняют на дичь.

Ты находишь таких, что тебя послабее,
Настигаешь в полете и рвешь, не жалея.

Вот изловит тебя человек, приневолит,
И подачкой кормиться навек приневолит.

И когда ты городишь свою ерунду,
Твои речи бессмысленны, словно в бреду.

Будь в тебе хоть немного стыда или чести,
От позора ты сдох бы на этом вот месте!

Но бездонная дурость тебя одолела,
Потому и болтаешь ты так очумело».

ПРИТЧА

Как-то горец медведя поймал на досуге
И пока приручал — чуть не умер с натуги.

И пока зверь не свыкся с судьбой своей жалкой,
Дважды в день горец до смерти бил его палкой.

Зверь такие побои и голод сносил,
Что совсем присмирел и остался без сил.

Горец палку возьмет — только раз и поддаст он,
Глядь — у ног его зверь, ждя побоев, распластан.

Танцевать у дверей он сперва научился,
А потом и готовить дрова научился.

Он поклажу таскал, сколько сможет,— сполна,
И облезла до кожи медвежья спина.

Но любая беда, что сносил он, бывало,—
Видно сдуру, лишь спеси ему придавала.

То мечтал он, что, встретившись с тигром громадным,
Размозжит ему череп в бою беспощадном,

То казалось ему, будто в схватке со львом,
Он врага растерзал да и съел целиком.

Все о пище мечтал — с вожделеньем и смаком,
Только вышло, что сам стал добычей собакам.

Ты вот так же, как он, несуразен и злобен,
И в мечтах своих глупых медведю подобен!

ОТГОВОРКА СОКОЛА

Сокол молвил: «Вожак, полюбившийся стаям,
Ты собрал вкруг себя всех, кем ты почитаем.

Бог меня несказанным величьем отметил,
Силой, редкою в скопище птичьем, отметил.

Другом я и сподвижником шахам зовусь,
Потому я средь птиц падишахом зовусь.

Есть на мне украшенье — венец золоченый,
Бог меня одарил золотою короной.

Да ведь знаешь ты все про меня расчудесно:
Моя суть тебе ведома, имя известно.

Да и должен ли шах, что венцом наделен,
Тосковать по другому — из дальних сторон?

Я привык, словно шах, жить в почете немалом,
И зачем мне у шаха служить под началом?»

ОТВЕТ УДОДА СОКОЛУ

«К-эй,— промолвил Удод,— что за глупые крики?
Сколь темны твои мысли и помыслы дики!

Шахом хочешь ты быть — ишь, ведь как распалился!
Это ты от немыслимых врак распалился!

Ты — и темный и черный, невежда и плут,
Ведь таких нечестивцами люди зовут.

Зваться лишь на словах шахом или султаном —
Это свойственно только бахвалам поганым!

Разве всякий, кто хвалится славою, славен?
Разве муж похвальбою неправою славен?

И зовущий тебя повелителем сброд,
Видно, богом своим истукана зовет [19].

Ты ведь шах — словно в шахматах: внешность красива,
Да величье твое только пешкам на диво!

Что за шах, если лапа любого нахала
То взметнет его ввысь, то швырнет как попало?

От тебя шах, что ищем мы,— дальше мечты,
Лучше быть уж бродягой, чем шахом, как ты!»

ПРИТЧА

Был правитель один, основал он державу,
Счастье подданных там расцветало на славу.

Красота совершенства там зрела обильно,
Без конца, без границ, без предела обильно.

Благоденствие там и порядок кругом,
Горожане там в пышных нарядах кругом.

Там умельцы воздвигли, куда ни взгляните,
Сто больших куполов, каждый — солнце в зените.

Там искусники труд приложили немалый,
Чтоб страна засверкала красой небывалой.

Чудесам и диковинам нет там числа:
В них природа себя в колдовстве превзошла.

Люди жизнь там проводят в забавах и смехе,
И печали там гибнут в веселой утехе.

Был один там бесстыдник — сродни вертопрахам,
Камышовым прозвал он себя падишахом.

Все на нем камышовое было — кафтан,
Даже знамя в руках, даже щит и колчан.

По себе и друзей подобрал тот бродяга,—
Да какие друзья — шутовская ватага!

На пирах красовались повадкою бойкой,
А кончалось все дело срамною попойкой.

Чуть не шахом себя тот бродяга считал,
Все бесстыдства свои он за благо считал.

Да не долго он прожил в безделии сладком,
И пришлось тому дурню поплакать порядком.

Самозванца его же доспехами били,
Весь камыш с него сняли да тут же спалили.

Посрамлен был молвой он. Не можешь — не лезь:
Обернулась посмешищем шахская спесь.

ОТГОВОРКА БЕРКУТА

Тут вмешался орел по прозванию Беркут:
«Ты — вожак, пред тобой все пернатые меркнут!

Мне ли чином равняться со сбродом пернатым?
Соловьям или горлицам быть ли мне братом?

Моя слава известна, и гнев мой суров,
Я владычу над странами горных хребтов.

Сколько за день я съем куропаток — бессчетно!
А не съем — так не буду и спать беззаботно.

С поднебесья, голодный, я на землю пряну,—
Ни оленю спасения нет, ни кулану.

Тот, кто создан великим и глоткой хорош,
Для того на дороге еды не найдешь.

А в пути я устал, утомил свои крылья,
Истомил меня голод — валюсь от бессилья».

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «К-эй, вожак достославный,
Есть ли в мире тебе по величию равный?

Молодецкая стать твоей сути прилична,
С богатырством дружить твоей славе привычно.

Только мне твои крылья могучие жаль,
Жалко клюв твой и когти колючие жаль!

Недостойный! К заветной стремился бы цели!
А тебя, видишь, немощи вдруг одолели.

Ты бесцельно летишь по небесным просторам,
Мощь когтей, силу крыльев ты губишь с позором.

А расписывал здесь ты хвастливо себя,
И расхваливал здесь ты на диво себя!

Только тот может зваться могучим и смелым,
Кто за цель свою ляжет душою и телом».

ПРИТЧА

Жил на свете силач — и здоров, и громаден,
Среди жадных до лени первейший из жадин.

Завтрак в десять батманов лентяю был нужен,
Да такую же долю съедал он на ужин.

Да еще в промежутке бесстыдный нахал
Приблизительно столько же пищи сжирал.

Захмелевшим слоном бушевала в нем сила,
Он резвился, пока его сном не валило.

Вдруг нежданно, веленьем сурового рока,
Вся страна разоренью подверглась жестоко.

И такой неожиданный мор подоспел,
Что народу покинуть пришлось тот предел.

Люди стали сбираться в далекие страны,
Все бежали, боязнью за жизнь обуяны.

И силач — тоже в путь, не раздумывал много,
Он не знал, сколько мук им готовит дорога.

Путь далекий им выпал в пустыне идти,
Как прокормишь такого облома в пути?

А детина, лишь сутки без пищи промучась,
Горько сетовать стал на злосчастную участь.

А еще через день силача одолело:
Стали сила и мощь покидать его тело.

Третий день подошел — он совсем ослабел,
И в пустыне настиг его смертный удел.

Люди шли. Дети пешей толпою шагали,
Те, кто старостью согнуты вдвое, шагали.

Два-три дня еще мучились люди в невзгодах,
А потом в тихом доле нашли себе отдых.

А силач не сумел испытаний минуть,
И позорною смертью закончил свой путь.

ОТГОВОРКА ФИЛИНА

Тут на слабость свою начал плакаться Филин:
«Эй, вожак, я ослаб и совсем обессилен.

Жизнь свою провожу я средь мрачных развалин,
Где, того и гляди, будешь насмерть завален,

И кричу я, тоскою объятый, навзрыд,
Словно люди от скорби утраты,— навзрыд.

Возношу я стенанья, тоскуя по кладу [20],
Распаляю надеждою в сердце досаду.

Не страшны, говорят, и лихие лишенья,
Если клад будет послан судьбой в утешенье.

Одержимый мечтой о сокровище том,
Стерегу я развалины ночью и днем.

Дальний путь мне не нужен, уволь! Я не скрою:
Что Симург мне? Зачем мне бродить Каф-горою?»

ОТВЕТ УДОДА

«К-эй,— промолвил Удод,— нет обмана опасней,
Губишь душу ты этой нелепою басней.

Твое сердце объято надеждою ложной,
Ей свершиться — ведь это исход невозможный.

Ну, допустим, отыщешь желанный свой клад,
Ты подумай-ка, плакальщик скорбных утрат,—

Что за прок тебе будет, помимо напастей?
Каждый миг будешь пленником новых несчастий!

Ты от этих напастей погибнешь с позором,
А сокровище станет добычею ворам».

ПРИТЧА

Жил в одном государстве безумный отшельник,
Днем и ночью скрывался в руинах бездельник.

Вырыть клад одержим был надеждой упрямой
И в руинах выкапывал яму за ямой.

И когда претерпел он немало уж бед,
Случай вывел его на желаемый след.

Дверь видна ему стала в проеме разъятом,
А за нею — проход к богатейшим палатам.

Видит: сорок сосудов — казна Феридуна,
Да какое! — Несметные клады Каруна.

И безумец беспамятством вмиг был объят.
Вдруг явился откуда-то мерзостный гад,

И узрел он пришельца в развале том жутком
И казну, от которой простишься с рассудком.

И блеснул над безумцем кинжал изувера,
И окрасились кровью и клад, и пещера.

Был мечтой его жизни запрятанный клад,
Только все обернулось ему невпопад.

ОТГОВОРКА ГУМАЮНА

Речь повел Гумаюн — блеском лучший из лучших.
«Эй,— сказал он,— великий наставник заблудших!

Чин высокий мой столько обрел благодати,
Что под сенью моею — престол благодати.

Сени крыльев моих столько счастья дал бог,
Что под нею стать шахом и нищий бы смог.

Знать, где шах ваш неведомый, мне ли пристало?
Изнурять себя бедами мне ли пристало?

Лучше в небо вспарю я сверкающим взмахом,
Пусть дают мои крылья пристанище шахам!»

ОТВЕТ УДОДА

«К-эй,— промолвил Удод,— речь твоя — только бредни,
Будто все это плел здесь безумец последний.

Твоему неразумию нету предела,
Прикрываешься этим ты очень умело.

То, что крылья твои дарят шахам приют,—
Эту веру тебе заблужденья дают.

А в историях шахов, что ныне известны,
Есть ли вести об этом? — Они неизвестны!

Разве шахская доля дана им тобою,
Хоть подобный почет и желаем тобою?!

Небылицею ложной ты тешишь себя,
Мыслью самой ничтожной ты тешишь себя.

Даже если бы правдой твой бред оказался,
И в тебе этих качеств хоть след оказался,

Шахской властью людей награждает всесущий,
А тебе-то она ведь не стала присущей!

Как и псам, тебе служит поживою кость.
Эко диво — мусолить паршивую кость!

Знай, о пленник, погрязший у вздора в неволе,
Ты достоин такой незавидной юдоли!»

ПРИТЧА

На Персидском заливе добытчики сворой,
Жаждя в море разжиться добычею скорой,

Платят пять или десять дирхемов — по чину,
Чтоб бросался ныряльщик в морскую пучину

И, рискуя стократно всей жизнью сполна,
Доставал бы бесценный им жемчуг со дна.

А в жемчужнице — тысячной россыпью зерна
Или только одно, но отменно отборно —

Будь хоть с шахский венец, а таков уж обычай:
Нанимателю все это будет добычей.

Все купец отберет, отбирать он горазд,
А пловцу только пару монеток отдаст.

Тот хоть что-то берет, а тебе — что досталось?
Только костью, как пес, и насытишься малость.

Коль умен, не поддайся бессмысленным спорам,
Ибо все твои речи наполнены вздором.

ОТГОВОРКА СЕЛЕЗНЯ

«К-эй, избранник,— явил тут и Селезень норов,—
Мне дарована жизнь среди водных просторов.

А без них я печалюсь печалью лихою,
Словно рыба, что брошена наземь рекою.

Ну а раз жизнь в воде уготована мне,
Непорочности благо даровано мне.

Чистота и безгрешность даны мне водою,
И великих похвал я поэтому стою.

Миг единый пробуду с водою в разлуке —
Сотни раз претерплю несказанные муки.

На волнах и молитву творить я привык,
В водном зеркале виден желанный мне лик.

Лишь в воде мне дорога к заветным стремленьям,
Путь иной для меня был бы злым заблужденьем».

ОТВЕТ УДОДА

«Тешишь ты себя,— молвил Удод,— ерундою,
Будто дочиста ум твой промыло водою.

Ты твердишь, будто коврик свой стелешь на воду [21],
Эту глупость и сыч не проделывал сроду.

И о том, что безгрешен ты, вслух не болтай,
Что из грязной воды выйдешь сух,— не болтай.

Если чист, то зачем же нырять то и дело,
День деньской на реке полоскать свое тело?

Если сеешь в душе своей зерна порока,
Как ни мойся, а все пропадает без прока.

Не достоинство это, а стыд и позор,
Много мылся, а чистым не стал до сих пор.

Если муж ты, то вот тебе море свершений,
Окунись в него смело и стань совершенней».

ПРИТЧА

Был в морях Индустана купец очень ловкий,
Отличался он в сделках завидной сноровкой.

Вкус торговли познав и деньгу заработав,
Погрузился он в море корыстных расчетов.

Дольше, чем десять дней, не бывал он нигде,
Лишь закончит торговлю и — в путь по воде.

Он годами ходил вот в такие походы
И считал, что на море не страшны невзгоды.

Близко к Мекке бывали суда им водимы,
Но свой долг он не ведал: хоть близко, да мимо.

Люди ропщут: мол, путь-то к священным местам,
Он не внемлет им, в жадной корысти упрям.

Как-то раз море волнами вспенилось в шквале,
И суда то ныряли, то к небу взлетали.

В бездне помыслов жадных погиб тот купчина,
А корабль поглотила морская пучина.

Из-за страсти к воде он для веры погиб:
Стал в гордыне своей он поживой для рыб.

ОТГОВОРКА ПЕТУХА

Речь повел и Петух с нерадивостью злостной:
«К-эй, ниспосланный птицам вожак венценосный!

Мы венцами похожи по милости бога,
Только наши дела разграничены строго.

Бог тебя наградил даром власти живой,
Сделал птицам тебя вожаком и главой.

Мне он дал дивный голос, чтоб сладостным пеньем
День деньской я людей призывал бы к моленьям.

Тот, кто создал всех птиц и зверей — все живое,
Дал тебе долю странствий, а мне — жить в покое.

А за то, что петух молодечеству друг,
Дал творец ему много красивых подруг.

Кто не может летать, для того, я не скрою,
Вряд ли нужен Симург да еще с Каф-горою!»

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «Это было б правдиво,
Если б ты про другого наплел это диво.

Птица есть, говорят, что сама не летает,
А на веточках лотоса гнезда свивает.

Все вмещает ее удивительный дом.
А летает она только вместе с гнездом.

Все гнездо вместе с веткой взлетает, бывало,
Но никто не видал, чтобы птица летала.

Без Симурга не жить ей — отдельно и сиро,
Вне слияния с ним нет иного ей мира.

Ей неведомы беды и горе разлук,
Лик Симурга пред нею повсюду вокруг.

Это он увенчал ее образ короной,
Дал восторг ей, слияньем с собою дареный.

Жизнь ее единеньем с собой охранял он,
От других ее мир и покой охранял он.

В единенье душа — словно жемчуг, чиста,
Но, как жерла жемчужниц, безмолвны уста.

Ты — той птице не пара, певец незавидный,
И срамишь ты себя болтовнею бесстыдной

Лишь грешить день деньской — твой нелепый обычай
Да орать беспрестанно, не зная приличий.

Сто грехов совершаешь ты, душу губя,
А к достойным созданьям относишь себя.

И с такой-то повадкой, ничтожной и слабой,
Ты уже не петух, схож ты с курицей-бабой!»

ПТИЦЫ СПРАШИВАЮТ УДОДА О ТОМ, КАК ОНИ СВЯЗАНЫ С СИМУРГОМ

И когда отговорки различного рода
Получили достойный отпор от Удода,

Тут пернатая стая от слов поустала,
Продолжать разговоры ей мочи не стало.

Все в смятении были, куда ни взгляни,
И к Удоду вопрос обратили они:

«К-эй, вожак и глава наш, ты — перл совершенства,
И тебе подобает корона главенства.

Много в жизни пустынь и степей одолел ты,
Путь, которого нету верней, одолел ты.

Испытал ты надежды и горе в пути,
Знаешь, как исцеленье от горя найти.

Мы — несчастная стая, поникшая хило,
Униженьем нас горе-злосчастье сломило.

Тайна та нашим душам еще не блистала,
В нас невежества много, а знания мало.

Нас ничтожной пылинкой в низинах влечет,
Он — блестящее солнце средь горних высот.

Высотой он превыше небесного свода,
Широтою он шире всего небосвода.

Он парит над девятым надоблачным слоем,
Мы и жалкой былинки все вместе не стоим.

Как мы связаны с ним и его существом?
Что за смыслы таимы его существом?

Перед тем падишахом померкнут все шахи,
Мы ж беднее всех нищих, простертых во прахе.

Объясни нам, постичь его — разум бессилен,
И рассудок понять его разом бессилен.

Он — величьем высок, мы — ничтожны пред ним
Капля связана с морем законом — каким?».

ОТВЕТ УДОДА ПТИЦАМ И РАССКАЗ ЕГО О ЯВЛЕНИИ СИМУРГА

Ответил Удод расшумевшимся стаям:
«Шахиншахом великим его мы считаем.

Как сокровище, скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.

И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.

И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто мильонов теней обозначились резко.

И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.

Образ птиц всего мира, все их существо —
Знай: то тень многомудрой природы его.

Кто познал мудрость этих свершений и понял,
Тот к Симургу свое отношение понял.

Но, провидец, кому этот смысл будет ведом,—
Не вверяй эту тайну речам и беседам.

Знаешь правду ты, глубь этой сути познав,
Поручи ее богу — и будешь ты прав.

Смысл познавший над смыслом не властным зовется,
А лишь к истине смысла причастным зовется.

Если ведаешь ты, чьей являешься тенью,
Мощь и сила даны твоему разуменью.

Тот, кто тень эту ищет, а света лишен,
Знай: Симургову тень не изведает он.

А желал бы Симург быть неведомой тайной,
Тень его не была бы такою бескрайной.

Знай, что сущ отблеск тени повсюду дающий,
Если тень его сути является сущей.

Если ж видеть Симурга глазам не дано,
То зеркального блеска сердцам не дано.

Кто тот лик прозревающих глаз не имеет,
Знай, что смысла чужой пересказ не имеет.

Красота его сути любви пожелала,
И явил он подобное солнцу зерцало.

Чтоб себя в нем красой просветленной явить
И красе своей отклик влюбленный явить,

Ведай: сердце восприняло свойства зерцала,
Чтоб сверкание истины в нем не престало.

Так что вот: он являет красы просветленье,
Ты же с сердцем твоим — лишь его отраженье».

ПРИТЧА

Жил-был шах, красотою — как месяц в зените,
Словно шах среди лун был он в войске и в свите.

Кипарису по статности с ним не сравниться,
Солнце быть рядом с ликом его устыдится.

Был смятением мира чудесный тот лик,
Кто смотрел на него, погибал в тот же миг.

В мир краса его бедственной смутой запала,
В души страсть к нему гибелью лютой запала.

Кто красой всему миру на диво отмечен,
Сотней тысяч примет он счастливо отмечен.

И когда он на площадь верхом выезжал,
И в толпу, бойко правя конем, выезжал,

Кто ему по пути ни встречался, бывало,—
Всех краса его сразу же насмерть сражала.

Вся, как есть, в горах трупов, бывало, дорога,
Погулял — да назад: не проедешь тут много.

А молва о красе его всюду была,
И беда от него всему люду была.

И когда весь народ мор оплакивал в плаче,
Он задумал являть лик свой людям иначе.

Повелел он — и сделали слуги зерцало,
И поставили так, чтоб пред троном стояло.

Пред дворцом приказал он построить чертог,
И светильник в нем яркий, как звезды, зажег.

Он и сам на свое естество любовался,
И народ отраженьем его любовался.

А пока он не сделал такого зерцала,
Красота его людям добра не давала.

А теперь от красы сам изведал он прок,
И смотревших красою он радовать мог.

Поразмысли и ты: сердце — это зерцало,
Чтобы в нем красота отраженье являла.

Сердце — как бы зерцало в обители тела,
Зри, и шаха красу в нем разглядывай смело.

Только ежели зеркалу блеск не придать,
Падишах тот не явит свою благодать.

Отраженье красы той прозришь ты в зерцале,
Коль к прозренью себя подготовишь вначале.

Сколько в зеркале будет сверканья и блеска —
Столько в нем отражений проявится резко.

ПРИТЧА

Как-то раз Искандер ввел обычай забавный —
Самому быть послом своей воли державной.

Так Симурга, привыкшего к славе и высям,
Сделал он как бы голубем — носчиком писем.

Вот в какое-то царство приехал он сам,
А повел себя, как подобает гонцам.

Искандеров указ возвестил он исправно,
А ведь сам Искандером и был он,— забавно!

Речь свою по повадкам послов возгласил он,
Сам указ свой — из собственных слов — возгласил он.

Кто ж мог знать, что вот он-то и есть Искандер?
Что гонцом сам принес свою весть Искандер?

Дал он ход повеленьям своим и указам
И поведал все то, что таил его разум.

И средь тысяч людей не постиг ни единый,
Что за образ таится под этой личиной!

Кто о шахе болтать небылицы готов,
Внял бы лучше потайным значениям слов.

И когда птицы поняли это вот слово,
Стал им внятен смысл тайн, скрытых сенью покрова.

Стали птицы посланцами цели высокой,
Как бы слиться с судьбою сумели высокой.

Теплой дружеской речью согрел их вожак,
Неприкаянных — дружбой с собою сопряг.

Но вопросом опять зазвучали их крики:
«К-эй, в законах вожденья искусник великий!

Мы — несчастная стая, и нет у нас силы,
Наши души ослабли, тела наши хилы.

Долг велик, путь далек, бедам — нет и числа,
Как же сделать, чтоб цель наша верной была?»

ПТИЦЫ СПРАШИВАЮТ УДОДА О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПУТИ, И ОН ОТВЕЧАЕТ ИМ

И сказал им Удод, приступая к ответу:
«Вот что должно вам ведать про истину эту.

Вам в дороге любовь — всем основам основа,
Для влюбленных невнятны ни разум, ни слово.

Тот, кто верен в любви, смерть того не страшит,
И бесчестие веру его не страшит.

Если нужно, то верный во имя кумира
Может с жизнью расстаться, отречься от мира.

Верным жизнь может стать лишь преградой для блага,
Словно путь пресекли им глубины оврага.

Верен тот, кто и душу, и тело забыл,
Зло и благо и всякое дело забыл.

Пламень верности жизнь и вселенную губит,
И бесчестье, и веру — все тленное губит.

Тот, кто верен, не знает ни славы, ни срама,
Отрешен от людей, отрешен от ислама.

Верность издавна страсти и тяготы жгли,
Словно молнии, жгущие тело земли.

Кто был верен и в страсти был предан мученьям,
Смертный час ему будет от мук избавленьем.

Кто к кумиру любви устремленье имеет,
Для него разве горе значенье имеет?

Верно́сть в мраке ночей рдеет пламенем бед,
Скорби мира дают ей немеркнущий свет.

Скорбь и горе — то пламенной страсти примета,
А без них сердце радостью мук не согрето!»

О слагающий песнь! Спой нам горестным ладом!
Кравчий! Счастье мне будет губительным ядом!

Чашу горя мне дай и недуг подари,
И душе участь горестных мук подари!

Выпью чашу — и жизнь свою разом забуду,
Веру в бога, рассудок и разум забуду.

Дом неверия лучшим из мест я признаю,
Повяжу я зуннар, даже крест я при́знаю.

Захмелев в кабачке, позабуду я честь,
И, спаливши коран, стану идолов честь.

Где пристанище страсти — туда мне дорога,
И избавлю я душу от чести и бога.

Буду в колокол бить непотребным я звоном,
Перед идолом ниц, дам я волю поклонам.

К пояснице своей повяжу я зуннар,
Изойду болтовнею, веселием яр.

ПРИТЧА

Шейх Санан был в чести у благого порога,
Тайн невидимой сущности ведал он много.

Средь святых и святейших он жил у Каабы,
Его святость с пророками спорить могла бы.

Он в народе столпом благочестия слыл,
Шейхом шейхов священной Каабы он был.

У дверей его — шахи, как нищие — кру́гом,
Несказанно горды, коль пускал их к послугам.

Все молитвы его за скорбящих в печали
Сонмы ангелов, руки воздев, привечали.

Лик желанный — мечтаний и дум существо —
Рдел сиянием в зеркале сердца его.

С ним мюридов — четыреста, сутью и с виду
Джунаиду под стать и сродни Баязиду.

По величью он выше высот небосклона,
Милосердьем — превыше предвечного трона.

Если мир почернеет от дыма и бед,
От дыханья молитв его вспыхнет в нем свет.

А для тех, кто спознался с лихою напастью,
Он молитву прочтет — и не быть их несчастью.

Все реченья его — дар пророчеств небесных,
А свершения — плод откровений чудесных.

Лишь помыслит о чем-нибудь — сбудется враз,
Лишь увидит — и явью все станет тотчас.

Как-то раз ночь за ночью ему сновиденье,—
Потерял он покой и лишился терпенья.

Он проснется и молит защиты и крова,
А закроет глаза — тот же сон ему снова.

Будто в чуждой стране он бредет наобум,
А потом узнает, что страна эта — Рум.

Там забрел в монастырь он и вдребезги пьяным
Стал молиться под стать бывшим там христианам.

Сон маячил пред ним неотвязною тайной,
И решил он: беда эта — знак не случайный.

Всякий жребий — притон ли, святыня святынь —
Предначертан судьбой, как ни брось, как ни кинь.

Значит, надо в те страны скорее сбираться,
Если рок повлечет — не робея, сбираться.

Раз уж мне этот край предуказан судьбою,
Что со мной ни случится — я связан судьбою.

Поразмыслил о деле он: как ни верти,
Видит — выхода нету и надо идти.

Вот пошел он, как путник, к священным оградам,
Сотню раз обошел их прощальным обрядом.

Обходя, предавался он горестным думам,
И пошел он в предел, называемый Румом.

И узнали сподвижники шейхов обет
И пустилися в странствие шейху вослед.

Так и шли они — праведник подвигов славных
И четыреста присных — мужей достославных.

В сердце шейха запали тревога и смута,
И губить его стали жестоко и люто.

Каждый миг приносил ему тяготы дум,
И от них непрестанно бывал он угрюм.

И друзья перемену в нем ту распознали,
И печаль, и его маяту распознали.

И решили вопрос обратить к нему чинно,—
Им неведомо было, в чем грусти причина.

На вопрос их — от шейха ни слова в ответ,
И от этого было немало им бед.

Прямо к цели за ним они следом шагали,
Да не к цели — к бесчисленным бедам шагали!

И пока они шли в ту страну вереницей,
В сердце шейха тревоги вздымались сторицей.

Миновали они много мест и дорог.
Вдруг пред ними возник необычный чертог.

Купола его — ровня небесному своду,
Много башенок странных, невиданных сроду.

Его камни — из скал неудач и несчастий,
Кирпичи же — из глины скорбей и напастей.

В красоте его скрыто сто грозных примет,
Сто узоров на нем — удивительней нет.

Там с причудливых башенок смотрится смута,
И скитальцу ни крова там нет, ни приюта,

Ярче страстных очей там оконные щели,
Но пристанища зла в них укрыться сумели.

Истой вере чертог тот — погибель и вред,
И повсюду там страсти погибельной след,

Там в проемах — как горы камней для защиты —
Злом страстей отсеченные головы скрыты.

Правоверных побить они градом готовы,
Целый мир погубить камнепадом готовы.

Скрыты полчища гнуси за створой ворот,
Гнусный купол дворца шириной в небосвод.

Там сто тысяч коварств слиты в цепь, словно звенья,
Страсть безумьем сковала их в цепь исступленья.

Жаром страсти горят там — сто огнемолелен,
В них — ста тысяч безумств хоровод беспределен.

В том чертоге — кружение дыма, и чад
Черным мраком безверья и злобой чреват.

Этот древний притон, в жертву отданный сквернам,
Не был ведом еще нечестивцам и верным.

И покинули силы тут шейхово тело,
Душу немощью горя и мук одолело.

Цепенением слабости скован он был,
Блеском мира чудес очарован он был.

Зачарованным взором скользя по громадам,
Вдруг с одним из чудес повстречался он взглядом.

Видит — будто завеса простенок прикрыла,
Широтой — словно небо, а в центре — светило.

Ветер полог надует и чуть отвернет —
И лучи того солнца сверкают с высот.

Да какое там солнце — сто солнц бесноватых
Мотыльками порхают в горящих закатах.

Воплощенье чудесного духа то диво,
Его трепет в душе отражается живо.

А за ним образ гурии дивом блестит,
Кипарисом прямым и красивым блестит.

И душа зачарована чудным тем ликом,—
Каждый миг предстает он в виденье столиком.

Посрамит ее облик и пери, и гурий,
А краса — ярче солнца в рассветной лазури.

Лик ее — яркий свет, кудри — темень и мрак,
Признак веры — тот свет, тьма — безверия знак.

А завесой кудрей лик свой томный закроет —
Будто солнце завесою темной закроет.

Ее косы — мир тьмы света ясного чадам,
Словно вздохи влюбленных, дымящие чадом,

Брови — будто окружия новой луны,
Для безумных влюбленных — смятенья полны.

А под сводом бровей — взор, грозящий бедою,—
Ведь и своды чертога там смотрят с враждою!

А ресницы вкруг глаз — как войска: ряд за рядом,
Все мятежной толпою готовы к осадам.

Под очами — по крошечной родинке. Да! —
Это точка под буквою в слове «беда» [22].

Эти точки — под оком, и в точках — уста,
У единой беды точек — словно у ста!

Ну а рот — как тайник, как пристанище тайнам,
Да и сам словно скрыт под покровом потайным.

А уста исцеление немощным шлют,
И дыханьем Исы в них дар речи вдохнут.

Те рубины исток вдохновениям дали,
Для ослабших они исцелением стали.

Ямки щек! Там сто тысяч невольников скрыто —
Ханаанских Юсуфов столикая свита!

А кудрей своих кольца арканом метнет,—
И без счета в извивах их гибнет народ.

Складка с ямкой у рта с буквой «нун» очень схожи [23],
Рябь на влаге живой — блеск мерцающей кожи.

Стана нежный побег — весь в лучах перелива,
Как живая вода — поступь блещет игриво.

А глаза и уста, как на диво,— в разлад;
Убивают одни, а другие живят.

Тело — розам под стать, платье — роз изобилье,—
Сотни тысяч сердец повергают в бессилье.

А на платье — накидка, пестра и нарядна,—
Потрудились тут френги-умельцы изрядно!

Кто соцветьем наряда и будет убит,
Благовонье стократно его оживит.

Взор безбожный ее — предан злобе и скверна́м,
И погибель, и смерть в нем сынам правоверным.

Кто в мечтах обольщен кос коварным зуннаром,
Веру в бога растопчет в безверии яром.

Ее ласки и нега всю душу зальют,
Словно влагой и медом наполнят сосуд.

Свет ее красоты жжет вселенную жаром,
Пламя уст ее жжет душу тленную жаром.

Здесь разумные станут огню поклоняться
И святые на святость свою покусятся!

Эта дочь христиан — небывалой красы —
В блеске солнца предстала, как чадо Исы.

Сердце шейха, как молнией, искрой пронзилось,
И душа его в море огня погрузилась.

Но себя охранил он, к прощенью взывая,
«Бог велик!» — под молитвенной сенью взывая.

Приоткрыла красавица пламень лица
И сожгла всю молитву его до конца.

Стал на землю он падать, ослабший и хворый,
Но обители тела стал посох опорой.

Прислонился спиной он к высокой ограде,
Изумленье пред чудом застыло во взгляде.

Но и телу и посоху был свой предел,
И, лишившися сил, он на землю осел.

Вдруг безгрешную душу согрело любовью,
Кровь вступила, исполнилось тело любовью.

То ли немощь, то ль сила вошла в его тело —
В изумленье застыли друзья онемело.

Друг на друга они удивленно глядят
И разводят руками, потупивши взгляд.

Все до ночи в великом смятении были,
Да и горем убиты не менее были.

Ночь сокрыла свет дня темнотою обложной,
Словно темень безверья — тот замок безбожный.

Мрак за теменью пал, и слепой и немой,
И пришельцев окутало черною тьмой.

И остались пришельцы в земле нечестивых.
Не земля — горы бед там зияют в извивах.

И для шейха настал день великой печали,—
Темной ночи такой люди ввек не видали.

Небо скрылось под пологом бедствий и мук,
По нему — звездной россыпью гвозди вокруг.

Чтоб взрыдать небесам, ночь их дымом закрыла,
Чадным облаком, в выси гонимым, закрыла.

И тогда небеса без движенья застыли,
Словно горы — в могучей и скованной силе.

Небо пленникам бедствий страду принесло,
И большую, как горы, беду принесло.

И сокрылась вселенная в жутких тех кручах,
Пали вниз миллионы каменьев горючих.

Очи неба слезинками звезды роняли,
Словно плача о шейхе в жестокой печали.

Этот плач — поминанье о людях земных,
Темень черных одежд — это траур о них.

Шейх повержен, и попран, и сломлен бедою,
Изнемог он, спознавшися с долей худою.

Гнетом страсти давим, в униженье убогом
На земле он лежал пред безбожным чертогом.

Страсть сожгла ему душу и тело огнем,
Вера в бога в неверье горела огнем.

В море слез он тонул в муках жажды тяжелых:
Пламень сердца из уст вырывался как всполох.

Страсть любви ему все пеленою затмила,
Мраком ночи ему все земное затмило.

Сто негаданных бедствий послал ему рок,
И несчастный сквозь слезы рыданий изрек:

«Что ни миг, то несчастье и новая кара,
И за что мне, о небо, суровая кара?

Ты отняло покой мой и страстью смутило,
Сотня огненных бедствий меня поглотила.

Светом солнца сначала согрело мой взор,
А потом плен и мрак мне послало в позор.

Да и только ли мрак овладел небесами?
Самый лик естества измарало ты в сраме.

Это ад скрыл вселенную клубами дыма,
Пламя ада — души моей жаром палимо.

О аллах! Это что за ненастная ночь!
Где бывала такая несчастная ночь!

Я изведал немало несчастий ночами,
Но не видел таких я напастей ночами.

То не ночь — это сумрак, извергнутый адом,
Или — стоны небес мир окутали чадом.

Да не ведает ночь эту боле никто,
Да не знает подобной неволи никто.

Начинать ли про муку ночную рассказы,
Иль про день моих бедствий начну я рассказы,—

Чувства в теле, желанья, рассудок и разум
За завесою страсти сокроются разом!

Всех желаний, что жгли меня ранее, нет,
Только в муках любви им скончания нет!

Я и сил не найду в своем немощном теле,
Чтоб снести вот такие рыданья сумели.

Голове моей как притерпеться к ударам,
Чтоб не сдаться каменьям печали и карам?

Где глаза — лунный лик созерцать без конца,
Не ослепнув пред солнцем такого лица?

Где мой лик — распластаться пред светлым порогом
И припасть, словно к шаху, в смиреньи убогом?

Руки где, чтобы в грудь мне вонзили каменья,
И посыпали голову прахом смиренья?

Где мой разум, что мог бы себя соблюсти
И угрозам безумия встать на пути?

Где мой ум — объяснить бы все сущее толком
И разбитое сердце собрать по осколкам?

Где терпенье, чтоб немощи мог побороть я,
Залечить свою печень, срастив все лохмотья?

Скорбь стерпеть — где во мне хоть в помине душа?
Нет ее, ведь мертва и поныне душа!

Где же сердце мое — кровь проталкивать в жилах? —
Как и душу, его отыскать я не в силах.

Этот путь мне бедою из бед обернулся,
Да такой, что уж хуже и нет, обернулся.

Лучше б я не родился и не был бы жив,
Чем познать эту жизнь, столько горя вкусив!

Лучше б молния с неба бедою слетела,
И следа не оставив от бренного тела!

Помогите, друзья, вняв души моей крику,
Не щадите, убейте меня — горемыку.

Да не ведает мир стыд деяний моих,
Да не слышит никто стон рыданий моих.

О друзья, разрубите мне тело и кости,
И сожгите, и пепел мой по ветру бросьте!

И не знал бы я в мире стыда посрамленья,
Лучше раз умереть, чем стократ за мгновенье».

Изумясь его бедам, рыдали друзья,
Стали кровью рыдать от печали друзья.

И друзья его все, состраданьем согреты,
Стали шейху наказы давать и советы.

Шейх не слушает слов их, не внемлет советам,
Смысл речей до него не доходит,— да где там!

На вопрос по законам разумных примет
По обычаям страсти дает он ответ.

Вот один говорит: «Мудрый муж благодатей!
Прах с пути твоего — как сурьма для собратий.

Кто спознался в дороге с тяжелой судьбою,
Тот спасенье найдет, коль владеет собою».

Шейх ответил: «О сын мой, владеть-то мне чем?
Потерял и себя самого я совсем».

А другой говорит: «Это дело шайтана,
Лишь в раденье предел наваждениям обмана».

Шейх промолвил: «Лишь собранность делу подмога
Я ж растерян душою, в том пользы не много».

Третий молвил: «Наставник хранящих завет,
Лишь молитва спасет от нагрянувших бед».

Шейх сказал: «Ты таких не растрачивай кличей,—
Я — безумен, безумцам неведом обычай».

Кто-то вымолвил: «Сам омовение сделай,
Да и спутникам знак позволения сделай».

Шейх сказал: «Кроме слез, где найдется вода?
Кровью печени в очи мне льется вода».

Пятый молвил: «Купанием сердце очисти,—
Верный путь отряхнуться от зла и корысти».

Шейх сказал: «Отрешеньем, как морем, объятый,
Я тону. Так чего ж еще ждешь от меня ты?»

А один произнес: «Четки есть у тебя,—
От невзгод ты избавишься, их теребя».

Шейх ответил: «У четок порвалась бечевка,
И меня, как зуннаром, опутала ловко».

А другой дал совет: «Подзаймись зубочисткой,—
Все исполнишь обет,— меж зубов ее тискай!»

Шейх сказал: «Зубочистка — один лишь каприз!
В изумлении немощи перст я изгрыз».

И еще был совет: «Коль гнетут тебя страхи,
Головой преклонись для молитвы во прахе».

Шейх сказал, кровью слез обливаясь как потом:
«Головою прикован я к этим воротам».

Кто-то молвил: «Хоть к Руму лежали пути,
Но не впору ль теперь нам к Каабе идти?»

Шейх сказал: «У Каабы искомое мною
Здесь нашел я. Что делать мне с долей иною?

А еще один молвил: «Мы вышли к пустыне,
В самый раз нам бы к Мекке направиться ныне».

Шейх ответствовал: «Здесь я и Мекку обрел,
Если Рум предо мною, зачем мне тот дол?»

А один говорит: «Раз дошли мы до цели,
Не пора ль о родном нам подумать пределе?»

Шейх ответил: «Дарующий блага зиждитель
Вместо родины дал нам вот эту обитель».

Кто-то молвил: «Узнали бы шейхи сей срам —
И воздалось бы карой суровою нам».

Шейх сказал: «Дружба с ними нужна мне едва ли,
Я друзей обрету и в питейном подвале».

Кто-то рек: «Где же святость твоя затерялась?
Где ж забвение благ бытия затерялось?»

Шейх сказал: «Здесь и святость блаженней найдется,
И в обители сей сто забвений найдется».

И в ту ночь все стократ претерпели печали,
И несчастиям шейха они сострадали.

Шейх укоры встречал с равнодушьем усталым,
А давали советы — совсем не внимал им.

На заре нечестивцы галдеть принялись,
На дела правоверных глазеть принялись.

Правоверных покрыли глумливой хулою,
Расхвалив свою веру чрезмерной хвалою.

Издевались жестоко над верною верой,
И своей похвалялися скверною верой.

И равняли они, погрязая в грехах,
Мерзость идолов с верой, чей символ — аллах.

Ведь и так было множество бед этим людям,
Стал еще от безбожников вред этим людям.

Люди шейха и те, что пришли из чертога,
Речь вели то добром, то сурово и строго.

Нечестивцам в их споре и шейх помогал,—
Правоверным от этого стыд был не мал.

И пока мрак сменился рассветом багряным,
Скорбь лихая послала извод мусульманам.

И когда яркий свет пересилил потемки,
Нечестивцы ударили в колокол громкий.

И явил небосвод солнца блещущий блик,
Словно дочь христиан показала свой лик.

Нечестивцы совсем распоясались в споре,
Как увидели шейховы страсти и горе.

Пыл неверья вовсю овладел их оравой,
Нечестивцы расхвастались силою бравой.

Правоверным позорище стало невмочь,
Бросив шейха, в стыде побрели они прочь.

Шейх посмешищем стал даже детям неверных,
Им потеха была в его муках безмерных.

Он — несчастный, восторженный, старый, убогий —
Зачарован виденьем, лежал средь дороги.

Шедший люд издевался отвратно и зло,
Он же смог бы стерпеть и стократное зло.

Быль и небыль, наверно, его пожалели б,
И неверный, и верный его пожалели б,

Только та христианка погибельным жаром
Обрекла участь шейха несчастьям и карам,

И с пути правоверного сбила его,
И позором бе́зверья покрыла его.

На страдальца, посдвинув свой полог, смотрела,
Как на жертву потайно из щелок смотрела.

Но, небрежно смотря на простертое тело,
Она мук его взять себе в толк не умела.

Жизнь и веру надеялась разом отнять,
А смогла лишь рассудок и разум отнять.

Душу шейха томленьем кручина палила,
Тайны с явью смешав воедино, палила.

Днем до вечера печень рвалася на части,
Ночь сменялась зарей — погибал он от страсти.

Как за месяц, росли его муки за миг,
А за месяц он сколько мучений постиг!

И росли без конца и предела страданья,
В черный прах превратили все тело страданья.

И однажды та дева, безбожница злая,
Вновь явила себя, красотою блистая.

Опаляя весь мир блеском злой красоты,
Вопросила о тайне его срамоты.

«О питомцев ислама глава и вожатый,
Их наставник и веры исламской глашатай!

Коль Кааба тебе — смысла жизни основа,
Почему в сей обители ищешь ты крова?

Если ты правоверных главой наречен,
Что ж, как пленник, пришел в нечестивый приток

Ведь свернув отдохнуть на ночную стоянку,
Утром странники снова бредут спозаранку.

Ну а шейх, целый месяц здесь крова искавший,
И покой у чертога чужого искавший,—

Разве в доме бесчестья покой обретет?
Да и прок от неверных какой обретет?»

Шейх смотрел на красу — изумленье вселенной,
Слушал звук ее слов, в глубь души впечатленный,
И все члены его истомила усталость,
И все тело его в корчах мук извивалось,

Разум сник и умолк, от бессилия нем,
В теле признаки жизни исчезли совсем.

Людям мнилось,— нашел уже смертный удел он,
Словно тысячу жизней прожив, одряхлел он.

Словно труп он лежал — днем и в сумраке ночи,
Лишь за девой вослед поворачивал очи.

Нечестивцы дивились немало ему,
Та злодейка — и то сострадала ему.

Подошли нечестивцы к его изголовью,
Восхищаясь такой небывалой любовью.

Приподняв его голову, люди узрели,
Что жива еще жизнь в этом немощном теле.

И любовь его людям сердца проняла,
И красавица та отвратилась от зла.

И когда она тронула жертву ногою,
Вздох страдальца исполнился силой благою.

И пред той розоликой очнулся он снова,—
Ни кровинки в лице, на устах — ни полслова.

Долго-долго безгласен и нем он лежал,
Дара речи лишенный совсем, он лежал.

И когда от надежд поокрепла в нем сила,
Нечестивица злобная снова спросила:

«Мы уже вопрошали о шейховой доле,
Чтоб узнать, что за беды его побороли.

Только шейх не сумел ум сберечь — потерял,
И от радости он даже речь потерял!

А теперь он в уме,— пусть почтит нас ответом,
Скажет нам о себе — как просили об этом».

Шейх вздохнул и слезами облился в минуту
И сказал: «Заронила ты в сердце мне смуту,

Раз спросила — не скрыть мне кручину мою,
Ничего я не скрою и не утаю.

Это горе — превыше всех таинств заветных,
Расскажу,— пусть вся грудь будет в ранах несметных.

Да! Когда я в страданиях лютых влачился,
У любви своей в горестных путах влачился,

Всех несчастий основа едина была:
Лик твой видел я — в этом причина была!

Красота твоя, дивным сияньем объята,
Мне явилась, как солнце в сверканье заката.

Сил не стало, терпения враз я лишился,
И ума, и рассудка тотчас я лишился.

Вот — о бедах мученья сказал я тебе,
Про свои злоключенья сказал я тебе.

Коль поможешь — беды тебе в этом не будет,
А погубишь — блаженством и это мне будет!

Вот каков мой рассказ,— знай мой жребий унылый,
А узнала — теперь иль губи, или милуй».

«О достойный,— красотка ему говорит,—
Видно, люди ислама утратили стыд!

Что же это, коль ты, непростой мусульманин,
В изреченьях своих несуразен и странен?

Что за суть у тебя — ни ума, ни стыда в ней?
Сам забавен, а речи — еще позабавней!

Тот, кто предан любви,— знай, достойнейший муж,
Он — как кладезь добра да и чести к тому ж.

А порок пустословья и малым ребятам
Ведь неведом, о ты, нареченный вожатым!

Разве слава у шейхов бывала худою?
И не стыдно тебе пред твоей бородою?

Вот кому девяносто иль сотня годков,
Тот и молод, и стар,— этот возраст таков.

Молодой прегрешает незрелым бездумьем,
Ну а старый страдает подчас слабоумьем.

Ты ж не молод, ты — старец, и разумом вял ты,
И рассудок, и ум свой уже растерял ты.

Что за речи, скажи нам, ты только что рек?
Знай: такого не может сказать человек.

Неразумный! Сомненья в том нет никакого,
Что в речах твоих сердцу не следует слово.

Тот, кто тайну блюдет,— и в любви верен тайнам,
И не выдаст ее даже знаком случайным.

Про любовь — пред любимою нужно сказать,
А болтать о любви — только глупым под стать.

У приверженцев страсти обычай таков ли?
У затворников признак отличий таков ли?»

Луноликая столько упреков сказала,
Что несчастного вовсе стыдом разобрало.

И, смущеньем подавленный, шейх говорит:
«Дева рая, земной перенявшая вид!

Это страсть меня в немощь стенанья повергла.
И в безумье, отнявши сознанье, повергла.

Ум, обычай! — Что может быть в мире запретней
Для безумца, за страсть осужденного сплетней?

А за бред, что в безумье сказал я тебе,
Я прошу,— извини: я ведь был не в себе.

Все, что я рассказал, правдой истинной было,—
Так отвечу тебе, сколько б раз ни спросила.

Как, красавица, молвить, чтоб внять ты сумела?
Ведь изранено сердце и сломлено тело.

Все сказал я тебе,— лишь спросила едва,
Если ж что утаил — все о том же слова.

Я скажу: уж не я ли любовью томимый,
Уж не я ли хочу единенья с любимой?»

Шейх от сказанных слов не отрекся нимало,
Речь его оправданья плести продолжала.

И строптивая дева сказала: «Чудак!
Как ни тужься, а все предуказано так:

Кто помыслит достигнуть со мною свиданья,
Тот обязан исполнить четыре деянья:

Пусть повяжет зуннар, пусть напьется он пьяным,
Пусть он идолов чтит и простится с кораном.

Это — лишь за любовь воздаянья залог,
А еще есть два дела — отплата в зарок.

Те четыре деянья — залог отреченья,
Эти два будут тем четырем — искупленье.

Целый год нужно будет пробыть свинопасом,
Да в молельне огонь сторожить час за часом.

Будет шейх в сей обители верным в любви,
Будет верен обетам примерным в любви,

Что ж, добро! А не то испытаний есть много,
Сверх зарока того и превыше залога!

Коль достичь ты со мной единения хочешь
И бесед от меня откровеннее хочешь,—

С тем, что сказано было, смириться изволь,
У порога любви опуститься изволь.

Если ж цель единенья тебе надоела,
Уходи, до утра не откладывай дела».

Шейх ответил: «О горе души моей хилой!
Страсть мне сердце сжигает с неведомой силой!

Искры страсти к тебе мне все тело сожгли,
Стрелы молний всю плоть до предела сожгли.

Я — безумец влюбленный, больной и несчастный,
Потерял я рассудок от муки всечасной.

Что на ум ни взбредет красоте периликой,
Ей — влюбленным дано помыкать горемыкой.

Все, что хочешь, вели, о владычица душ!
Не исполню — меч бедствий на шею обрушь!»

И когда шейх закончил таким вот реченьем,
Нечестивцы кивнули ему с одобреньем.

В том чертоге по-райски палаты убрали,
Так, чтоб были убранством богаты, убрали.

Там воздвигли престол, ввысь небес устремив,
Украшеньями был он безмерно красив.

Там злодейка уселась и негою манит,
Что ни миг — шейху гибель, едва только взглянет.

Шейха вывели прямо к собравшимся сворам,
Чтоб чело его веры измазать позором.

Много было питомцев безбожия там,—
И свои собрались, и прихожие там.

Там вина поналито в сосудах немало,
Разной снеди насыпано в грудах немало.

Гулкий колокол вместе с органом рыдали,
С верой шейха прощаясь в великой печали.

Там стояли священники плотно, подряд,—
Ведь впервые свершался подобный обряд!

Из молельни огонь притащили вначале
И от шейха коран получить пожелали.

И когда принесли туда крест да с зуннаром,—
Та прелестница волю дала своим чарам.

Соскочила с престола, истомой полна,
С сотней почестей к шейху ступила она.

Чашу гебров взяла, осушив ее разом,
Как узрел это шейх — вмиг забыл ум и разум.

И, вином возбужденная, дерзко взирая,
Она снова наполнила чашу до края:

«Залпом пей, о достойный, теперь твой черед,
Хоть немного останется — будет не в счет!»

Шейху волей-неволей пришлось согласиться
Пить вино, что ему подала чаровница.

А едва только выпил — и слезы потоком,
И ислам позабыл он в неверье жестоком.

Выпил столько, что дымом душа изошла,
В винном пламени тело спалилось дотла.

Подносили вина шейху чару за чарой,
Ум стеснился от гнета любви его ярой.

И когда шейху разум вином одолело,
Стал он деву просить о свидании смело.

И коварная дева сказала в ответ:
«Ты ведь знаешь, какой ты давал мне обет».

«Чаровница,— ответил ей шейх,— молви разом,—
Все потребуй,— твоим я послушен приказам».

И старшинам неверных та дева велела
Перед шейхом безверье прославить умело.

Те бесчестье без меры хвалить принялись,
Чудеса своей веры хвалить принялись.

Платье веры с него догола ободрали,
Все, кто зрели тот срам, безутешно рыдали.

И к купели с вином подтащили беднягу,
И бесстрашно нырнул он в холодную влагу.

Нечестивых одежд туда вмиг принесли,
С головы и до пят шейха в них облекли.

Стан его охватили зуннаром красивым,
Правоверный в мгновение стал нечестивым.

И в молельне его подвели к истуканам,
И пред ними он пал в исступлении пьяном.

Там сожгли все одежды, что были на нем,
Даже «Слово господне» спалили огнем [24].

Так вот пил он и пил, и все время был пьяным,
И спьяна поклоняться он стал истуканам.

Не осталось такого срамного занятья,
Чтобы небо ему не послало в проклятье.

От Каабы спасла его мигом любовь,
Предала на позор забулдыгам любовь.

Над несчастным глумились юнцы и гуляки,
Над подвижником веры — любители драки.

Он не помнил себя от дурмана хмельного,
А едва лишь очнется — нальют ему снова.

Днем и ночью не мог он свой хмель превозмочь
И не ведал он даже, где день и где ночь.

Как-то раз в вожделении диком, под утро,
Дал он волю стенаньям и крикам под утро.

«О повергшая сердце мое в испытанья!
Моего существа сокрушила ты зданье.

Страсть к тебе все, что было и есть, отняла,
Веру в бога разбила и честь отняла.

У людей вашей веры обычай таков ли?
Уговоры блюсти свод приличий таков ли?

Разве так исполнять свой обет подобает?
Разве козни — доверью во вред — подобают?

Любо было тебе — ты терзала меня,
Тучей молний твоих обжигало меня.

Сколько просьб я исполнил — уж нету суровей,
Сколько выполнил разных жестоких условий,—

Вместо верности ты небрежение даришь,
Не свиданье, а зло унижения даришь.

Я же, несчастный и старый, в недугах зачах
И оковы безверья влачу на ногах.

Ты меня день деньской ядом пьяным терзала,
В обещаньях коварным обманом терзала.

Так вот мучить, ни разу с участьем не глянув,—
Не боишься ты кары своих истуканов?»

Дева молвила: «Ты придержи свой укор
И изволь до конца выполнять уговор.

Для меня совершил ты четыре деянья,
Два осталось еще — за любовь воздаянье.

Ты ведь клялся, о муж достославного рода,
Что вот здесь, в этих землях, в течение года

Ты в молельне, ночами терпенье храня,
Будешь зорко стеречь полыханье огня.

Днем без устали будешь ты делать иное —
Гнать по долам и пастбищам стадо свиное.

И до ночи при них, в гнусном смраде их будешь,
Пастухом в отвратительном стаде их будешь.

Год пройдет — ты в любви обретешь торжество,
Я сама подготовлю кутеж — торжество.

По законам безверья тебя я потешу,
В душу радость свиданья вселяя, потешу.

Если ж ты не сумеешь пойти той дорогой,
Если страсть твоя будет тщедушно убогой,

Коль забудешь безверье для веры своей,—
Убирайся, к Каабе спеши поскорей!

А за то, что ты пил столько дней без просвета
Да кутил здесь,— тебя я прощаю за это.

Ну и ты не серчай, что сожгли твое платье,
И об этом тебя попрошу не кричать я.

Если хочешь отплаты — возьми, удружи,
Для расходов в пути при себе придержи.

И считай: все, что видел,— тебе не знакомо,
Конь страстей твоих не был у этого дома».

Шейх, услышав такие слова луноликой,
Возопил в исступленьи любви своей дикой:

«О любовь моя! Сердце мое не круши,
Ты — мне жизни отрада и сила души.

Все, что хочешь, вели мне, я раб твой покорный,
Не исполню — казни меня смертью позорной.

Но молчи, о разлуке — ни слова, не надо!
Счастья нег не лишай так сурово,— не надо!»

И еще он воскликнул: «Ведите свиней,
К пастуху его стадо гоните скорей!

Помогите мне, грешному, милость явите
И в молельню, что пышет огнем, отведите».

И свиней тут пригнали, и стадо баранье,
И исполнили также второе желанье.

День за днем шейх свиней как пастух сторожил,
А ночами, чтоб жар не потух, сторожил.

Жечь огонь до зари — вот теперь его дело,—
Чтобы пламя во славу безверья горело!

Утром колокол грянет в притоне проклятом
И расколет тьму ночи зловещим раскатом,

Шейх — из дыма и пепла, безумен и скор,
Словно в лютом безумье топтал он костер.

И бежит, напевая под колокол мерный
В подражанье повадкам оравы неверной,

И — уже средь свиней, только видимы рыла,
А свиней-то в том стаде невидимо было!

Так и жил он невольником мрака и зла,
Ну а те, с кем судьба его вместе вела,

Как ни тщились спасти его, взявшись за дело,
Но ни на волос это его не задело,

От неволи избавить его не сумели
И ушли, и остался он в чуждом пределе.

У Каабы они свой приют обрели,
Со стыдом удалившись от этой земли.

А у шейха мюрид был, надежный и верный,
Вдоволь пивший из чаши любви беспримерной.

Шейх, бывало, в дорогу к неведомым странам —
Вместе с ним и слуга — за его караваном.

А когда шейх отправиться в Рум порешил,
Вышло так, что мюрид его в странствиях был.

А вернувшись из странствий, подвижник смиренный,
В тот же час устремился к Каабе священной.

Вот с дороги идет он в святую обитель,
Чтоб вступить в тот приют, где его покровитель.

А обитель пуста, и наставника нет,—
Он ушел и четыреста присных — вослед.

Стал расспрашивать всех он в великой печали,
И ему о случившемся все рассказали —

Как отправился шейх прямо к румским пределам,
И с каким он в дороге спознался уделом.

А поскольку помощник у шейха — он сам,
Без него все, кто был, разбрелись по друзьям.

Всех собрать приложил он стараний немало,
И о шейхе он выведал все от начала:

Как увидел он сон, как отправился к Руму,
Как злодейка одна предала его глуму,

Как, измучен любовью, несчастным он стал,
Как в смиренье безволья безгласным он стал,

Как, напившись вина, стал гулякой он пьяным,
Как он, веру поправ, предан стал истуканам,

Как в молельне огню поклонялся он рьяно,
Как он в пламени сжег божье слово корана,

Как зуннар он навертывал, веру губя,
Как в четыре кольца обернул им себя,

Как огонь сторожит он в молельне ночами,
Как за свиньями смотрит он целыми днями.

И ответил он горько, узнав эти вести:
«Вы похуже свиней, нет совсем у вас чести!

Шейх — ваш пир, и мюридами вас он зовет,
Быть у шейха под властью — любому почет.

На стезе отреченья закон есть известный:
Что ни сделал наставник — муж доблести честной,

Долг сподвижников — жить в подражании строгом,
Не теряя, однако, смиренья пред богом,

Подражать даже в дни расставанья ему,
Что свершит — совершать в подражанье ему.

Мне предательство ваше презренное жалко,
Мне чалмы и одежды смиренные жалко.

В благоденствии вы поболтать-то охочи,
А в безвременье — прочь, спрятав в сторону очи!

Совершив это зло, вы и шейха с тех пор
Обрекли на чужбине на тяжкий позор.

Вам не боязно бога, стыда в вас не стало,
Коль вернулись назад как ни в чем не бывало.

Вы пришли, бросив шейха на дальней чужбине,
Служба шейху и сам он противны вам ныне.

Хоть и хвалитесь мыслями высшими вы,
И друг друга зовете дервишами вы,

Благочестие, четки, свой сан вы срамите,
Посох, святость одежд и тюрбан вы срамите.

Если б шейх был псарем при собачьей ораве
И воспитывал псов, целой сворой их правя,

И притом гнев небес был бы так же суров,—
Разве он обманулся бы в верности псов?

Те удрали б, другие бы рядом остались,
Вместе с ним, вопреки всем преградам, остались.

И со злобой терзали б его лиходеев
Иль рыдали б по нем, вой печальный затеяв.

Человеку со псом не сравниться никак:
Там, где верность нужна,— люди хуже собак.

Ну а будь у вас храбрость и к делу раденье,
Были б совесть и честь и чуть-чуть разуменья,

Раз уж срок подошел быть такому несчастью,
Чтобы шейха та дева опутала страстью,

Каждый раз, как мученье ему подошло,
Вместе с ним вам терпеть нужно было бы зло.

Вы ж, в оплошности вашей свершив небреженье,
Сто бесчестий явили взамен отрешенья.

Разве жалкий хвастун зваться мужем достоин?
Разве муж словоблудьем досужим достоин?»

Каждым словом, которым он стал отвечать,
К их устам прилагал он молчанья печать.

И когда он укоров им высказал много,
Он добавил: «Безделье — делам не подмога».

И отправился в Рум он с намереньем смелым,
И пошел он к безбожным и гнусным пределам.

И мюриды решили с ним вместе идти,
Будь, что будет — делить с ним невзгоды пути.

Вот уж долго бредут они чуждой страною,
Видят: шейх среди поля с оравой свиною.

И следа не осталось в нем веры — нимало,
Даже признаков разума — как не бывало.

Как Меджнун, он в смятеньи, оборван и пьян,
И сдружился с ним, видно, безумья дурман.

Смотрит — будто не знает, и — в сторону взглядом,
Отвернулся и взором блуждает за стадом.

Как увидел глава ходоков это дело,
Застонал он, и сердце его онемело.

И в тоске он облился потоками слез,
И, взглянувши на спутников, он произнес:

«Восхваленье воздайте творцу всеблагому,
Здесь не место теперь вам, ступайте-ка к дому.

Шейх, достойный и мудрый, наставник искусный,—
Что с ним сделали козни любви его гнусной!»

И пошел он обратно и прямо — во храм,
В дом, где верный приют сокрушенным сердцам.

И в господней обители в праведном рвеньи
День и ночь возносил он пред богом моленья.

Только он вознести мог молитвы и просьбы,
Чтобы шейху от скверны спастись довелось бы,

Потому что в тех помыслах верным он был,
Среди преданных мужем примерным он был.

Он молился так долго — с тоской и терпеньем,—
Что господь снизошел к его горьким моленьям.

Как-то ночью, предавшись рыданьям обильным,
Стал от горестных слез он больным и бессильным.

А под утро совсем стал от немощи хвор:
Лишь откроет глаза — и смежается взор.

Видит: благостным светом окрестность залило
И из блеска сиянья явилось светило.

Да не солнце, а сто перед ним их явилось,—
Словно блесток, в сверканье кружимых, явилось.

То — пророк всех пророков как вестник сошел,
Свет добра, Хашимитского рода посол [25].

На лице его — светлой улыбки сиянье,
На устах его — речи живящей журчанье.

И увидел тот муж кладезь тайн пред собою,
И простерся он ниц со смиренной мольбою:

«Ты в высотах пророчеств всех сильных сильней,
Не лишай ты заблудших подмоги своей!

Мне несчастья мои объяснять нету нужды:
Ведь известны они тебе все и не чужды!»

И сказал шах пророков стоблагостным ладом:
«Пусть цветок твоих дум станет рдеющим садом.

Верным помыслам. добрым стремленьям — хвала!
И высоким твоим побужденьям — хвала!

Ты такую покорность явил и смиренье,
Что творец милосерден к тебе за терпенье.

И мольбам и смиренным рыданиям внял он,
И стенаньям твоим и терзаниям внял он.

Тайна божьего промысла явью мудра,
И в пустыне искуса, в снисканьи добра.

Всем взыскующим доля назначена строго:
От нее не спасет никакая подмога.

С шейхом вашим судьба обошлася сурово,
Ведь никто не видал еще в жизни такого.

Бог спасенье послал от напастей твоих,
Славь творца, ты спасен от несчастий твоих!

Много мук претерпел ты — за эти лишенья
Бог тебе эту милость послал в избавленье».

И от тайны, открытой посланником бога,
Пролил радостных слез тот проситель премного.

Застонал он, и разум оставил его,
Ум от немощи разом оставил его.

Ветер утра, насыщенный мускусом пряным,
Мускус ночи овеял камфарным туманом.

У простертого ниц вдруг сознанье блеснуло,
И вскочил он, очнувшись от шума и гула.

И за то, что дала божья воля ему,
Он вознес восхваленья творцу своему.

Тут поспели друзья, расспросили, узнали,
И — за ним, в путь-дорогу, в далекие дали.

Вот спешат они шагом стремительно скорым,
Словно ветер по травам и водным просторам.

По горам да по долам, со склона на склон
Шли туда, где их шейх был любовью сражен.

И пришли. И прозрел помраченный бедняга,
И открылось ему сокровенное благо.

Ветер сада господня вдохнул он душою,
И исполнился дух его силой большою.

И рыданья стыда пробудилися в нем,
И пылал его вздох покаянным огнем.

И одежды безверия скинул он яро,
И порвал он узлы и тенета зуннара.

От неверья душа была мраком одета,
Светоч истины дал ей сияние света.

И узрели те люди свое торжество:
Твердость их утвердилась и в сердце его.

И, увидевши чудо того превращенья,
Вознесли они богу стократ восхваленья.

И сказали: «Глава наш в служенье высоком,
Знай, дана тебе помощь в спасенье пророком!»

И когда шейх услышал об этом рассказ,
Все, что думал, друзьям он поведал тотчас.

Мужу верности мудрой открыл он объятья —
За бесстрашье и верность во всем без изъятья.

И сказал он: «О чадо, любимое мною,
Нить души моей, в сердце хранимая мною!

Был ты верен, иных ты стараний не знал,
В дружбе ты никаких колебаний не знал.

Как у бога мне вымолить — речью какою,
Чтоб за верность воздал тебе щедрой рукою?»

И не смог удержать он счастливого плача,
В ноги пира повинную голову пряча.

Много выпало им и тревог и невзгод,
Прежде чем наступил для покоя черед.

А затем все сказали: «Послушай, вожатый!
Раз всевышний воздал нам столь щедрой отплатой,

Уходить из опасного края нам надо
И к Каабе идти, поспешая, нам надо».

Шейх свершил омовенье, облекся хыркой,
Были рады друзья перемене такой.

С твердой верой пошли они к дальним святыням,
Быстрым шагом пошли по степям и пустыням.

Шейх шагает к мекканским святыням покуда,
Взор на ту луноликую кинем покуда.

В сладкой дреме красавице видится сон,
Будто солнце, взойдя, вдруг пошло под уклон,

Будто голос Исы вдруг доходит до слуха:
«Видно, сердце твое к зову верности глухо.

Шейх Санан, достославных мужей предводитель,
Что приютом себе выбрал вашу обитель,

Из-за гнета ему причиненного зла
И, обидясь, что ты с ним сурова была,

Кров обители вашей навеки покинул,
Ради крова родной ему Мекки покинул.

Поспеши и, проникнувшись шейховой верой,
Повинись перед ним, в их обычай уверуй».

И красавица вмиг пробудилась от сна,
И за шейхом решила пуститься она.

И когда она вспомнила все, что свершила,
Ее душу стыдом, как огнем, опалило,

Застонала она и — в дорогу скорее,
И к святыням Каабы пошла не робея.

Слезы звездами с неба метала она,
Как Лейли по Меджнуну, рыдала она.

И пока люди шли, дева мчалась быстрее,—
Так летит лепесток, завихрясь в суховее.

Шаг за шагом идя, чуть жива была дева,
Грех отмщала ей кара небесного гнева.

А в пустыне совсем она стала худа,
Одолел ее ужас, приспела беда.

Извела ее немощь, сковала усталость,
А пред нею бескрайняя даль простиралась.

Говорит она: «Боже, слаба я и хила,
Кровь сожгла мне все сердце и взор мой затмила.

Я — больная, несчастная,— милостив будь,
Одинока ужасно я.— милостив будь.

Хоть иного я, кроме позора, не знаю,
Где ж, помимо тебя, мне опора? — Не знаю!»

Так она о судьбе одинокой рыдала,
О беде безысходно глубокой рыдала.

Скорбь несчастной была так горька и сильна,
Что бессильно на землю упала она.

И простерлась во прахе, лишившись рассудка,
И страданье ее было страшно и жутко.

И прозрели неладное шейх достославный
И шагавший с ним рядом мюрид его главный.

Распознали они луноликой беду,
Ее муки и скорби великой беду.

Шейх и верный мюрид его вспять повернулись,
И другие, чтоб с ними шагать, повернулись.

И у каждого сотни догадок роятся:
«О создатель, зачем же назад возвращаться?»

И они вместе с шейхом пришли в те места,
Где лежала та дева — сама красота.

И хоть шейх безучастен был к прежним желаньям,
Совладать он не смог с подступившим рыданьем.

Он прижал к себе деву, склонившись с ней рядом,
И с ресниц его слезы посыпались градом.

Лепесткам была сладость нектара дана,
И нарциссы-глаза пробудились от сна.

И, увидев, что шейх ее держит в объятьях,
Дева слезы лила, не умея сдержать их.

И она застонала в бессилье жестоком,
Лик омыла кровь печени черным потоком.

И сказала она: «Муж святого пути!
Чтоб прощенья просить, где слова мне найти?

Даже злое дитя, что бросает каменья,
В зной под сенью дерев обретает спасенье.

Даже ветви, что тысячью терний колючи,
По весне расцветают от благостной тучи.

Грех деяний моих необъятно велик,
Свет добра в твоем сердце стократно велик.

Все мои злодеяния знаю я точно,
Пред твоим милосердьем я зла и порочна.

Все дела мои злы и без меры ужасны,
Я сама и грехи моей веры ужасны.

Я сказала бы, как ты величьем высок,
Только жизнь мне недолгий оставила срок».

И усердье к исламу она возвестила,
И пророка Исы имена возвестила.

И сказала еще: «Все! Конец моим бредням.
Веру мне объяви перед вздохом последним».

И омыл ее лик шейх потоками слез,
И до девы величие веры донес.

И вздохнула она, вняв благую ту милость,
И пред шейхом навеки с душою простилась.

Правоверных объяло волнение снова,
Вознесли они вопли смятения снова.

И безверью, и вере понятье дано,—
Ох, чудно́ это дело, взаправду чудно́!

Да, в любви столь чудесных свершений немало,
И чудес, что всех тайн сокровенней, немало.

Ведь любовь — океан с бездной вод беспредельной,
В каждой капле его — небосвод беспредельный.

Ведь любовь — целый мир необъятных широт,
Ведь любовь — это небо бездонных высот.

Там все небо затмить может черною тучей,
Может муха вспарить там над Анкой летучей:

Если искра любви залетит, пламенея,
Сотни огненных молний — ничто перед нею.

Каждой капле в том море способность дана
Мир потоками бедствий разрушить сполна.

Меч любви — сотен тысяч побоищ свершенье,—
Ни возмездия им, ни отплаты, ни мщенья!

Кто в любви сотни мук и страданий познает,
Исцеления им никогда не познает!

Сад любви небывалою мукой объят,
В кровь безвинно погибших окрашен тот сад.

Там пушинки ресниц — как смертельные жала,
Смерть от них миллионы людей поражала.

От единой лишь родинки гибнет в увечьях
Стомильонное войско зрачков человечьих.

Во владеньях любви шах и нищий равны,
В мире праведность с долею низшей равны.

Нет в любви, кроме мук и несчастий, иного,
Кроме гнета, обид и напастей,— иного!

Вот и шейху позор был поведан любовью,
Он на срам всему миру был предан любовью.

Только я лишь в любви смут не сеял вовек,
И в чужие сердца не свершал я набег.

Говорят, мне в любви мук не больше бывало,—
Да, не больше, а все же их было немало!

Эй, постой, Навои, прекращай эти речи,
О любви не суди — забредешь ты далече!

Если срок будет в жизни хоть малый мне дан,
О любви моей новый сложу я дестан.

Тот, кто судит всегда обо всем справедливо,
Сам поймет, то ль верна моя речь, то ли лжива.

Шейх утешился в горе своем понемногу
И собрался к священной Каабе в дорогу.

Он ту деву в чертоге любви схоронил,
Средь священных гробниц и святейших могил.

От Каабы пустился бродить он по свету,
И к Каабе вернулся он, верный обету.

И пока рок не свел его снова с любимой,
Он молитвы творил, покаяньем томимый.

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ КИНУЛИ ЖРЕБИЙ, КОМУ БЫТЬ ВОЖАТЫМ, И О ТОМ, КАК ЖРЕБИЙ ВЫПАЛ УДОДУ

И, услышав столь дивные речи, вся стая
Взволновалась, смущение в сердце питая.

Все иные желанья любовь отобрала,
Им от пламени страсти покоя не стало.

Словно молния, скор был теперь их полет:
Запад скроется — тут же восток промелькнет.

Сколько было в них мочи — спешили к надежде,
Что ни миг — новый дол и — страшнее, чем прежде.

И иные бесстрашно стремилися к цели,
А другие в дороге совсем ослабели.

И от стаи своей отставали они,
Отделялись на каждом привале они.

Долг любого, кто признан главою народа,
Ведать трудности жизни живой у народа.

Если ж людям их доля опалою будет,
Посрамленье главе их немалое будет.

Если пастырь не знает, где корм, где вода,
Значит — паства погибнет, погибнут стада.

И толпе, что себе вожака не избрала,
Выходить в путь-дорогу совсем не пристало.

Дальний путь предстоял птичьим стаям, опасный,
И все вместе пришли они к думе согласной.

И сказали: «Нам нужен надежный вожак,
Рассудительный и осторожный вожак.

Пусть он будет всем птицам главою на деле,
Путь наш труден, а мы уже все ослабели.

Пусть он будет нам в тяготах зорким вожатым,
Пусть он будет всей стае главой и собратом».

Все, что были там птицы — простые и знать,
Попросили Удода главенство принять.

Но когда птичьи крики обрушились разом,
Нрав его воспротивился властным наказам.

«Если я,— молвил он,— поведу вашу стаю,
Если путь укажу, как умею и знаю,

Вы мне скажете что-нибудь наперекор,—
Я боюсь — между нами случится раздор!»

И Удод отказался исполнить надежды,
А другие, хоть были средь них и невежды,

Видят — время тяжелых забот наступает,
Видят — жребий им кинуть черед наступает.

Жребий кинули всем, кто там был,— круговой,
И Удоду досталось быть в стае главой.

Говорить ему долго — причины не стало,
Отрекаться от долга — причины не стало.

И за то, что премудр больше всех был он сроду,
Присягнула вся стая на верность Удоду.

И главенство над птицами принял Удод,
И сбылися желания птиц всех пород.

И сказали они: «Ты — вожак, мы — подвластны,
Все желанья твои исполнять мы согласны.

Ты над нашею ратью поставлен главою,
Строй в поход нас, веди по пути за собою».

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ ПРИЛЕТАЮТ К КАКОЙ-ТО ДОЛИНЕ, И ИХ ОХВАТЫВАЕТ ОЦЕПЕНЕНИЕ, И О ТОМ, КАК ОДНА ПТИЦА ЗАДАЕТ УДОДУ ВОПРОС

Стал вожатым Удод и вспарил к дальней цели,
И, отправившись в путь, птицы в небо взлетели.

Долго крыльями били в подоблачной сини
И примчались к какой-то широкой долине.

И открылася птицам бескрайняя гладь,
Видят птицы — спасения им не видать.

Там страданий не счесть,— без числа, без предела,
Как во мраке измены, там мгла без предела.

Это зрелище — гибель и смерть для живого,
А ведь надо лететь — нет исхода иного!

Страх и ужас объяли пернатую рать,
Нету слов о смятении птиц рассказать.

В этот дол не ступала нога человека,
В эту ширь не летали и птицы от века.

Птицы слабли, их крылья оставила сила,
И тогда одна птица Удода спросила:

«Почему этот путь над пустыней идет?»
И, подумав немного, ответил Удод:

«Здесь народ предавался раздорам бесплодным,
Шах забыл о величье своем благородном»,

ПРИТЧА

Как-то раз Баязид — старец чести высокой —
Вышел ночью из кельи своей одинокой.

Ночь разливами лунного света блистала,
Небо россыпью звезд свой цветник расстилало.

Словно синее море — небесная высь,
Из глубин его звезды, как жемчуг, лились.

Купол неба вознесся предвечным чертогом,
Ширь вселенной простерлась в величии строгом.

Ум бессилен постичь их покой и движенье,
Разум немощен вникнуть в их суть и строенье.

И во всем этом мире, простертом в тиши,
Мудрый старец не встретил нигде ни души.

Как ни тщился искать он, забыв про усталость,
Сколько стран ему, гор и пустынь ни попалось,—

Ни единого следа окрест не сыскал он,
И таких же, как сам он, существ не сыскал он.

«Почему же так пуст, о творец, сей приют?
Где же горем и страстью терзаемый люд?»

И достиг его духа неведомый голос,
И донесся до слуха неведомый голос:

«Свет и слава присущи благому порогу
И не каждый к нему обретает дорогу.

Славе шахских покоев конца не найдешь,
И не каждый бродяга под своды их вхож.

Сонм взыскующих к счастью сквозь муки стремится,
А дано его в жизни немногим добиться».

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ СПРОСИЛИ УДОДА ОБ ИСПЫТАНИЯХ, СУЛИМЫХ ЭТОЙ ДОЛИНОЙ, И О ТОМ, КАК ОН ОТВЕТИЛ ИМ

Те слова, что вожак молвил птицам и птахам,
Души странниц сковали испугом и страхом.

Их сердца беспредельной бедою объяло,
Души их безысходной страдою объяло.

Путь пред ними — ему и конца не найти,
Чем избавить от горя сердца — не найти!

Пламень скорби на небо взлетал языками,
Трон престола небесного сгубит то пламя!

Взвился вихрь отрешенья, невиданный сроду,—
Чтоб сломать поясницу небесному своду.

И такой-то вот путь стая немощных птиц,
И душою и телом простертая ниц,

Одолеть разве сможет? — Возможное ль дело?
Кто об этом помыслит, тот судит незрело!

Но когда души птиц совладали с испугом,
Уповая стократ, собрались они кру́гом

И явили Удоду смирения знак
И сказали: «Внемли нам, глава и вожак!

Если бог тебя сделал главою над нами,
Ты уважь нас, не дай нам погибнуть во сраме,

Ты ведь в этом пути наш вожак-предводитель,
Нам, заблудшим и грешным, ведь ты покровитель.

Нас сомненья и тяготы губят в пути,
Как бы нам себя ссорами не извести!

Пусть все птицы подряд тебе выскажут слово,
Пусть избавят себя от терзанья лихого.

Облегчи бремя тягот всем птицам по чину,
Объясни наши беды, их суть и причину.

Речь подробно веди, все как есть расскажи,
Правду слова спросившему в душу вложи!

Изгони из ума и души все сомненья,
В наших темных сердцах заглуши все сомненья.

Ты сердца успокой нам, спаси от несчастий,
Ты избавь нас от всех наших бед и напастей.

Чтобы не было ссор — ни на волос, ничуть —
С твердым сердцем должны мы отправиться в путь.

Сесть бы нам ненадолго в каком-нибудь логе,
В птичьих душах тогда б поутихли тревоги.

Что тревожит кого — рассказали б об этом,
Ты бы всех успокоил разумным ответом.

А когда из сердец изошла бы беда
И когда б от тревог не осталось следа,

С твердой думой лететь нам пора бы приспела,
И к великой бы цели вспарили мы смело.

Ведь не день и не два нам осталось до цели,
Кто сказал, что уже мы в заветном пределе?

И в такие-то дали в смятенье нестись
Да с сомненьем в душе — нелегко, согласись».

И вожак согласился с разумным советом
И сказал: «Вопрошайте, готов я к ответам».

И уважил он просьбу, и внял птичьей воле,
И пристанище выбрал, и сел в этом доле.

Вместе с ним опустилась пернатая рать,
И премудрый наставник стал речи держать.

ВОПРОС

«Вопрошайте,— он молвил,— чья мука сурова?»
И сказал вопрошавший такое вот слово:

«Эй, послушай, ты — птица особых отличий,
А ведь род у нас всех — одинаковый, птичий.

В равной мере нам крылья и перья даны,
Почему же ты сведущ, а мы все — темны?

О различии этом скажи нам по чину,
Почему это так — объясни нам причину».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Отличен я высоко,
На меня пала сень Сулейманова ока.

А всевышний его осенил своим оком,
Удостоил короны и сделал пророком.

Джиннам, людям, животным и птицам он — шах,
Этот сан даровал ему в милость аллах.

А властитель державный, отмеченный богом,
Порадел мне в моем худородстве убогом.

И меня высшей почестью он и отметил,
И величием этой короны отметил.

От сияния взора, что славой велик,
Даже прах может золотом сделаться вмиг».

ПРИТЧА

Шейх Кубра Наджмиддин был вершиной вселенной.
На кого обращал он свой взор просветленный,

Проникался тот вмиг благодатью святою,
В отрешенье от мира сиял чистотою.

Небывалое было достигнуто им:
Тот, чей облик он зрел, становился святым.

Как-то раз от его захмелевшего зрака
Благодатью святою прониклась собака.

От степенства стал вид ее гладок и сладок,
И отвыкла она от собачьих повадок,

Пав пред шейхом, явила покорности знак,
Стала самою главною в своре собак.

И куда бы ни шла она с целью любою,
Вслед за нею собаки бежали гурьбою.

Только где-нибудь ляжет — вокруг властелина
Собирается свита — собачья дружина.

И когда ей судьба смертный вынесла суд,
Ей у шейховой двери отрыли приют.

Погребли и могилу красиво убрали,
Как людское надгробье на диво убрали.

И собаки, печалясь, рыдали и выли,
Целой сворой собравшись на скорбной могиле.

До сих пор правоверные ходят туда,
К правой вере взывают их грех и беда.

И поныне в Хорезме она существует,
Где под доброю властью страна существует.

Нет чуднее рассказа в подлунном просторе,
Чем рассказ о собаке и благостном взоре,

И о том, как собаку настиг этот взор,
И как стала с людьми она схожа с тех пор.

Коль собаку святое возвысило око,
То не странно, что птице почет — от пророка.

Разве людям одним уготована милость?
Разве святость лишь в людях одних проявилась?

Удостоил бы птицу величьем пророк,
Был бы чуден всем птицам смиренья залог.

Ведь и прежде бывали такие примеры,
Подтверждение — сказ о друзьях из пещеры [26].

Если милость дарует господь справедливый,
У собак и у птиц доля станет счастливой.

ВОПРОС

И спросила тут птица, в отчаяньи воя:
«К-эй, властитель! Меж птиц наречен ты главою!

Путь суров, я истерзана немощью плоти,
С птицей Анкою муха сравнится ль в полете?

Каждый миг на пути нам сто бед и невзгод,
Каждый миг нас сто тысяч несчастий гнетет!

Наши тропы — средь гор, что грозят нам бедою,
Пыльный вихрь угрожает нам смертной страдою.

Ураган нас взметает к подоблачным скалам,
Словно пыль, кружит камни и рушит обвалом,

То, что льву не по силам,— уж сам разумей,
Разве сделает слабый, больной муравей?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, печальник унылый,
Нерадив ты в стараниях, глупый и хилый!

Сколь бы тело ни грызли страдания плоти,
Есть ли в этом печаль, коль усерден в заботе?

Это дело — великое дело любви,
Кто не знал его — мужем того не зови!

Раз любовь в этом деле и суть, и основа,
Разве может быть рвение к ней у дурного?

Для влюбленных отверженный жребий примета,
У любви небреженье к потребе примета.

Для влюбленных страданья и муки — закон,
Им забота о жизни чужда испокон.

Им презрение к бренным суетам привычно,
Им любить только вечным обетом привычно.

Если сердце согрето любовью и пылом,
Что за важность — здоровым ли быть или хилым?

И влюбленный пожертвовать жизнью готов:
Ведь свободна любовь от житейских оков.

За любовь умереть — цель его и желанье,
Погубить свою душу — благое желанье!

Кто к мирскому, как цепью, прикован тщетою,
Тот и сердце погубит тревогой пустою!

Никому эта немощь не будет в почет,
И влюбленный ту немощь добром не зовет.

Если ж немощь любовным терзаньем дается,
За нее исполненье желаньям дается.

Если смерть — это цель, что таима любовью,
Близок тот к ней, чья немощь — угроза здоровью.

Если немощи смерть за собою ведут,
Опасаться их — было бы верхом причуд.

Смерть в любви — это всех устремлений вершина,
Для нее благодатна любая причина.

Если смерть будет немощи этой пределом,
Можно смерти такой миром жертвовать целым.

В мире тысячи лет миновали,— пойми,
Погубили их скорбь и печали,— пойми.

Смерть найдет и тебя в скорый час ненароком,
И достойная смерть — в устремленье высоком.

Ради друга пожертвовать бренною жизнью,
Значит — с вечной спознаться, нетленною жизнью!»

ПРИТЧА

Жил достойнейший шейх в сей обители бренной,
В единении с другом муж доли блаженной [27].

В постиженьи любви был он мучим вначале —
Ста несчастий мечи его тело терзали.

Муки немощи тяжко бороли его,
Стон и вопль были знаком юдоли его.

В душу пламя любви залетело пожаром,
Искры молний разрушили тело пожаром.

Ночью — сна, днем — минуты покоя не знал он,
Есть ли, кроме любви, что иное — не знал он.

Днем лишь мысли о друге терзали его [28],
Выли стоном разлуки печали его.

По ночам ни в свой дом, ни в сады не ходил он,
А к далеким предгорьям в пустыне ходил он.

Там, в пустынных, заброшенных людом руинах,
Место было — подобье гнездовий совиных.

Был колодец один там — бездонно глубок,—
Пьяных в жиже его смертный жребий стерег.

В тот колодец влезал он и вниз головою,
Обессилен любовью, висел там совою.

До рассвета стенал он — нет стонов жесточе,
И слезами кровавыми жгло ему очи.

Жаждал смерти он — смерть не щадила его,
И безропотно ждал он конца своего.

У него от страданий все тело иссохло,
И от стонов душа до предела иссохла.

Так годами терпел он в разлуке страданья,
И достигли уста его чаши свиданья.

Так любить только зрелым мужам суждено,
Но без смерти то счастье познать не дано.

ВОПРОС

И один из пернатых промолвил: «Я грешен,
От стыда я сгораю, в беде безутешен!

Погубили меня и грехи, и пороки,
Не пускает печаль меня в путь сей далекий.

Кто испачкал чело чернотой нечистот,
Для того свет Симурга вовек не блеснет.

Единенья с безгрешным достоин безгрешный,
А не грешник, погрязший в пучине кромешной.

Он ведь чист, а во мне только нечисть гнездится,
Стыд претит мне к слиянью с Симургом стремиться!»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Ты признался здесь прямо,
Что деянья твои преисполнены срама.

Мир — не вечный приют в безмятежной долине,—
Всем единый исход предуказан в кончине.

С этим срамом ты к смерти стремиться хотел,—
Это ты над другими глумиться хотел!

Знай: невеждой невежд, простаком прослывешь ты,
У разумных мужей дураком прослывешь ты!

Коль тебе от пороков избавиться надо,
Это просто, о ты, неразумное чадо!

В покаяньи — тебе избавленье от бед,
Среди мрака терзаний — немеркнущий свет.

Грязь греха никому ведь чужда не бывает,
Ведь такой чистоты никогда не бывает!

И сынам человеческим, созданным богом,
Жизнь прожить не дано в целомудрии строгом.

О невежда! Коль ты не содеял бы зла,
Для кого бы спасением милость была?

Даже тот, чье лицо от грехов пожелтело,
Покаянием сможет очиститься смело.

Вступишь в море, бурлящее помыслом божьим,—
Станешь в благости с тысячью праведных схожим!»

ПРИТЧА ОБ АДАМЕ НЕПОРОЧНОМ

Сей отец человеков и рода людского
Сотворен был веленьем творца всеблагого.

В знак пророчества был он увенчан короной,
В знак главенства на нем был венец золоченый.

И когда он спознался с величьем таким,
Сонмы ангелов пали во прах перед ним.

И ему выси неба подножием стали,
Кущи рая — даянием божиим стали.

За безгрешность и преданность верности прочной
Дал создатель прозванье ему «Непорочный».

Но зиждитель-творец всемогущий предрек,
Чтоб его одолели и грех и порок.

И былое блаженство в величье высоком
Обернулось паденьем ему и пороком.

И сражен был он лапой греха многопалой,
И из райских садов был он изгнан опалой.

Сотни черных несчастий судил ему рок,
И в индийских пределах скитаться обрек [29].

Отрешенный от ближних, рыдал он в разлуке,
Вознося и стенанья и стоны от муки.

И когда, как былинка, душа опалилась,
Покаянье ему было послано в милость.

Из садов милосердья подул ветерок,
Сотни тысяч несчастий и бед превозмог.

Покаяньем вернуло его к провиденью,
Вновь обрел он почет под священною сенью.

Коль давалось прощение этаким бедам,
Что ж тебе, слабоверный, сей жребий неведом?

Кайся, грешник, забвенье в покое найдешь,
Правый путь избери и благое найдешь!

ВОПРОС

«Венценосец! — вопрос был,— подумай-ка здраво:
Мне ниспослана в дар переменчивость нрава.

Каждый миг мне грозит переменой крутою:
То порочен я, то заблещу чистотою,

То мне любы повадки развратных друзей,
То мне любы дела благодатных друзей,

То пред богом склонюсь я в усердии рьяном,
То в притоне поклоны кладу истуканам.

Нет во мне постоянства и твердого нрава,
Потому существо мое как бы вертляво.

И с такой-то повадкой, и злой и лихой,
Да имея в привычках обычай плохой,

Я в дороге, ведущей к единственной цели,
Не сумею быть праведным в праведном деле!»

«В этих криках,— промолвил Удод,— нет приличий:
У любого в природе таков уж обычай,

Что и нрав и душа — хуже всякой обузы,
Ведь от крыльев — свобода, от них же — и узы.

Смел лишь тот, кто упрямство свое превозмог,
Кто осилил в себе своеволья порок.

И кому это доброе дело привычно,
Для того чистота без предела привычна.

Ну а в ком настроенье меняется скоро,
Кто, подобно тебе, плод стыда и позора,

Хворь его в испытаниях средство найдет,
Этой хвори — в устойчивом нраве извод.

А тому, кто пред собственным нравом в испуге,
Верный путь — при муршиде лечить все недуги.

Ведь подобным болезням муршид — врачеватель,
Люди пиром его называют, приятель.

Даже праведных хворь и напасти гнетут,
Даже их унижения страсти гнетут.

И зовется та хворь злонамеренным нравом,
Ей болеют и те, кто в служении правом.

Пир такому недугу придумает средство,
Исцеленье придет, и отступят зловредства.

И тебя одолел вот такой же недуг,
Исцеленье его — в претерпении мук.

Коль направишь себя ты к такому почину,
Если ты эти тяготы взвалишь на спину,

Есть надежда — постигнет тебя эта милость,
Чтобы бремя стыда от тебя отступилось,

Чтоб от мук ты счастливым поистине стал,
Чтоб в безгрешности путником к истине стал!»

ПРИТЧА

Был радетелем истины в благостных свитах
Бу Тураб Нахшаби, светоч истин сокрытых.

Был мюрид у него. Испытав его взглядом,
Он узрел в нем пристрастие к пестрым нарядам.

Вся хырка у того — в ярких пятнах заплат —
Красных, желтых, зеленых — все краски подряд.

Его сердцу любезны цветы и узоры,
На одежде смиренья пустые узоры!

Пир ему назначал испытаний немало —
Не созрели плоды тех стараний — нимало!

Видит — тот не оставил неправедных дел,
И тогда достославный муршид повелел,

Чтоб борьбою с собой подостойней заняться,
Покаяньем особым на бойне заняться,—

Потрохами баранов наполнив корзину,
Положивши туда требуху и дранину,

Взять на голову ношу и крепко держать,
И нести, обливаясь кровью, ту кладь.

Пропиталась чалма его грязною жижей,
На потеху базарной толкучке бесстыжей.

Хоть и был он строптив в своеволье упрямом,
Много дней он терпел испытание срамом,

На хырке не осталось былой пестроты,
И мозги его стали без дури чисты.

Как погибель пришла его дури злонравной —
Разрешил омовенье муршид достославный.

Он мюрида от тягостной хвори избавил,
От угрозы погрязнуть в позоре избавил.

И несчастный обрел единенья чертог,
Сокровенных желаний достигнуть он смог.

Ты вот тоже смирением злых своеволий
Смог бы сделать сокровище собственной долей!

А иначе — считай, что неправо погибнешь,
В преисподней зловредного нрава погибнешь!

ВОПРОС

«К-эй,— сказал вопрошавший,— муж доли счастливой!
Беспредельно враждебен мне нрав мой строптивый!

Что ему ни велят — не подвластен приказам,
От любого наказа отступит он разом.

Если он в сей дороге мне будет врагом,
Что же делать мне в странствии тяжком таком?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Что за бредни бахвала!
Злобность нрава тебе в клочья сердце порвала!

Кто и ночью и днем у злонравия в путах,
Тот обрек себя жить в испытаниях лютых.

Кто велениям нрава послушен как раб,
Будет тот и в великом ничтожен и слаб.

Кто без прихоти нрава не молвит и слова,
Тот свершит все, что нрав пожелает дурного.

Тот, чьей воле запрет своенравью неведом,
Будет всюду за прихотью шествовать следом.

Ты, подобно ослу, взнуздан силою уз —
Свой же собственный нрав волочишь, словно груз!

И куда устремит он свой путь, ты — туда же,
Где он место найдет отдохнуть, ты — туда же.

В детстве прихоти нрава владели тобою,
Игры, дурь и забава владели тобою.

Но и взрослым от них ты отвыкнуть не смог,
Даже время — и то не пошло тебе впрок.

А состарился — вызрели нрав твой и норов,
Весь опутан ты злобою смут и раздоров.

Жизнь твоя средь пороков и зла пролетела,
Смерть пришла — и раскаяньям нету предела.

Жизнь прошла, а велений ты божьих не знал,
Дел иных, кроме злых и негожих, не знал.

В мире странностью равных тебе — не найдется,
Жизнь проведших в столь странной судьбе — не найдется.

Был ты жив — таковы твои были деянья,
А умрешь — берегись: что придет в воздаянье?»

ПРИТЧА

Жил один падишах, был он злобным и пьяным,
Кровожадным, жестоким и гнусным тираном.

Все дела по свирепому нраву свершал он,
А считал, что все это по праву свершал он.

Как-то раз, опорожнив немалый сосуд,
Он увидел, как два оборванца идут:

Как друзья, как приятели — дружно и ровно,
Помогая друг другу, бредут полюбовно.

Шах призвал их, и без околичностей пущих
Он спросил напрямик одного из идущих:

«Кто тебе этот странник, столь схожий с тобою?
Объясни, как ты связан с ним — связью какою?»

Тот ответил: «Мы связаны общей судьбиной,
Мы друзья и радетели цели единой».

И спросил его пьяница: «Праведный странник,
Кто достойнее — я иль твой верный избранник?»

И промолвил тот первый из путников сих:
«Полагаю, что я говорю за двоих.

И по этим, тебе уж знакомым, приметам
Сделай сам, венценосец, сужденье об этом.

Хоть и шах ты, и правишь обширной страною,
Но на божьей стезе ты свершаешь дурное.

Что господь ни велит — ты во власти грехов,
И обычай твой денно и нощно таков.

Ну а он, хоть и нищ, и одет он убого,
А покорно свершает веления бога.

Не по божьей стезе не свершит он и шага,
Не свершит он и вздоха творцу не во благо.

Ты вот шах, а гнетешь себя, нравом поправ,
Он и нищ, а себе подчиняет свой нрав!

И пока вы с ним вместе живете на свете,
Шах и нищий — в различной заботе на свете.

А умрете, он — шах, ты же сделался нищим,
Ты ведь пьянству был предан, он — подвигам высшим».

Только вымолвил праведник речь ту сполна,
Вздрогнув, шах пробудился от крепкого сна.

Был он пьяным — постигло его озаренье,
Словно сон, отошло и его помраченье.

Устыдился он шахских одежд и сорвал их,
И решил раздобыть он одежд обветшалых.

И душою он истину божью обрел,
И познал он: в дервишестве шахский престол.

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «Иблис проклятый
Отравляет меня черной злобой предвзятой.

Ни на миг не дает мне быть птицей простою,
Каждый миг полнит душу мою суетою.

Каждый миг он вбивает мне в голову бред,
И спастись от него мне возможности нет.

Ну а раз нету сил мне оставить неволю,
То приходится несть до конца ведь неволю!

Я устал подчиняться зловредным проказам,
И от козней его обессилен мой разум».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Если нрав твой не вздорен,
То и дьявол пред ним будет тих и покорен.

В твоем сердце от прихотей столько гордыни,
И такое бессилье вошло в тебя ныне,

Что, увидев все это, смутился б шайтан
И в пустыню побрел бы, тоской обуян.

Ведь во всяком деянье, что прихотям любо,
Будет польза для дьявола, для душегуба.

Коль вершишь ты деянье по прихоти нрава,
Дьявол зубы от радости щерит слюняво.

Не болтай, что шайтан тебя мучит, поправ,—
Он посланцем своим сделал глупый твой нрав.

Все, что нужно шайтану, твой нрав совершает,
Все, что знает шайтан, нрав твой в точности знает.

Сколько есть разных дел и свершений на свете —
Все они у шайтана всегда на примете.

Ну а твой злобный нрав так прибрал он к рукам,
Будто сотни шайтанов бесчинствуют там!

Гнусный нрав твой свершил столько зла и обманов,
Что они посрамят даже сотни шайтанов!

Если другом ты стал для подобного нрава,
То зачем же шайтана порочить неправо!»

ПРИТЧА

Как-то шейх Хыркани вел с мюридом ленивым
Разговор о служеньи его нерадивом.

Тот сказал: «Дьявол меры не знает проказам,
В каждом деле мне душу порочит наказом.

На молитве меня повергает он в грех,
В руки четки возьму — от него сто помех».

И муршид достославный ответил: «Несчастный!
Сам изранил шайтана ты злобой ужасной.

Он и сам на твои негодует проказы,
Лишь о злобе твоей у него и рассказы!»

«Бог ведь раньше,— твердит он,— послал мне в удел
Сеять зло средь людей тьмою мерзостных дел,

Наставлять их ко смутам — жестоко, всечасно,
Направлять их в пустыню порока всечасно.

Ты ж мюрида взрастил — при своей-то особе! —
Что и мне не сравняться с ним в злости и злобе.

Сколько раз подступался к смутьяну я сам —
Дай, мол, сердце твое шайтаненку отдам!

Сколько грешников в жертву себе я ни скличу,
Глядь — забрал мой соперник их души в добычу.

Каждый помысел, что для меня и немыслим,
Без препятствий его подчиняется мыслям».

Но — не хватит ли этих словес, говорю,
Нас с тобою одобрил сам бес, говорю!

Благодарствуй, о чадо коварств и обмана,
Твой наставник добился хвалы от шайтана!

Тот сказал: «Ты поверил клеветам шайтана!
Что ни сделаю, происки в этом — шайтана».

Шейх сказал: «Твоему поведенью хвала!
Значит, вместе с шайтаном творишь ты дела!

Я задумал назначить тебе наказанье
И в отплату снимаю с тебя послушанье.

И тебе от шайтана стократ посрамленье,
И шайтану твой злобный разврат — посрамленье!»

ВОПРОС

«Лучезарный, послушай-ка слово собрата!
Беспредельно мне любы богатство и злато.

Прикасаться к нему — для меня наслажденье,
Даже звон его в душу вселяет волненье.

Серебра или злата лишусь хоть на миг,
И мгновенно страх смерти мне в душу проник».

ОТВЕТ

И воскликнул Удод: «В этом истины нету!
Словно клейма беды, вбил ты в душу монету.

Чаша алчности сердце твое опьянила,
И с лихого похмелья поникнул ты хило.

Речь такую услышишь подчас наяву,
Что разумному вряд ли под стать существу.

Людям стыд и позор от подобных отличий,
Только мыши присущ столь нелепый обычай!

Только мыши пристало в заботах и страхе
Землю рыть день за днем, пресмыкаясь во прахе.

Кто в корыстном упрямстве рыть клады горазд,
Тот и жизнь свою алчности в жертву отдаст.

Мышь крадется в дома, прогрызает там дыры,
Ну а выскочит кот — и не стало проныры!

Он изловит ее, насладясь ее страхом,
В жадном рвенье единым сожрет ее махом.

Всю сожрет без остатка — до самых ушей;
И собаки ведь тоже гоняют мышей!

Или будешь, как змеи, по кладу томиться [30],
И годами в земле плен твой жалкий продлится.

Только небо тебя страшной карой погубит:
Лишь покажешься — голову сразу отрубят!

Будь змеей или мышью, негодный пачкун!
Много грязи в тебе, недостойный ползун!

Если судьбы их так отвратительно гадки,
И тебе не в добро станут эти ухватки!

Кто в любви к серебру вечно в путах бывает,
Тот от страсти к нему в муках лютых бывает.

Будет он, как невежда, упившийся всласть,
Тьму поклонов серебряным идолам класть.

И от дури забудет ислам напоследок,
В преисподней окажется сам напоследок.

А пока во вселенском саду он влачится,
Будет доля его тяжкой мукою длиться.

Сребролюбие сто испытаний пошлет,
А позору вовек не наступит исход!

Нет, не мышью — тебя я Каруном считаю,
Не змеею — самим Афридуном считаю!

А претерпишь все это, и путь твой — к могиле,
Что свершишь ты, и что эти люди свершили?

Ты от эдаких бредней очисти мозги,
От камней тяжкой кары себя береги!

Если муж ты, стремись к постиженью благого,
Что ни скажешь — о нем пусть звучит твое слово.

Брось пустое! Оно тебе карой чревато,
И для жизни опасностью ярой чревато!»

ПРИТЧА

Жил-был в Басре какой-то мерзавец отпетый,
Он в казне неразумья был редкой монетой.

Всё динары копил и копил он упрямо,
Его скупости ровня — лишь щедрость Хатама.

Превеликим усердьем дурной скопидом
Обзавелся и золотом и серебром.

И когда подкопилось немало уж денег,
Под землею поглубже их спрятал мошенник.

И хоть клад у сквалыги был очень богатым,
Деньги он и на шее носил под халатом.

Было столько у скряги сокрыто монет,
Сколько звезд в небе кроет полуденный свет.

«Телу — сила в них,— часто твердил он присловье,—
Сила тела полезна душе для здоровья».

Как-то раз довелось ему в доле бродяжьей
Промышлять возле берега куплей-продажей.

Как-то раз у реки, раздобывшися мздой,
Закусил он какой-то негожей едой.

Стал он мыться, склонившись над быстрой водою,
А дирхемы его повлекли за собою.

И упал прямо в реку проклятый меняла,
И злонравьем в пучину его завлекало.

И барахтался в муках он, страхом объят,
И с надеждою ждал он, что бросят канат.

И пока собирались спасать дурачину,
Все сильнее его увлекало в пучину

Словно якорем, золотом был он нагружен,
И пошел он ко дну — прямо к перлам жемчужин.

Серебро ему стало смертельной бедой,
Стала ноша его тайником под водой.

Вот какие несет сребролюбье напасти,
Умывай-ка ты руки от этакой страсти!

Не давай себе волю погрязнуть во сраме,—
Видишь: море тщеты бурно плещет волнами.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О в высях парящий!
Край мой раю подобен красою манящей.

И деревья там — райским подобные кущам,
И конца нет ручьям, как из рая текущим.

Там живительна влага и воздух пригож,
Сытной пищей поля там усеяны сплошь.

Впору райским садам, там просторы богаты,
Замок есть там высокий, а в замке — палаты.

В замке том золоченая роспись красива,
А снаружи узоры резьбы — как на диво.

Там правитель спокойствием мудрым велик,
В благонравье сияет красой его лик.

Вот в каком цветнике благодать мне привычна,
Вот с каким властелином бывать мне привычно!

Без меня ему вкус угощений неведом,
Днем и ночью я друг его сну и беседам.

Эти радости кинув, лететь в вышине
Да стремиться к Симургу — пристало ли мне?»

ОТВЕТ

А Удод ему: «Бредишь ты вздором ничтожным,
В речи волю даешь разговорам ничтожным.

Хоть для сердца цветник и красоты прелестны,
А для взора вода и просторы чудесны,

И хоть райские кущи красою блестят,
И хоть пышные розы прекрасны стократ,

Только верность — не люба для роз и ирисов,
Только вечность — не свойственна для кипарисов.

Лишь весну пересилит осенняя стужа,—
Розы никнут к земле, от печали недужа.

Да и замок — лишь небо свершит оборот —
Как влюбленное сердце, разбитый, падет.

Шаха тоже возмездие рока нагонит,
Да и с трона его злой десницею стронет.

У садов и питомцев их — век быстротечный,
И ни шаху, ни слугам нет радости вечной.

О простак! Кто б сказал — где такого найдешь —
Что и ты в том саду не с колючкою схож?

Если муж ты, лети к Каф-горе, к тем вершинам,
Где дано тебе с шахом быть, вечно единым!

Ведь в мирском цветнике — от него блеск цветений,
От него — увяданье и ветер осенний.

И величие шахов — в свершеньях его,
Их паденье и гибель — в веленьях его.

И дворцам созиданье дает его разум,
И в его повеленьи — низвергнуть их разом».

ПРИТЧА

Жил один каландар, неприкаянный, нищий,
День и ночь ему банг был единственной пищей.

Был он с виду подобен подвижнику-старцу,
Ну а в помыслах — предан заветному ларцу.

А накурится зелья — немели уста,
И усладой его были бред и мечта.

Как-то, много добыв той спасительной пищи,
Он тянул ее, сев на одном пепелище.

И, удобно устроившись в рухнувших плитах,
Он мечтой устремился в мир помыслов скрытых.

Он увидел себя в заповедном саду,
Все, что нужно душе, там лежит на виду.

И жилище его — замок, прочный и властный,—
Сам Мани расписал его кистью прекрасной.

Сам сидит он на троне, подобно Джемшиду,
И красавица с ним, солнцу равная с виду.

Веселится властитель, могуч и велик,
И красавица нежит его каждый миг.

Этой выдумкой тешась, счастлив, беспечален,
Он лежал одиноко средь мрачных развалин.

Вдруг в углу — скорпион и, ползя по развалам,
Ядовито-смертельным грозит ему жалом.

Как хозяин, решил обойти он развал,
И во что ни попало он жало вонзал.

И когда недоумка красотка лобзала,
В его губы вонзил скорпион свое жало.

И вскочил каландар со стенаньем и криком,
И метаться он стал в исступлении диком.

Все исчезло: и розы, и замок, и трон,
И красавица мигом пропала, как сон.

Все мечты его были и вздорны и грубы,
И смертельный укус поразил его губы.

Понял он, что во всем заблуждался глубоко,
Но ему от раскаянья не было прока.

Меж тобой и тем дурнем различия нет:
Тебе в голову взбрел столь же мерзостный бред.

Мигом вскочишь, вкусивши смертельное жало,
И бездумного сна — сразу как не бывало!

Сколько будешь рыдать и стонать ежечасно —
Нет ни на волос проку, все это напрасно.

И тогда ты поймешь, от кого ты далек,
Сам ты душу клеймом отчуждения сжег!

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, несравненный,
Мучит сердце любовь мне неволею пленной.

Хоть на миг не увижу я облик любимый,—
Застлан мир для очей темнотою незримой.

Мне покоя тогда на мгновение нет
И в тоске и печали терпения нет.

Видеть лик ее — больше не надо и счастья,
Ведь душе от свиданья — услада и счастье!

Нашим узам дана столь блаженная участь,
Что в разлуке терзаюсь я, ревностью мучась,

Пенья милой не слышу — и жить мне невмочь:
Дух из тела, как птица, уносится прочь.

И в разлуке с любимой я сердцем слабею,
Радость жизни моей — в единении с нею.

От разлуки душа моя в горе великом,
Сердце ночью и днем надрывается криком.

Я в разлуке прожить не смогу даже дня:
Ведь разлука с любимою — смерть для меня!

И во имя чего я любимую кину,
И куда же лететь мне — в какую долину?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, гореть — твое дело!
Искра плотской любви в твое сердце влетела.

Страсть твоя от любви далека безвозвратно,
В сердце язвы разлуки огнем выжгли пятна.

Со стези справедливой себя ты совлек,
И решил поискать ты окружных дорог.

Коль без влаги живой в жажде высохли губы,
Им целебные силы предвечного любы.

Отвратился от чистых жемчужин ты сердцем,
С водянистыми каплями дружен ты сердцем.

Кто закрыл сам себе светоч, льющий лучи,
Тот живет при мерцаньи коптящей свечи.

Кто рассудок свой тешит обманом обличья,
Тот вовек не изведает сути величье.

Что за смысл красотою наружной покоим,
Если лик естества крашен кровью и гноем?

Лик любимой красивым представить не тщись:
Яркость щек — это кровь, белизна — это слизь!

И наружной красе срока вечного нету,
В ней ни прочного, ни бесконечного нету!

У любви и безумств — быть во власти не стоит,
И впадать в посрамленье от страсти не стоит!

Красоте незнаком нескончаемый век,
Преходящи влюбленность и радости нег.

Коль прекрасное — завтра прекрасным не будет,
Разве это прекрасно? — Добра с ним не будет!

Ту красу полюби, чье величие свято,
Ее светоч вовеки не знает заката.

Сто мильонов подобных тебе приверед
Недостойны увидеть любви этой свет.

Будет смертью сто жизней у любящих взято —
Той красе в сотни тысяч раз больше отплата!»

ПРИТЧА

В том кругу, что собрал Арасту для ученья,
Был достойный мюрид, столп усердья и рвенья.

И великий наставник, премудростью светел,
Среди всех его честью особой отметил.

Он внушил ему знанье сокрытых начал,
С малых лет он его при себе содержал.

С ним четыреста мудрых с одним не сравнятся,
Арасту лишь мудрей был, другим — не сравняться.

И лелеял учитель надежду и веру,
Что мюрид его будет под стать Искандеру:

Если волею рока отбудет один,
Пусть другой остается при нем, словно сын.

Пусть, мол, разумом скор, он в речениях спорых
С Афлатуном самим потягается в спорах.

Но случилось с мюридом нежданное дело:
В его сердце любовь свою лапу продела.

Из обители зла вышла дева-луна,
Сребротелая, каменной злобой полна.

И на веру его она зло покусилась,
Посрамить мудреца как назло покусилась.

И мюрид был жестоко пленен чаровницей,
В слабом сердце исторгнут был стон чаровницей.

Загоревшись достичь единения с ней,
Он не внял ни речам, ни советам друзей.

И большими расходами, тратой великой,
А добился союза он с той луноликой.

Поклонясь тому идолу в рвенье примерном,
Стал он идолов честь в подражанье неверным.

И смотреть на нее день и ночь он привык,
И совсем позабыл он премудрости книг.

Был он так увлечен луноликим тем дивом,
Что в ученых беседах уж не был радивым.

И учитель все понял, подумав при этом:
«Дескать, дай помогу ему добрым советом».

Он советы давал, как умел и как мог,
Только этой беде не пошли они впрок.

Видит он — и науки, и разум пропали,
И труды многих лет будто разом пропали.

Как ни думал мудрец, видит — дело-то туго,
Не найти ему средства от злого недуга.

И тайком от мюрида учитель решил
Дать красавице яд, чтоб лишить ее сил.

И слегла она, громко рыдая и плача,
Миг от мига слабея от горького плача.

Как ни бился тот юноша — не было прока,
И красавица в немощи чахла жестоко.

И бедняк разуверился в зельях совсем
И предстал пред учителем, в горести нем.

Головою печальною он преклонился
И, рассказом своим пристыжен, преклонился.

И учитель, узрев столь великое горе,
Порешил, что избавит больную от хвори.

И сказал он: «Ну вот, приготовься и — в путь,
Искандеру сегодня помощником будь.

Занемогшей я снадобье дам от недуга,
Только примет — и станет здорова подруга».

Тот, согласье явив, в путь отправился споро,
А учитель стал зелье творить от измора.

Он поносное сделал, что чистит сполна,
И несчастная выпила зелье до дна.

И промолвил он ближним — доверенной свите:
«Приготовьте сосуд и у двери сидите.

Не сливайте,— сказал он,— что будет здесь ныне,
А храните, собравши в особом кувшине».

И, сказав это, вышел наставник благой,
И свершил свое дело целебный настой.

И когда очищенье свершилось стократно,
Возвратился учитель к порогу обратно.

И ни мощи, ни сил у больной не осталось,
Крови в теле и капли одной не осталось.

Вместе с кровью и желчь, и мокрота, и гной —
Все покинуло тело прекрасной больной.

И мюрид возвратился, исполнив послугу,
И мудрец ему молвил: «Взгляни на подругу».

Жаждя видеть красавицу, входит он смело,
Глядь — простерто на ложе иссохшее тело.

Не узнал он: «А где же отрада моя?
Кипарис мой, тюльпан мой, услада моя?»

И, услышав стенания, входит учитель,
Маг всеведущий, мудрый его наставитель.

«Где кувшин тот,— промолвил он бывшей с ним свите,—
Ту красотку безумцу ее покажите».

И ему принесли тот нечистый сосуд,
И узнал он про все, что случилося тут.

Был кувшин до краев грязной жижею полон,
И зловонною гадостью рыжею полон.

«Вот, возьми, это — то, что любимою звал ты,
Розоликой своей, несравнимою звал ты.

Это — то, что до страсти пленило тебя,
От чего и покинула сила тебя».

Посрамлен был учителем пылкий влюбленный,
И учитель узрел его вид сокрушенный.

И сказал он: «О сын мой, пришлось тебе туго,
Знай: не ей, а тебе я помог от недуга.

Ты влюблен был, причина же страсти — она,
И основа безумной напасти — она!

Та влюбленность, в которой погряз ты упрямо,
Перед высшей любовью — позорище срама!»

ВОПРОС

Возопил вопрошающий: «Помощь подай нам!
Ты причастен к сокрытым, неведомым тайнам.

Страхом смерти мне душу сковало в дороге,
Я боюсь умереть у привала в дороге.

Ужас немощью плоть мне сумел оплести,—
Мне ли быть вам попутчиком в этом пути?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, печальник угрюмый!
Сколько жить суждено тебе в мире,— подумай.

Кто пришел в этот мир, все изыдут едино:
В смертный час грудь им вспорет кинжалом кончина.

Все живое находит единый исход,—
Мудрецы ведь познали, что смертного ждет.

Тот не мудр, кто не знает об этом пределе,
Он — невежда в простом для понятия деле.

Сколько б не жил — хоть тысячу лет, хоть мгновенье,—
Смерть подступит — и ты не найдешь избавленья.

И святым не избегнуть подобных оков,
И пророкам удел предначертан таков.

От невзгод и печалей спастись невозможно,
И из горестей вырваться ввысь невозможно.

Нет свободы в причудах и глупом соблазне,—
Смертный меч все равно не избавит от казни.

Как ни плачь, как ни тщись избавленье найти,—
Все равно не отыщешь иного пути.

Ни святым, ни святошам, ни шахам, ни нищим
Не дано не изведать дороги к гноищам.

А от страхов иного и не было проку,
Кроме муки изведать лихую мороку.

Если нет и надежды от смерти спастись,
Перед волею бога покорно смирись».

ПРИТЧА

Есть рассказ о звезде, жгущей горние грани,
О светиле пророков — благом Сулеймане.

Восседая на троне в блаженстве счастливом,
Отдавал повеленья он пери и дивам.

Люди, звери и птицы — вся сущая тварь
У него на послугах водилася встарь.

Все они его грозным веленьям внимали,
Его милостям с благоговеньем внимали.

Был при нем приближенный — достойный и умный,
Молчаливый в печали своей многодумной.

Вдруг незримо каратель с небес снизошел —
Похищающий души предвечный посол [31].

И явил он пророку почтенья обычай,
И прорек он: «О доблестный в славе величий!

Мысль господней премудрости вверена тайнам,
Молкнет разум пред нею в смущенье бескрайном.

Мужу чести, стоящему здесь пред тобой,
Невдомек, что на смерть обречен он судьбой.

Чашу жизни его полнит смертная влага,
Быть ей другом ему уготовано благо.

От меча моего быть погибельной ране,
Только душу его я возьму в Индустане.

Этот умысел, яростно мной овладев,
Миг за мигом свирепостью полнит мой гнев».

Только вымолвил ангел слова тех речений,
Глядь, тот муж — пред пророком, у тронных ступеней.

Пал он, землю лобзая, с мольбою смиренной,
И сказал: «О пророк, добродетель вселенной!

Нынче я и тоской, и кручиной объят,
И о смерти лишь мыслью единой объят.

О, дозволь мне проститься на время с державой,
Застит взор мне завесою черно-кровавой!»

В тот же миг Сулейман повелел ураганам:
«Эй, доставьте его к им же избранным странам!

Где велит — там ему и устройте жилье,
Пусть исторгнет из сердца страданье свое».

Ветер взвил его в вихре крутого полета,
И все члены его охватила ломота.

К Индустану лететь знак веления сделав,
Он — ни дальше, ни ближе — достиг тех пределов.

И сказал он: «Вот здесь опустите меня,
В этот дол я стремлюсь, цель благую храня».

Мигом спешился всадник, скакун взвился к небу,
И настиг его ангел себе на потребу.

Ангел молвил: «Да, славен творец-всезиждитель»,
И впустил его душу в благую обитель.

Если кто-либо с ветром сдружиться решил,
Значит, дух его кличет к себе Азраил.

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, благородный!
Я не ведаю в жизни надежды свободной.

В непрестанной печали живу я на свете,
Ни веселья, ни радости нет мне в примете.

Быть веселым душою в пути надлежит,
Беспечальным, безбедным идти надлежит.

А судьба мне дарует печаль и изъяны,
Ежечасно в душе моей новые раны.

Буду радостен — в путь я отправлюсь по чести,
Тот, кто весел, взлетит — ну и я с ними вместе!»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, печальник унылый!
Жить в печалях привычно душе твоей хилой!

В одоленьи такой непроглядной пустыни
Даже храбрые могут предаться кручине.

Мужа тешит заботой любая стезя,
Беззаботному доблестным зваться нельзя.

Смелый радость создаст и из лютой невзгоды,
Зло добром одолеть — вот в чем признак свободы!

Скорбь и муки — везде во вселенском просторе,
Каждый миг там является новое горе.

В человечьей душе человечна печаль,
И такою бывала извечно печаль.

Даже призванный к подвигу высшим глаголом
Терпит муки в пути своем скорбно-тяжелом.

Тот, кому гнет печалей был прежде неведом,
Человечность познав, приобщается к бедам.

Если прошлым томишься ты в горьком стыде,
Путь добра избери, о погрязший в беде!

А печаль обретешь — сердце благостью радуй,
Ведь свобода для сердца пребудет наградой!

Те, кто благ, и из мук сотворяют усладу,
Им дано в безотрадном провидеть отраду.

Скорбь свершений для благостных целей дана,
Боль души для грядущих веселий дана.

В ком нет скорби, тот мужем не звался и сроду,
А осиливший скорбь — обретает свободу!»

ПРИТЧА

Жил в Египте вельможа, богатый и знатный,
В мире́ помыслов славен судьбой благодатной.

Всем, что нужно для разных услад, обладал он,
Всем, чего пожелаешь, стократ обладал он.

Был дворец его с райской обителью схож,
Все любимцы его — словно гурии сплошь.

Только этот достойнейший муж непорочный
Зрел на все с отвращением сытости прочной.

Крепко-накрепко сжились с ним беды и муки,
Как Юсуф, он томился в темнице разлуки.

«Твое сердце,— рекли ему,— пленник скорбей,
Растолкуй ты нам тайну печали своей!

Ведь имеешь ты все, что дарует услада,
Ведь могло б твое сердце быть этому радо!

Почему ж ни на миг ты услады не знаешь,
Отчего ж, кроме скорби, отрады не знаешь?»

И сказал он: «Для праведных мир — как тюрьма,
Ведь от взора сокрыты прозренья ума.

Их удел — одолеть путь вот этот бескрайный,
Чтобы слиться душою с заветною тайной.

А в темнице — блаженства хоть след нам бывает?
Кто ж в обители скорби безбедным бывает?

Ну а если мой избранный друг не со мной,—
Даже кущи Ирема мне будут тюрьмой.

И пока мне цветник единенья неведом,
Нет скончанья моим злоключеньям и бедам».

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, несравненный!
Высшей воле покорен я в доле смиренной.

Я послушен приказу творца и веленью,
Нет предела ни гневу его, ни раденью.

Что он мне ни велит — не жалею я сил,
В высшей воле — принять иль отвергнуть мой пыл.

Я наказы его чту зимою и летом,
Что мне будет в ответ — и не мыслю об этом!

Покоряться ему для меня ведь привычно,
А свершу — мне его в счастье славить привычно».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Это верное слово,
И сказать не сумеешь ты лучше такого!

И кому ж уготовано вечноживущим
Быть счастливым в пути, к совершенству ведущем?

Кто веленью творца послушаньем радел,
Тот обрел на пути его высший удел!

Не склоняющий выю и богом отвергнут,
И его благолепным чертогом отвергнут.

Сколь блаженная участь даруется свыше
Преклоненному в доле смиренья и тиши!

Благодатно смиренье такое ему,
А без этого нет и покоя ему.

Но когда бы и сколько бы он ни смирялся,
Как бы он, перед богом склонен, ни смирялся,

Пусть в нем гордости даже в помине не будет,
Пусть душе его бед от гордыни не будет!

Кто ж склонен нерадиво, спустя рукава,
У того и недоля и доля крива,

Кто привычек похвальной повадки не знает,
Даже если нужды он в достатке не знает,

Кто надменной душою, добром не согретой,
Ценит робость смирения мелкой монетой,—

Он порог благодати в гордыне отверг,
Цель смиренья, и благо святыни отверг!

Кто ж обрел свое счастье в молитве смиренной,
Тот постиг в благодати и смысл сокровенный».

ПРИТЧА

Бог весь род естества человечьего создал,
В плоти — дух, чтобы жаром зажечь его. создал.

А до этого сонму небесных созданий
Дал он благо смиренья, закон послушаний.

И, над всеми поставлен главой, Азазил
Для благих и заблудших наставником был.

Долго — тысячи лет — был он нравом послушен,
Перед богом в смирении правом послушен.

Описать его — скована речь немотою,
И для разума цель эта будет пустою.

Говорят, что в бескрайней земной широте
И на всех девяти небесах в высоте

Не осталось достойных моленья пределов,
Где бы он не склонился, молитвы не сделав.

Бог Адама — вершину творимого — создал,
Для любви себе сына любимого создал.

И велел он всем ангелам — сонму всему:
«Вот он светоч людей, поклонитесь ему».

Чтить Адама всем ангелам бог дал веленье,
И к стопам его ниц они пали в смиренье.

Дьявол господу тысячу лет поклонялся,
Исполняя смиренья обет, поклонялся.

Но теперь в нем гордыня явила свой пыл,
И создатель от братьев его отрешил.

Он лишил его сердце услады смиренья
И набросил на шею ярмо посрамленья.

То проклятье осталось на тысячелетья,
И сгубил он безжалостно тысячелетья.

Бог страшней наказанья не создал,— заметь,—
Чем в грехе своелюбья навек захиреть.

Своелюбьем грешить — значит с дьяволом слиться,
И тогда твое сердце ему покорится.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Принявший главенство!
Если кто-либо чист на пути совершенства,

Какова ему будет награда,— поведай!
Растолкуй мне потайное мудрой беседой.

Я в пути непорочен, не ведаю зла,
Со смиренной мольбою вершу все дела».

И Удод отвечал: «Это — труд, но и благо,
Бог дарует покорным то чудное благо.

Обретет этот дар муж, что нравом всех чище,—
Нет для путника более благостной пищи.

Плотность пищи — лишь в плоти, что духом чиста,
И в свободе от плотских оков живота.

Но для благости путника будет залогом,
Если все, чем владеет он,— в малом, во многом,—

Тайны святости, кротость, в чем добр иль корыстен,
Быль и небыль пути постижения истин —

Соберет и в огне отрешенья спалит —
Все, до пепла, дотла, без строптивых обид.

Пусть развеет он пепел по ветру в пустыне,
Чтоб и духу его не осталось в помине.

Пусть пронижет все сердце губительный ветер,
Пусть продует тот луг очистительный ветер!

Пусть он вырвет из сердца лихие дела,
Пусть из сердца изыдут грехи и дела!

И когда уничтожит он бренное тело,
Пусть к стезе благодатной направится смело.

Говорят, что дорога для праведных — благо,
Коль познали они мудрость первого шага.

Этот шаг — все, что есть, в чем бывает нужда,
Сжечь, да так, чтоб совсем не осталось следа.

Если шаг этот сделан — дарован обет нам
Единенья с взыскуемым другом заветным».

ПРИТЧА

Жизнь дано было с истиной слить воедино
На стезе Ибрахима Адхамова сына.

На господнем пути был он верным муршидом,
Непорочен и благостен сутью и видом.

Был он шахом, но бросил державу и трон,
Снял венец и расстался с владычеством он.

В жалком рубище, с сотнею тысяч смирений,
Он в дорогу пустился, чтоб стать совершенней.

Бросив Балх, в Нишапуре искал он отраду —
Так спешат от развалин к цветущему граду.

Как рудник для бесценных камней этот дол,
На семь лет среди гор там приют он обрел.

Днем посту предавался султан правоверный,
В ночь молитвою был осиян правоверной.

Муж достойный там хворост сбирал средь долины
И в охапку увязывал он хворостины,

И тащил на плечах на базар, чтоб иметь
Для ночных разговений хоть малую снедь.

Он согнулся, как месяц, от лютых несчастий,
Как тростник, стало тело его от напастей.

Как-то, немощным телом к поклаже приладясь,
В город шел этот муж — ценных помыслов кладезь.

Вдруг навстречу святые — столпы тех времен —
Испытать его веру — чем праведен он.

Был он бит кулаками по вые смиренья,
И сказал им подвижник пути отрешенья:

«Плоть мою, что сейчас испытать вы желали,
В Балхе кинул я, в эти отправившись дали».

И сказали они: «Не созрел он еще,
Он к дровам своим крепко приделан еще.

Есть в нем память еще, если Балх не забыт им,
И полна голова его вздором набитым.

Пусть он год или два еще мыкает горе,
Может, сердце его позабудет о вздоре».

Через несколько лет двое-трое столпов
Вновь нашли его,— дескать, посмотрим, каков.

И опять был побит он могучею дланью,
Было снова свершиться дано испытанью.

Но теперь он и слова сказать был не в силе,
И допытчики милость к нему проявили.

И сказали: он цели стремлений достиг
И на праведном поприще делом велик.

И они благодарное слово явили
И себя пред султаном все снова явили.

И они быть друзьями по чести решили,
И к Каабе идти они вместе решили.

Шаха сызнова властью решили почесть,
И гонцы понесли по дорогам гу весть.

Если чуждое таинствам в сердце укрыто,
Тайна тайн от него словно дверцей укрыта.

А изымешь из сердца все чуждое богу,
И завеса падет, дав благому дорогу.

Тех, что путь к отрешенью от мира нашли,
Непорочными кличут, пытатель,— внемли!

ВОПРОС

Вопросивший сказал: «Ты велик разуменьем!
Беспределен порыв мой к высоким стремленьям.

Если польза от помыслов высших отменна,
Эту пользу и мне надо знать непременно.

Я в раденье высок, но бессильем объят,
Что мужи разуменья о том говорят?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Будешь в доброй заботе —
Много пользы увидишь ты в этом полете.

Коль у низкого будет порыв величавый,
Он достигнет высот и сдружится со славой.

Человек — как вместилище перлам забот,
Ведь жемчужнице честь блеск жемчужин дает.

Есть раденье — ни славы, ни власти не надо,
И к богатству погибельной страсти не надо!

Кто не красен блестящей и звонкой монетой,
Тот богат и душою, раденьем согретой.

Если кто-нибудь дела свершить и не смог,—
Не беда, был бы он в устремленьях высок!

В высших помыслах мужу почет и награда,
А богатства и власти ему и не надо.

Если много богатства, да нету раденья,
У разумных вовек не добьешься почтенья.

Если к высшим радениям воля дана,
То раденьем счастливая доля дана.

Если бог не дал шаху рассудка во благо,
То не лучше ль радетельный нищий-бродяга?

Коль радетельных помыслов нет в падишахе,
Пред радетельным нищим он попран во прахе.

У людей красота — от высоких забот
И в душе чистота — от высоких забот.

Может низкий высокого счастья добиться,
Но и с горцем в достоинстве он не сравнится.

Много тысяч овец даже пастырь-заморыш
За награду пасет как заботливый сторож.

А повадится волк жрать баранов, задрав,
Тут уж нужен не пастырь, а пес-волкодав.

У кого есть богатство, да нету раденья,
Он, как пастырь, небрежный к обету раденья.

Тот — богатый ларец стережет нерадиво,
Этот — стадо овец стережет нерадиво.

Добродетельный, если раденьем горазд,
Бедняку свое стадо в подарок отдаст.

Чьи сердца благородством раденья согреты,
Словно звезды, привычно дарить им монеты!»

ПРИТЧА

Среди прочих рассказов для нас в назиданье
Есть о ревностном муже рассказ — в назиданье.

В судный день отверзались могильные плиты,
И вставали из ям все, что были зарыты,—

И святой, и развратный, богач и бедняк —
Все на судное поле направили шаг.

Шейх радетельный — Джам, славный святостью кроткой,
Телом грузен, как слон, шел тяжелой походкой.

И, узрев на ходу ад в зиянье глубоком,
Он на грешных взглянул сострадательным оком.

И, увидев мучений немыслимых круг,
Пал он помыслом в море невиданных мук.

И решил он — скажу про беду перед богом,
Речь молитвою я поведу перед богом:

«О господь! Тем, кто мучимы адовым жаром,
И достойным, и подлым, и малым, и старым,—

Всем — грехи, совершенные ими, прости,
Пощади их и, милость явив, отпусти.

Ведь тебе им явить милость эту — не в тягость,
И тебе — есть они иль их нету — не в тягость!

А не хочешь — таким надели меня телом,
Чтоб, приняв меня, ад стал бы доверху целым.

Если все эти муки потребны тебе,
Дай, страдальцев сменю я в их страшной судьбе!»

И когда тот радетель в благом отрешенье,
Как заступник, содеял такое прошенье,

И когда он явил и раденье и жалость,
По заслугам ему от творца и воздалось.

Птица рвенья его взмыла взмахами крыл,
И мильонам людей он спасенье открыл.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Муж доли счастливой!
Обретет ли благую судьбу справедливый?

Бог удел справедливых нарек мне в награду,
Для души этот дар приберег мне в награду.

Кто подобной судьбы удостоиться смог,
Близок он к всезиждителю или далек?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Вот похвальное слово!
Среди прочих достоинств нет лучше такого.

У людей много добрых примет и отличий,
Но добрей справедливости нет и отличий!

Без нее — человечьего нет ничего,
Нет без праведных свойств, кроме бед, ничего.

Этим благом судьба лишь мужам порадела,
И не всякий достигнет такого удела.

Незнакомы мужи с неблагими делами,
И, не требуя благ, совершают их сами.

Благодатей благие не ждут от других,
Ведь в свершеньи добра превосходство — у них!

Но не делает благ тот, кто требует блага,
И слывет недостойным неправедный скряга!»

ПРИТЧА

Жил достойный ходжа, истой веры светило,
И Порсо меж людей его прозвище было.

Он паломником в Мекку — к святыням пустился,
И к Каабе — к исламским твердыням пустился.

Был ходжа Абу Наср добрым сыном ему,
И слугою и другом единым ему.

И когда они вместе направились к цели,
С благодарной мольбой они руки воздели.

И свершили они все, как нужно,— обрядом,
И припали к ним странники, бывшие рядом:

«Помолитесь, да будет напутствие нам!»
Но ходжа отошел и не внял их мольбам.

И шестьсот тысяч странников в ревностном пыле
Вновь ходже эту просьбу покорно явили.

И ответил тем людям муж мудростей книжных,
На стезе совершенства святейший подвижник:

«Мне вершить это дело какая нужда?
Вот сей муж, без него даже я — никуда.

Раз дано ему много высоких отличий
И при том — справедливости высший обычай,

Он достойней меня для деяний пригожих,
Пусть помолится он за паломников божьих.»

И, услышав такие хваленья ему,
Поручили те люди моленье ему.

Справедливость ходжи все по чести хвалили,
Всей душою одобрив, все вместе хвалили

И взошел Абу Наср на минбар для моленья,
За людей он молился в благом просветленье.

Он о милости к людям пред богом просил,
О нужде их в смиренье убогом просил.

А ходжа у минбара стоял — у подножья,
Повторяя «Аминь!» или «Истина божья!»

И к концу подходили мольба и призывы,
И вскричал возглашающий: «Бог справедливый!

Если эта мольба недостойна святынь,
То прими хоть реченное мужем «аминь»!

И шестьсот тысяч стонов к пощаде воззвало,
И рыдали там все — от велика до мала.

Все за праведность их восхвалили едино —
И благого отца, и покорного сына.

Выше сей никому не дана благодать,
Но такое лишь мудрый способен понять!

ВОПРОС

Вопрошающий молвил, сомненьями гложим:
«Подобает ли дерзость созданиям божьим?

Если птица и взмоет предерзким полетом
К осененным державною властью высотам,—
Что — за смелость ее наказание ждет?
Или милость ей будет от высших щедрот?»

ОТВЕТ

«Знай,— ответил Удод,— на вопрос твой об этом
Две различные сущности будут ответом.

Кто пред шахским чертогом заносчив бывает,
Иль пред высшим порогом заносчив бывает,
Ведь ему нужно выйти из пут естества
И проникнуться сутью, что вечно жива.

Говорить ему нужно по высшим наказам,
До несвойственной сути возвысившись разом.

Это только по виду покажется смелым,
А по сути грозит одиноким уделом.

Есть иной путь — во прахе влюбленности пасть
И явить одержимость, восторженность, страсть,

Чтобы в этой любви быть над силой невластным,
И безвольно забыться в смиренье безгласном.

В этом нет ни гордыни, ни спеси нимало,—
Только страсть, коей равной вовек не бывало!

Лишь единая страсть у такого — творец,
Может речь он одно только слово — «творец!»

ПРИТЧА

Жил блаженный один, и за склонность к причудам
Он господним Меджнуном был прозван всем людом,

Ибо думы о боге смиренно любил он,
Жить в тех думах и нощно и денно любил он.

Что ни слово, то к богу вопрос или зов,
И ответ на него — из божественных слов.

Как-то раз по весне, в тихий вечер пригожий,
Ехал он, направляясь к обители божьей.

В изнурении плоти, измученный телом,
Ехал он на осле, от невзгод ослабелом.

Ночь спустилась темна, дождь собрался с высот,
Видит бедный Меджнун, что идти не расчет.

Он увидел остатки жилья средь пустыни
И сказал: «Позаботься, господь, о скотине!»

Бросив в поле осла, он проник в глубь развалин
И прилег там блаженный, дремотою свален.

Взяв под голову глиняный ком, он прилег,
А осла не под кровом пастись он обрек.

И едва он заснул, как весенняя туча
Зашумела дождем, и быстра и летуча.

И руины водою захлестывать стало,
И дремоту с безумного мигом согнало.

Он вскочил и уселся, чтоб ливень минуть,
А как дождь перестал — видит: можно и в путь.

Вышел он поискать у развалин скотины,
Глядь — осла-то и нету вблизи от руины.

И запала в Меджнуна лихая тревога,
Гневной речи дав волю, корить стал он бога:

«Лишь недавно тебе поручил я осла,
Хороша ж твоя воля к раденью была!

Если люди бы в гости к тебе не стремились,
На скотине пробиться пустынями силясь,

Ты, наверно бы, не был таким нерадивым
И беспечным в своем небреженье ленивом!

Мне осла постеречь за позор ты сочел,
Темной ночью напрасным дозор ты сочел!»

Так ворчал тот Меджнун и метался в досаде,
Распаляясь осла запропавшего ради.

Вдруг ударила молния пламенным блеском
И весь мир просветила в сверкании резком.

Глядь — поодаль спокойно пасется осел,
Мордой тыча в колючки, он по полю брел.

И чудак был так рад, что забыл всю тревогу,
Он осла оседлал и пустился в дорогу.

И оставил он грубости, глядя с опаской,
И припал к всеблагому с любезною лаской:

«О творец, ты — душа моя в плоти моей!
Хочешь — сто моих душ, словно жертву, убей.

Так уж вышло, ты бросил осла без пригляда,
Упустил, не связав ему шею, как надо.

И меня растравило в смятенье жестоком,
И с досады дал волю я гневным упрекам.

Раз тебе я вручил для присмотра осла,
Возвратить его — чья же забота была?

В нераденье своем мне осла не сберег ты,
Но, увидев мой гнев, тут же мне и помог ты.

Ты придумал, что сделать,— ударил в огниво,
И огонь запалил ты, светящий на диво.

И глазам моим вмиг ты пропажу явил,
Милость мне — дай тебя, мол, уважу — явил.

И хотя я в своем непочтенье был правым,
Оказался ты другом с понятливым нравом.

Поступил ты по мудрому чину со мною,
И оставил опять ты скотину со мною.

У речей моих отнял ты силу и прыть,
За поступки меня ты сумел посрамить.

Я забыл все, что сделал ты, все, что случилось,
Ну и ты позабудь, окажи эту милость.

Все забыл я, не дружен я с памятью злою,
И тебе было б лучше забыть про былое.

Мне неведомы будут укор и упрек,
Да и ты бы язык свой от них уберег!

Я простил, в сердце нету ни зла, ни корысти,
Ну и ты от обид свое сердце очисти».

И себя той хвалебной присказкой хвалил он,
И творца с умиленьем и лаской хвалил он.

И хоть просьба глупца бестолкова была,
Но за верность внята с полуслова была.

У любого безумца есть просьба и тайна,
В них и дерзость и кротость слились не случайно.

Всеблагому радетели истины любы,
Все одобрит он, что ни свершат боголюбы.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Летящий по высям!
Я от всех отрешен и от всех независим.

О высоком я помыслом гордым мечтаю,
С высшим быть в единении твердом мечтаю.

Если я без него даже раз не вздохну,
Что ж за ним мне пускаться в иную страну?»

ОТВЕТ

И Удод отвечал: «Вот спесивые речи!
От разумного смысла слова их далече.

Ведь никто не грешит бредом столь небывалым,
Похваляться дано только глупым бахвалам.

Ты подумай-ка: мыкаясь множество лет,
Так и будешь в хвалу себе плесть этот бред!

Про свою отрешенность болтаешь ты много,
Да любезна ль она для благого порога?

От твоей болтовни ведь понятней не станет,
Чем тобою взыскуемый промысел занят!

Сколько ты притязаний своих ни чини,
А ему что за прок от твоей болтовни?

И в реченьях твоих — что ему за кручина?
Лишь в его совершеньях и смысл и причина.

Что бы ты ни сказал — прока в деле не будет,
Коль его одобренья той цели не будет.

Отказаться от глупых речей — благодать,
Лучше — милостей свыше с надеждою ждать!»

ПРИТЧА

Баязид Бистами, кладезь таинств сокрытых,
Шейх престола в преславных премудростью свитах,

Из обители бренности вышел в дорогу —
В те сады, что к предвечному близки порогу.

Раз узрел его ночью мюрид среди сна
И сказал: «О вкусивший благого вина!

Просвети нас, какой наделен ты судьбою,
Как всеслышащий там обошелся с тобою?

Мы в разлуке с тобою от горестей ноем,
Услади наши души блаженным покоем!»

«В тот же час,— отвечал достославный муршид,—
Как я был под землею в могиле укрыт,

И уже сонмам ангелов многоголосым
Дан приказ был пытать меня строгим допросом,

«Кто создатель, творец твой? — они вопросили.—
Кто зиждитель, отец твой?» — они вопросили.

Я сказал: «Не пытайте об этом меня,
А смолчу — не корите, за грех мой кляня!

Лучше вы у него самого вопросите,
Даст ли он мне рабом быть в благой его свите?

Если он облечет меня этим обетом,
Речь его вам и будет достойным ответом.

Только в рабстве и смог бы достичь я его —
У подножия трона величья его!

Коль не в доле моей — сбыться этому чуду,
С ним в разлуке я вечным скитальцем пребуду.

Так и знайте тогда: я — отступник презренный,
В вашей воле карать меня казнью мгновенной».

И едва они вняли такой мой ответ,
В тот же миг снизошел всеблагого завет:

«Эй, пытатели, сей вопрошаемый вами,—
Достославный мой раб, принят он небесами.

Кто лишен осененья божественным светом,
Не дано в его речи быть верным ответам!»

ВОПРОС

И еще был вопрос: «Ты мне равен степенством!
Словно морем, объят я благим совершенством.

Совершенством души награжден я по праву,
Я и с высшим един, упованьям во славу.

Если мне довелось море благ обрести,
Будут тяжки мне муки лихого пути!»

И ответил Удод: «Сам бежишь ты от блага,
Ты исполнен гордыни и дури, бедняга!

Из своих же мечтаний гордыню содеяв,
Отлучен ты от сущности дел добродеев.

Речь твоя источала бессмысленный вздор,—
До конца от начала бессмысленный вздор!

У хвалящих себя ум всегда не в достатке,
Славен тот, кто свои признает недостатки.

Не страдает достойный хвалительным зудом,
Лишь порочный привычен к таким пересудам.

Совершенства ты только в пороках достиг,
Чтить разумным себя ты, невежда, привык!

Совершенством хвалиться — всех глупостей хуже,
Порицать свою дурь — свойство лучшее в муже.

Самомнящие дурью порока убоги,
Им порок не дает к совершенству дороги.

Даже солнце едва лишь достигнет высот,
В тот же час на закат совершит поворот.

И хотя в нем и много примет совершенства,
Лишь увидит оно их — и нет совершенства!

Коль себя совершенным считает порочный,
А глупец себя чтит мужем мудрости прочной,

Трудно что-либо к лучшему выправить здесь,
Ведь основа пороков их — гордость и спесь.

Совершенство твое достохвальное — мнимо,
Знай, глупец: твоя сущность пороком томима!»

ПРИТЧА

Абу Бакр, славный шейх, нишапурец был родом,
В странах мудрости жизнь его шла год за годом.

Как-то раз Нишапур он оставил и смело
Вышел в путь из цветущего градом предела.

Шейхской свиты вокруг — без конца, без числа,
И мюридов и слуг — без конца, без числа.

Нет конца конным, пешим, знаменам, верблюдам —
Все кишело вокруг разным шейховым людом.

Шейх узрел эту пышность и это толченье,
Сзади, спереди разного люда круженье,—

И внезапная дума смутила его,
И совсем одолела та сила его.

Вдруг какой-то осел с диким криком и ревом
Разрядился и сзади зарядом здоровым.

Шейх почел это знаменье добрым указом,
Завертелся он в пляске и рухнул он разом. [32]

И, увидев тем поводом вызванный пляс,
Отреклись все мюриды от шейха тотчас.

Все покинули шейха, и, мненье их выдав,
Вопросил его дерзко один из мюридов:

«В чем причина сих дел, объяснение дай нам!»
И сказал ему шейх: «Друг мой, в помысле тайном,

Видел я, что вокруг всполошенье пошло,
Что покорных мне суеты тешат и зло.

И припомнил я сердцем радетелей славных,
Всех мужей на стезе добродетелей славных —

Джунаида, Шибли, Бистами Баязида,
И Убайда Нури и Абул Хайр Саида,—

Кто из них столь же пышным величьем владел?
Сим воителям люб был смиренный удел!

И когда сердце стало их силой согрето,
Рев осла послужил мне заместо ответа.

Раз нашел я ответ от повадки ослиной,—
Моему озарению он был причиной!

Если шейха от мыслей пробудит осел,
Если рев его вмиг к разуменью привел,

Ничего нет постыдного сделать раденье —
Словно ветром изгнать из ума наважденье.

Это дело доступно мужам справедливым:
Муж поймет, если будет и сам справедливым.

А спесивый и глупый в злонравье своем
С этим благом вовеки не будет знаком!»

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Достойнейший в чине!
Если я в путь-дорогу отправлюся ныне,

То какой же утехой забот избежать мне,
А настигнет печаль — как невзгод избежать мне?

Как же быть, чтобы радость мне в душу вошла,
И была б единением с высшим светла?»

ОТВЕТ

И Удод отвечал: «Коль утехи желаешь,
И печалям своим ты помехи желаешь;

Вечно помни единого, думай об этом,
Хочешь радости — тешь себя думой об этом.

А без думы о нем все утехи души
И при мыслях благих не всегда хороши!

Без него даже хвори достойней веселья
И стократное горе достойней веселья.

От него и любая беда будет счастьем
И погибелью путам невзгод и напастям!»

ПРИТЧА

Жил ходжа Ансари,— нет и слов для речений
О едином из тысяч его совершений

Он говаривал: «Сердце того совершенно,
А душа на пути отрешенья блаженна,

В ком, помимо всевышнего, нет ничего,
Кроме дум о нем, лишнего нет ничего.

Будет сердце таким — называй его сердцем,
А не будет — нет веры подобным зловерцам!

Настоящее сердце — для бога жилище,
А без бога и сад — не красней пепелища!

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О муж благодатный!
Мне любовь к нему издавна сделалась внятной.

Если я единения с ним удостоюсь,
Что ж просить мне, в блаженстве таком успокоясь?

Что просить мне, хотел бы узнать я заране,
Если мне единенья откроются грани?»

ОТВЕТ

«Твои мысли,— промолвил Удод,— только смута,
И в долине премудростей нет им приюта.

Если высшая цель тебе стала присущей,
Нет иного на свете,— лишь бог вездесущий.

Если ты благодати в желанном достиг,
Значит, ты и объятий с желанным достиг.

А не с ним ты — нет сердцу желанья иного,
Нет в душе от него отрешенного зова!

А обрел ты его, претерпев разлученье,
Разве выше его может быть устремленье?

Если он для души и для тела — предел,
Страсть к нему в нем самом и имела предел.

А найдешь его — сердце отторгни от скверны,
Все свое созидай на любви к нему верной!»

ПРИТЧА

Бу Саид был пловцом в глубях рек единенья,
Разум немощен выразить им восхищенье.

От народа прозванье «сапожник» приял он,
Днем и ночью желанному тайны вверял он.

Как-то в Мекке толпа богомольцев, молясь,
Благодати просить у творца принялась.

Были все там к божественным свитам причастны,
Все, как есть, к божьим тайнам сокрытым причастны.

И они, преклонивши колени, молились,
О посланьи божественной сени молились.

И к обители господа пали челом,
И друзьями просились войти в его дом.

Лишь тот муж, кладезь тайн сокровенного клада,
Тот цветник, где цветет единенья услада,—

Только он средь молящихся был молчаливым,
Словно пьян отрешеньем, без сил,— молчаливым.

И упал на молящихся вдруг его взгляд,
И промолвил он слово, порывом объят:

«Боже! Все, чего нету для них и желанней,
Я постиг и не ведаю мук и страданий.

Ты взыскуем сим людом, со мною ты — рядом,
На соблазны смотрю я невидящим взглядом.

Быть с тобою всегда — вот моя благодать,
Обретенное было бы глупо искать!

В единенье с тобою нашел я отраду,
Сих просящих желанье сверши им в награду!»

ВОПРОС

И еще был вопрос: «О постигший науки!
Если путь сей, предавший сердца наши муке,

Приведет нас на пиршество в шахском чертоге,
Нужно нам о подарке подумать в дороге.

Как почтить шаха даром достойным,— скажи,
Отыскать где подарок такой нам,— скажи!»

ОТВЕТ

«Твой вопрос,— был ответ от Удода,— прекрасен,
Дар такой лишь для шахского рода прекрасен,

Если сыщешь вовек небывалое диво,
Что рубины и жемчуг! То — малое диво!

В шахских залежах — слитков не счесть и монет,
Ну а перлам жемчужин и счета в них нет!

Там и ангелы никнут в смиренье покорно,
Там и праведным благость добра животворна.

От подвижников там поклонения много
И бесценных сокровищ смирения много.

От пророков — радения там без числа,
От святых — поклонения там без числа.

Всех величий добра, сколь ни будут благими,
Там премного, и всё там — во прахе пред ними.

Редкий дар там — одни лишь печали страданий,
Даже след там отыщешь едва ли страданий.

Там — обитель добра, отрешенья чертог,
Тот предел — как сто тысяч престолов высок.

Славы, неги, добра там всегда изобилье,
Только немощи нет там и нету бессилья.

Ты туда свое горе всецело пожертвуй,
Боль души и страдания тела пожертвуй.

В том чертоге от века даров этих нет,
И не требуй от шаха страданий и бед.

Дай приют у него своим бренным недугам,
Если хочешь припасть к нему преданным другом!»

ПРИТЧА

Жил властительный шах, повелитель всем шахам,
Над людьми он был тенью, простертой аллахом.

Вся в жемчужинах звезд, словно солнце — корона,
Над страной его солнце — с восхода до склона.

Сын его был такой красотой наделен,
Что подобной красы не видал небосклон.

В горных высях красы равен звездам слепящим,
Он в шкатулке чудес был рубином блестящим.

В благолепье ночей светом блещущим полон,
В цветнике красоты кипарисом расцвел он.

Шах под кровом дворца его тайно берег,
Чтоб огонь красоты его вечность не сжег,

Мир от бедствий избавить надеждою тешим,
Не пускал его в город ни конным, ни пешим,

И затворник, в садах охраняемый тыном,
Лишь в своем цветнике красовался павлином.

Отрешен от всего шахским нравом он был,
Лишь в садах своих предан забавам он был.

День пришел — шах испил чашу благостной доли,
И наследник его заблистал на престоле.

И державная хутба ему была пета,
И чеканом его выбивалась монета.

Как-то выехал он погулять на коне,
Сердце радостью полня, скакал по стране.

Он на площадь губительной смутой ворвался,
Волей неба погибелью лютой ворвался.

И в чавган на скаку в диком гаме играл он,
Головами людей как мячами играл он.

И куда он ни гнал своего скакуна,
Там толпа горожан была смутой полна.

Люд, увидев его, одержимый любовью,
Как в силках, был и страстью губим и любовью.

И, нагрянув на подданых бедствием пущим,
Вихрем мчался он в сад свой к пылающим кущам.

Горожане «О боже, внемли нам!» кричат,
От любви к нему криком единым кричат,

Все за ним, по следам его, скопом ходили,
И к дворцу и к садам его скопом ходили.

Злобный шах, все величье утратив от ражу,
Вниз сбежал и обрушился злобно на стражу:

«Эй, гоните смутьянов-мятежников прочь!
А ослушников тотчас на пытку волочь!

Как ни гнали смутьянов — и сзади и сбоку,—
А усердие стражников не дало проку.

Горожане все стали совсем одержимы,
В посрамленье помешанным всем, одержимы.

Днем и ночью безумцы, терзаясь от мук,
Возле шахского сада толпились вокруг.

Шейх и отрок, подвижник и пьяный гуляка
Песнь любви и безумья тянули там всяко.

И когда шах спознался с подобным упорством,
Его сердце, смягчась, перестало быть черствым.

Видит — бедствия, смуты — предела им нет,
И руки, что помочь бы сумела им, нет.

И тогда он к тем людям посланье отправил,
И гонца со словами воззванья отправил:

«Все, что в страсти явить мне умели раденье,
Пусть покажут в каком-нибудь деле раденье.

Пусть, мол, каждый — в каком ремесле знаменит —
По уменью какой-нибудь труд совершит.

Как исполнят — пусть все для ответа предстанут,
Предо мной с исполненьем обета предстанут.

По душе мне придется умельца работа,
Словно друг, у меня он достигнет почета.

Будет он и на пиршествах другом моим,
Будет ровней он преданным слугам моим.

Не понравится — тут же сверну ему шею,
И замучить жестокою смертью сумею».

И когда сей приказ отдал шах своенравный,
Охватило влюбленных тоскою отравной.

Но, в надежде на доброе дело, народ
Всяк своих предался исполненью работ.

Днем и ночью в труде, всю усталость посбросил
Каждый знавший премудрость наук и ремесел.

Все чужды посторонним стараниям были,
Только заняты шахским заданием были.

Муж ученый радеет, за свиток засев,
Музыкант сочиняет какой-то напев.

Стих слагает поэт славословящим ладом,
Чтобы шах всемогущий почтил его взглядом.

И писец разгоняет перо по бумаге,
Помышляя о шахских щедротах и благе.

Ювелир изощряется этак и так,
Чтобы сделать для шаха достойный кушак.

Ткач наладил к работе станок неустанный,
Чтобы шаха одеждой облечь златотканной.

Плотник делает трон,чтобы шах благодатный
Возвышался на нем в красоте своей статной.

Лучник крепко работою занят,— а вдруг
Шаху будет по сердцу вот этот мой лук.

Точит стрелы умелец, не зная покоя,
Может, шаху по сердцу придет и такое?

В общем все горожане — великий и малый —
Все трудились в заботе своей небывалой:

«Только б дар мой для шаха не вышел бы худ,
Только б был по душе ему этот мой труд!»

И хотя им и горе и зло приключилось,
Уповаем, что будет им послана милость.

Как-то шах из дворца вышел темною ночью.
«Что народ мой творит? — дай взгляну, мол, воочью.

Шах и два самых преданных друга при нем
В город шли, словно воры, потайным путем.

Дескать, дай-ка пройдем по проулкам-проходам,
Поглядим, что за дело творимо народом.

И куда ни смотрел повелитель могучий,
Его сердце вздымалось тоской неминучей:

«Все ведь редкости эти в казне нашей есть,
Да и с виду получше, и счетом не счесть».

Вдруг он видит — скиталец, больной и несчастный,
Изможден истязаньями страсти всечасной.

Страсть всю душу его до предела сгубила,
Тайной болью разлуки все тело сгубила.

Кровь истерзанной печени, током струясь,
Через очи страдальца лилась и лилась.

Кровью сердце полно или прахом могильным —
Бьется птицей подбитой в страданье бессильном!

Что ни миг так стонал и стенал горемыка,
Что сердца разрывались от этого крика.

Меч любви ему сердце на части рассек
И изгнал из него своенравья порок.

Гнет любви вверг страдальца в такие лишенья,
Что попрал его тело во прах отрешенья.

Отрешенный, во прахе влачился челом он,
Каждый волос его был стократ переломан.

«Каждый,— молвил он,— страсть в свое дело вложил,
Каждый явит в искусности рвенье и пыл.

Утром шахское пиршество будет на славу,
Все искусники милость получат по праву.

Ну а я? Весь мой дар — из рыданий и горя,—
Как мне с ними тягаться, в искусности споря?

Будет милостив шах или гневен и строг,
Если пустят меня на заветный порог,—

Недостоин спознаться я с милостью тою,
Да и шахского гнева я тоже не стою!

Если меч его гнева сразить меня мог бы,
Если саблей своей он мне голову ссек бы,

Не нужна мне иная награда совсем,
Да и счастья другого не надо совсем!

Но ведь даже на казнь не имею я права,—
Как же кары мне ждать, ты подумай-ка здраво!

Я в печали моей — как в смертельной пустыне,—
От того безысходна и скорбь моя ныне!»

Шах, увидев несчастного в горе таком,
И к страдальцу растроганным сердцем влеком,

Снизошел к его сердцу, в страданье печален,—
Так вот солнце вступает под своды развалин.

Он явил ему милость, утешил в заботе,
Выгнал немощный дух из обители плоти.

И, увидев все это, бедняк в тот же миг,
Онемев от смущенья, умолк и поник.

И упал он без чувств, и в беспамятстве жарком
Он пред гостем сложил свою душу подарком.

Нет! Не жить, а вот так умереть — благодатней,
Даже тысяч бессмертий — заметь! — благодатней!

Если жизнь оборвать призывает судьба,
Тот не муж, кто привязан к ней хуже раба!

Страсть ему гибнуть в огненных муках сулила,
Но свеча его духа зажглась, как светило!

Как свеча, он горел, истекая слезами,
А смотри — стало солнцу под стать это пламя.

О Фани, коль к желанному ищешь ты след,
Радуй сердце стенаньями пламенных бед.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О ты, благодатный,
Ты в вожденье достиг высоты благодатной!

Этот путь нам несет беспредельное горе,
Даль его протянулась в бескрайнем просторе.

Как нам эту пустыню несчастий пройти?
Как достигнуть конечной стоянки в пути?

Это странствие будет какое,— поведай,
О суетах пути, о покое поведай.

Расскажи нам подробно — по чину, по ладу,
Поначалу — о бедах, потом — про усладу».

ОТВЕТ

«Спутник мой,— был услышан ответ от Удода,—
Твой вопрос этот — очень нелегкого рода.

Коль спросил ты про путь, если слушать ты станешь
Об усладах и бедах долин и пристанищ,—

Сколько будет долин, как далек этот путь,—
Я про всё расскажу, ты — внимателен будь!

Семь долин перед нами [33] — простором громадным,
В каждом доле предела нет страхам нещадным,

В каждом доле числа нет путям-перевалам,
Разум никнет пред этим числом небывалым.

Семь долин — разветвленье путей и дорог,
С них рассказ я начну, это — странствий исток.

Будет первой долиной — долина Исканий,
Дол заветный, начало взыскуемых граней.

Знай: долина Любви дальше путь перекрыла,
Все сожги в той долине — что есть и что было.

И когда твое тело любовью спалит,
Знай, в долину Познания путь твой открыт.

Вслед за ней простирается дол Безразличья,
Знай — ничтожно пред ним небосвода величье.

Дальше — дол Единенья, и в этом пределе
Ты пребудешь единым в пути твоем к цели:

А оттуда долиной Смятенья пойдешь,
Вся долина исполнена муками сплошь.

После всех тех долин будет дол Отрешенья,
Дальше нет ничего, здесь — пути завершенье.

Сколько праведных духом там ищет удачи,
Только все по-другому бывает, иначе.

Не бывало от века вестей с тех дорог,—
Кто туда ни ходил, возвратиться не мог.

Лишь назвать семь долин — невеликое дело,
Рассказать о них — трудностям нет и предела!»

ДОЛИНА ИСКАНИЙ

Только ступишь в долину Исканий ногою —
Каждый миг сотни тысяч невзгод пред тобою.

Каждый миг сотни грозных примет перед взором,
Лишь вздохнешь — разом тысячи бед перед взором.

В муках ищешь — и сердце объято тоской,
Душу ранит надежды утрата — тоской.

Там всю душу сожги, в жертву отданный бедам,
А обет единенья вовеки неведом!

Там исколото тело шипами несчастий,
А душа там изранена игом напастей.

Там жемчужин заветных ищи — не найдешь,
Да и все, что имеешь, утратишь там сплошь.

Все, чем ищущий связан,— достаток, пожитки,—
Он развеет, четырежды прокляв, до нитки.

Все, что чуждо исканьям, им будет забыто —
И дорога к желанному станет открыта.

И когда разочтется он с благом мирским,
Мир невиданных благ засверкает пред ним.

Клад сокровищ блеснет на твоем пепелище,
Свет в душе твоей вспыхнет и ярче и чище!

И от искр в твоей страсти огонь распалится,
От огня — твоих помыслов конь распалится.

Сотни новых дерзаний изведаешь ты,
И к ногам твоим горные рухнут хребты.

И постигнешь душой ты блаженство исканий,
И не будет с тобою ни мук, ни страданий.

Как познаешь ты сердцем бесценность жемчужин,
С ремеслом их добытчика станешь ты дружен.

Если солнце взойдет, единеньем горя,
Сгинет мрак твой, и ярко заблещет заря.

Даже слон, захмелевший в припадке порухи,
Будет слаб пред тобою — ничтожнее мухи.

Сотни тигров и львов повстречаешь дорогой,
А сочтешь их не больше козявки убогой.

И дракон твое сердце бедой не сразит,
В нем ведь склад заповедных сокровищ сокрыт.

Ты удар нанесешь и неверью и вере,
И раденьем твоим да отверзнутся двери.

Дверь отверзнется — сгибнут и вера и ересь,
Все земное забудешь, покоям тем вверясь.

И неверье и вера благим — не предлог:
На едином пути нет различных дорог!

ПРИТЧА

Был один падишах — повелитель всесветный,
И казна и войска его были несметны.

Сын его красотою был так благороден,
Что ему сам Юсуф для послуг был пригоден.

Солнца блеск был его красотою срамим,
И светило лежало во прахе пред ним.

Кипарис его стану был слабою тенью,
Лунный лик доброте его был к украшенью.

Словно солнце, краса его миром владела,
Как луна, он над небом царил без раздела.

Каждый взор его, мир повергая во прах,
Новый мир созидал — в лучезарных очах.

Души речью рубиновых уст сокрушал он,
Души дивной улыбкой лица воскрешал он.

Целый мир был влюблен в него — страстно, до хвори,
Даже гнев его к поданным был им не в горе.

Иноверцы с него не сводили свой взор.
Правоверные гибли от смут и от ссор.

Конь его, словно молния, несся, бывало,—
Целый мир этим пламенем вмиг опаляло.

И безумство владело людскою оравой,
И томил он людей красотою лукавой.

Краем глаза лишь взглянет — красы его меч
Миллионам велит тут же кровью истечь.

Все ему нипочем: все на свете полягут,
А ему — лишь забава — ни горя, ни тягот.

Где бывал он — там ветер не ведал дороги:
Прочь он мчался от страха в смятенной тревоге.

Даже в сад его ветер не смел залететь,—
В каждой высохшей ветви ждала его плеть.

Ехал он как-то раз на коне своем скором
По заглохшим, совсем опустевшим просторам.

Глядь — сто тысяч безумцев рыдают в пустыне,
Одержимы любовью, в тоске и кручине.

На него и не смеют несчастные зреть,
Знают все: это дело напрасное — зреть!

Кто с ним встречи захочет — плохой ли, хороший,—
Эта цель будет им непосильною ношей.

Но сиятельный отрок, привыкший к гордыне,
Вдруг взглянул на людей, что томились в пустыне.

Взор его вдруг заметил двоих бедняков,
Оплетенных любовью, как цепью оков.

«Эй, ступайте,— велел он хранителям в свите,—
И обоих безумцев ко мне приведите».

Только тронул коня, молвил властное слово —
Привели бедняков — одного и другого.

Одного он в острог под ярем посадил,
А другого на псарню псарем посадил.

Был один весь в цепях в заточенье суровом,
А другой тосковал по цепям и оковам.

Были оба в беде, мучась медленным сроком,
И терпели лишенья в несчастье глубоком.

Как-то раз сострадатель им задал вопрос,—
Как, мол, каждый из вас свое бедствие снес?

Псарь промолвил: «Печаль и беда — что такое?
Всем доволен я. Скорбь и страда — что такое?

Сердце полнит любовь, и в смиреньи убогом
Я готов быть и псом перед милым порогом.

Я собакам слугой-покровителем стал,
Но над ними же я и властителем стал».

А второй отвечал: «Страсть мне сердце сломила,
Пусть пристанищем мне будет даже могила,

Пусть сейчас я закован, как раб, в заточенье,—
Я всем сердцем надеюсь достичь единенья».

Слышал шах луноликий всю суть этих слов,
Незаметно запрятавшись в тайный укров.

Эти люди в исканиях верными были,
Потому и в любви столь примерными были.

Рад был шах солнцеликий речам тем немало.
Их словам его сердце блаженно внимало.

Оценил он их верность в их трудной судьбе,
И явил он им милость, приблизив к себе.

Их исканьями правила верность всесильно,
И была их награда плодами обильна!

ДОЛИНА ЛЮБВИ

Чуть минуешь долину Исканий, и сразу
Дол Любви тебя примет, открывшийся глазу.

Знай: любовь — это светоч над миром, нетленный!
Нет, не светоч, а пламень над всею вселенной!

Дан в любви не любому, кто любит, огонь,
Лишь одну саламандру не губит огонь!

Бескорыстным в любви, каландаром быть надо,
Саламандрой, охваченной жаром, быть надо.

Одержимым любовью даровано пламя,
Им дано над свечою порхать мотыльками.

А красавицам мудрый обет незнаком:
Недоступно для бабочки быть мотыльком.

Пестрым бабочкам любо средь роз красоваться,
Пред детьми красотою своей похваляться.

Любо ль им, как дервишам, в одежде посконной
Мотыльками лететь на светильник зажженный!

Пусть у бабочек ярко одежд их пятно,
Мотыльками гореть им в огне не дано!

Соловьем может зваться не каждая птица,
Не любая от страсти в золу превратится!

Кто в любви не горит, значит, он — не влюбленный,
Тот не любит, в ком нету души опаленной.

Для влюбленного радость — в любви себя сжечь,
Но любви не обучит и мудрая речь.

Жаркий пламень любви сожигает жилища,—
Ведь дракон лишь дохнет и — кругом пепелища!

Сердце любящих тьмою стенаний томимо,—
Где молельня огня, что там есть, кроме дыма!

Пламя молний любви все сжигает кругом,
Низвергая с небес опаляющий гром.

Непорочных любовь жгучим жаром сжигает,
Словно молния стог в блеске яром сжигает.

Души любящих страстью горят неподдельной—
Страсть их сделала пламенной огнемолельней.

Если кто-нибудь в огнемолельню попал,
Как ему не сгореть среди огненных жал?

В пламя страсти попал — не дано не спалиться,—
Что в огонь попадет, то в огонь превратится!

Лишь подступишь к любви — и сгоришь в той округе,—
Пламя жжет и стоящего в огненном круге!

Для скитальца любовь — не игра, не обман,
Это — пламя вздувающий в нем ураган.

И в любви пламенеть нужно снова и снова,—
Кто в огне — тот горит, нет исхода иного.

Если с высей любви пламень молнии грянет,
Душу огненным валом захлестывать станет,—

Пламя молнии дом и все бренное жжет,
Да и только ли их — всю вселенную жжет!

Умереть — для влюбленных обычное дело,
Ради друга погибнуть — привычное дело!

ПРИТЧА

Асмаи брел паломником к божьей угоде
И увидел кусты на одном переходе.

Там в кустах, между порослью роз молодою,
Был источник, журчавший живою водою,—

Словно душу влюбленный в ту рощу принес,
И родник переполнился струями слез.

Асмаи у воды сел в том благостном доле,
Чтобы сердце отмыть от печали и боли.

Отдохнув у источника, в благости светел,
Он поодаль приставленный камень заметил.

Там написано было: «Хиджазец, ответь,—
Как заветною тайной надежно владеть?

Кто в любви сокрушен, что ему нужно делать?
Если немощен он, что ему нужно делать?»

Асмаи тут же вынул перо и чернила,
И рука его быстро ответ настрочила:

«Кто в сей бездне взыскует чистейший исток,
Да не явит он миру бесстыдства порок!»

Написавши на камне те речи, пошел он,
Со стоянки своей в путь далече пошел он.

А назавтра, бредя той же самой тропою,
Он опять тот же камень узрел пред собою.

Видит — к надписи, сделанной им лишь вчера,
Вновь приписан вопрос тем же бегом пера:

«Если этот влюбленный, бедою убитый,
Непорочен, но страсть свою держит сокрытой,

Если страсть и любовь пламенеют в нем силой,
Если в страсти своей он терпением хилый,

Но жива в нем мечта единенья,— как быть?
Коль не сыщет себе избавленья,— как быть?»

Асмаи удивлен был столь гибельной речью
И перо свое вмиг навострил к красноречью.

Он писал: «О горящий любовным обетом!
Я тебе уж давал наставленья об этом.

Если слушать совет тебе страсть не дает,
В жаре страсти умри, вот и делу исход!»

Злой ответ написав, бессердечный советчик
Прочь решил поспешить от злокозненных речек.

Целый день он скитался далеко оттуда,
А наутро пригнал туда снова верблюда,—

Дай, мол, я от страдальца ответ посмотрю,
Написал мне несчастный иль нет,— посмотрю!

Видит — близ родника распростерся несчастный,
Бездыханный от пыток любви своей страстной.

Недвижим, он распластан, и немощен телом,
И следа нет румянца в лице помертвелом.

Разрывается сердце от вида его,
Знать, сгубили и страсть и обида его!

Видно, так о тот камень ударился лбом он,
Что и лоб был разбит, да и камень проломан!

Вся вода в роднике перемешана с кровью,
Рухнул ниц он к воде — к своему изголовью.

Вот какой был написан страдальцу наказ:
Лишь прочел он слова — и погиб в тот же час!

Он сберег свою душу от тягот разлуки
И от страсти простерся в погибельной муке.

Как узрел Асмаи тяжкий рок сей юдоли,
Сто шипов в его сердце вонзилось от боли.

И одежды порвал он, и сбросил чалму,
Горевал по жестокому злу своему.

Не случалось с ним более тяжкого горя,
Горько-горько рыдал он, стенаньями вторя.

И печаль ему сердце на части разбила,
И его погребла под землею могила.

Словно в битве за веру, сразил его рок
И в кровавый халат будто в саван облек.

О Фани, вот таков путь любви отрешенный,—
Если жить невтерпеж, то умри примиренный.

Эту смерть, что ниспослана промыслом бога,
Оплатить и мильонами жизней — не много!

ДОЛИНА ПОЗНАНИЯ

Знай: затем ты вступаешь в долину Познанья,
Погляди, сколь бескрайни ее расстоянья!

Кто желал испытать той долины обычай,
Повидал там немало чудес и отличий.

Сто мильонов в том доле различных дорог,—
Им от века неведом единый исток.

Там повсюду в великом и малом — различье,
Там и высям дано и провалам различье.

Сто мильонов там путников в доле убогой
По пустыням бредут всяк своею дорогой.

Каждый путник своею дорогою горд,
Каждый странник в пути облюбованном тверд.

Одному любо то, а иным любо это,—
Всем другим безразлична чужая примета.

Дан и мухе там путь и слоновьей породе,
Джебраил вместе с мухой парят в небосводе.

Там бредет и Муса, и бредет Фараон,
Хоть несхожими были они испокон.

Там Махди и Даджалу стезя уравнится,
Хоть Мессии с ослом и нельзя уравниться!

В той долине Бу Джахл бродит вместе с Ахмадом —
Мрак кромешный с невиданным светочем рядом!

Быть порочному с добрым — закон той страны,
Правоверный и праведный с подлым равны!

Нечестивцы чтут идолов — всех понемногу,
Мусульмане верны там единому богу,

Нечестивцы своим властелином клянутся,
Правоверные — богом единым клянутся.

Этот дол не бывает различий лишен,
И различия эти в том доле — закон!

Так от века назначил пророк, нас ведущий:
Если люди идут к свету истины сущей,

И захочешь узнать, скольким быть там дорогам,
Знай: по людям число это — в равенстве строгом.

Как осадок и жидкость различны на цвет,
Так и в людях во всем совпадения нет.

Здесь властительный шах и бродяга убогий —
Каждый путь совершает своею дорогой.

Коль нутро человечье — вместилище розни,
Справедливостью в нем одолеть нужно козни.

Потому и удел разный путникам дан:
Этим — благость михраба, другим — истукан.

И явило свой разум любое созданье,—
Много разных отличий послало познанье.

Всяк на собственный лад к совершенству стремится,
Все хотят через эту долину пробиться.

И хотя в их дорогах различия есть,
Цель одна у любого обычая есть.

Но — пряма ли, извилиста эта дорога,
Далеко ли идти по ней или немного,—

Кто погиб на ней, кто запропал на дороге,
Кто меж путаных троп заплутал на дороге,

Нет таких, кто бы всех не прошел там дорог,
Нет таких, кто до цели дойти бы не смог!

Если солнце познанья — в небесном пределе,
Каждый, кто обратится к взыскуемой цели,

Путь свой прямо направить к удачам желает,
Свое золото сделать ходячим желает.

Если блещет сияньем сверкающий свет,
Для любого откроется благостный след!

Все, кто муки терпел, получали награду:
На стезе их случалось встречаться и кладу.

На стезе постиженья любое бывало,—
Много горя лихого, а доброго мало!

В чьих поступках всегда непорочность строга,
Тот законам пророка надежный слуга.

ПРИТЧА

Вот, послушай-ка эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приготовясь,

Раз попали слепцы и брели средь раздолий,—
То ль гостями, то ль связаны пленной неволей.

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров, и жилье, и приют.

Кто-то раз их задумал спросить не в обиду,—
Мол, слона вы видали, каков он по виду?

А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать, не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул рукой,
И от этого только и знали — какой.

Ноги трогавший вымолвил: «Будто бы бревна».
Брюхо гладивший молвил: «Гора, безусловно!»

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
«Узнаю я породу драконов»,— воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
«У него лишь две кости, они и торчат!»

А потрогавший хвост — что, мол, это за штука? —
Крикнул: «Это змея, не иначе — гадюка!»

И поведал другой — тот, что голову щупал:
«Вроде как бы скала, а вершина, что купол!»

Ну а тот, что к ушам прикоснулся, сказал:
«Нету здесь ничего, кроме двух опахал!»

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много
И различий в сужденьях о внешности — много.

А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток,

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все рассказы прослушав, совсем не мешал им.

«Что ж,— промолвил он,— каждый ведь прав в своем
роде,
Все сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили,— кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разуменью,
А увидеть слона — недоступно их зренью.

А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!»

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

ДОЛИНА БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Дальше — степь Безразличия ляжет долиной,
У высоких и низких там жребий — единый.

Каждый миг ураган безразличия лютый
Заметает просторы столикою смутой.

А из туч безразличия ливень падет —
Сто мильонов миров гибнут в глуби тех вод.

Семь морей там и капле единой покорны,
Семь небес — словно мака иссохшие зерна.

Семь кругов преисподней там — вроде искринки,
Восемь райских садов там подобны росинке.

Стадо львов там в добычу дано муравьям,
Даже мухе слоны покоряются там.

Шах могучий, семи государств повелитель,
Там по чести не больше, чем нищий проситель.

Там в ста тысячах орд каждый воин с кинжалом,
Как ворсинка, предстанет ничтожным и малым.

И дракон, небеса опаляющий, там
Не страшнее, чем нить в вышиваньях Марьям.

Сонмы ангелов гибли там гибелью злостной,
Но пред ними Адам воссиял венценосный.

Дух ста тысяч созданий был гибелью кроем,
Но, как кормчим, он к жизни был вызволен Ноем.

Сотни тысяч Намрудов там гибли от мух,
Но Халилов огонь там расцвел и не тух!

Крови тысяч младенцев, безвинно пролитой,
Моисей-венценосец стал верной защитой.

Правоверных зуннаром неверье губило,
Но дыханье Мессии им жизнь возвратило.

Старый, злобный сей мир в реках крови истек,
Но явился Мухаммед в предвечный чертог.

Быль и небыль здесь между собою сравнялись,
Правоверный с неверным судьбою сравнялись.

Сотни лет лил Заххак кровь людей невиновных,
Но Мессия влил жизнь в сонмы трупов бескровных.

Бахтуннаср совершал здесь деяния зла,
Доброта — Нуширвану любезна была.

Но обоим дано здесь единою мерой,—
Вникни в суть отреченья и в смысл его веруй!

Здесь и сто тысяч солнц смерть навеки остудит,
А в просторах небес лишь частица убудет!

А впитаются в землю сто тысяч морей,—
Это — капля, о друг,— вот ты что разумей!

А сто тысяч красавиц сгорят до предела,—
Знай, то жалкое крылышко мухи сгорело!

Рухнут девять небес в вихре рева и гула,—
Это только былинку дыханьем взметнуло!

Сотни гор, равных Кафу, исчезнут с земли,—
Это ветры песчинку одну лишь смели!

Райский сад, что погибели предан мертвящей,
Здесь всего только листик, оброненный чащей!

Там равны правоверный и грешник негожий,
А притон нечестивцев — с обителью божьей.

Там Кааба и капище — ровня-родня,—
Стройный град и пожарище злого огня!

Там не больше младенца слон тысячелетний,
Небосвод там — крупинки зерна незаметней.

Там неверье и вера равны меж собою,
Там взыскующий встретится с трудной судьбою!

ПРИТЧА

Два любителя шахмат, умением редки,
Положив меж собой черно-белые клетки,

Сели чинно напротив, занявшись игрою
И фигуры расставив по крупному строю.[34]

С двух сторон падишахи явились стоять,
И у каждого войско — как шахская рать.

И при каждом — везир, что идет полосою,
А еще — по ферзю, что с походкой косою.

Был один из двоих — румской рати властитель,
А противник его — черных войск повелитель.

Рать и шахов поставили два игрока
И построили чинным порядком войска.

Игроки в бой пустили коней своих рьяно,
И, как бой, завязалась игра у них рьяно.

Строй содеяли, крепость с оградой и тылом,
Чтобы было где спрятаться сломленным силам.

А в строю боевом — и жирафы, и слон,
И медведи, и башни — напор и заслон.

Впереди — войско пешее сомкнутым рядом,
Изготовлено к натискам или осадам.

И соперники бой повели по законам,
Много игр разыграли они кон за коном.

Лишь один в наступленье войска поведет,
Как другой замышляет коварный обход.

И чудес в том сражении было в достатке,
Без числа там являлись задачи-загадки.

Храбрецы-предводители бились немало,
То отвагой, то хитростью силясь немало.

Долго длилась та битва, трудна и тяжка,—
Оба шаха водили в сраженье войска.

Много времени битва кипела — поболе,
Чем сраженье двух шахов на воинском поле.

В грозных битвах сходились там рати-отряды,
Бой открытый сменялся борьбой из засады.

Крылья войска и справа и слева дрались,
И ударным отрядам случалось сойтись.

С каждым ратником сын — и защитой и стражей,
Чтобы первым принять на себя натиск вражий.

И, пройдя до конца поле брани военной,
Он отцу своему становился заменой.

А один пехотинец пошел там в обход,
Дескать, будет помощником мне небосвод —
Дай-ка я стороной вражий клин одолею
И все войско врага я один одолею!

И вот эту-то брань да такого размаха,
Где сражалися два неприятеля-шаха,

Где у каждого — стомиллионная рать,
Где шел бой, что красивей его не сыскать,

Где в делах и порядок и лад небывалый,
Где войска — красоты да и силы немалой,

Где так много враги приложили стараний
Для устройства засад, нападений и браней,—

Эту битву — один ее край иль другой,
Рано ль, поздно — а с поля сметают рукой!

Поглядишь — и ни строя, ни клина не стало,
Ничего — ни порядка, ни чина не стало!

Сколько было свершений и дел знаменитых,
Сколько битв прогремело — в боях и защитах,—
Все пропало, что делали два мудреца,—
Все их мысли, чьей мудрости нет и конца,

И от них не осталось ни слуха, ни духа!
Так больная столетним недугом старуха

Хлам в тряпицу завяжет, невиданный сроду,
И не знаешь — в огонь ли кидать или в воду!

Вот и здесь приключился такой поворот,
Что и мудрый умелец не сразу поймет.

Всех в мешок побросали с единого маха,
Так что пешки легли там поверх падишаха!

Это тоже — основ безразличья примета,
Даже самый надежный пример для ответа.

Вникни в это вот дело и вдумчивым будь,
Сотни тысяч таких — безразличия суть.

Если ж понял ты смысл, утвердясь в этой вере,
Все дела по такому образчику меряй!

ДОЛИНА ЕДИНЕНИЯ

Дальше — дол Единения,— ведай об этом,
Суть его — отречение,— ведай об этом.

Как пройдешь до предела ты этой долиной,
Ты пребудешь один вместе с сутью единой.

Как минует и эта долина сполна,
Там сто тысяч несчитанных птиц — как одна.

Цель желаний для всех — единение будет,
И об этом и песнь их и пение будет.

А придет их влечение к этим началам,
И пребудет в единстве великое с малым.

Там в едином единому нет и числа,—
Вся премудрость бы этому внять не смогла.

А когда утвердишься ты в этом устое,
Все, что чуждо единому, будет пустое.

Будь един, говори, помышляй — о едином,—
Не стремись пробавляться там двойственным чином!

Там двоякая суть — уклоненье с пути,
И тайник единения с ней — не найти!

ПРИТЧА

Шейх Мансур, хоть и праведен был в единенье,
«Я есмь истина божья»,— любил он реченье.

Люди веры ему наставленья давали,
Дескать, богу такое угодно едва ли.

Многим праведным стало известно о том,
И они втолковать ему тщились добром,

Мол, от сих притязаний ты делом избавься,
И от висельной петли ты тѐлом избавься.

Но оплел его хмель в одеянье такое,
Что от этой припевки не знал он покоя.

И однажды он диво узрел сквозь дрему,
И всечасно видение было ему,

Будто божий посланник предстал перед взором
И Бурака погнал к поднебесным просторам.

И от перлов единства корона сияла,
И пред ним единения лоно сияло.

Он в двух луках пред горним порогом предстал,[35]
Перед вечно единым — пред богом предстал.

И от господа он удостоен был зовом:
«Что ты хочешь, достойный, ответствуй мне словом».

Милосердья у бога, прощенья просил он,
И заблудшим простить прегрешенья просил он:

«Ты в щедротах всесилен, ты — милостей знак,
Твоя милость бескрайна, твой промысел благ.

Обратить к тебе этот мой зов дерзновенный
Сам ты мне повелел в доброте несравненной.

Если вины заблудших простить пред тобою
Повелитель арабов взывает с мольбою,

Всех, от века прошедших неправедный путь,
Пощади и к заблудшим всемилостив будь!

Снизойди к их грехам-прегрешеньям, помилуй,
И провинности их всепрощеньем помилуй!»

«Почему же сей кладезь добра и обета
Говорил пред создателем только про это?» —

Этой мыслью пронзилась его голова,
Миг за мигом твердил он лишь эти слова.

Этим помыслом сломлен совсем, он томился,
И от немощи жалок и нем, он томился.

Вдруг посланник господень предстал его взорам
И развеял сомненья таким разговором:

«К-эй, в приюте гордыни ты крепко засел,
«Я есмь истина» — всех твоих знаний предел.

Невдомек тебе, видно, что горним высотам,
Где я побыл в тот час, вознесенный полетом,

Чуждо «я», и понятья такого там нету,
Даже в речи подобного слова там нету!

Ниспославший был он, указующий — он,
И взыскующий — он, и дарующий — он!

•

Неразумностью ты столь пустой прегрешаешь,
И в таких-то делах слепотой прегрешаешь!

Ты в долине Единства, где дол Единенья,
Где цветник небывалый расцвел единенья,—

«Я» и «ты» помышляешь в различии зреть,
Этих сутей вовек там не знали,— заметь.

Там рекущий — лишь он, он — являющий блага,
Он — дающий и он же сбирающий блага!

Даже признака «я» нет в том светлом приюте,
И не ведает речь его двойственной сути.

«Я» и «ты» тщиться там средь различий найти
И двоякий напев среди кличей найти —

Преисполнены зла и вреда эти мысли,
Изыми из души навсегда эти мысли!»

ДОЛИНА СМЯТЕНИЯ

Одолеешь долину Единства — и скоро
Дол Смятения станет открытым для взора.

Сонм идущих мечи там минуют, не тронув,—
Но — сто тысяч несчастий там, тысячи стонов.

Речь и слово немеют в смятении там,
Мысль и разум безгласны не менее там.

Ночь и день там едины; их видишь воочью,
А не знаешь различий меж светом и ночью.

Быль и небыль неведомы там разуменью,
И грядущее там недоступно прозренью.

Сколько там ни смотри — взор смятеньем объят,
И в смятении — вечным смущеньем объят.

Если ступит туда муж разумного склада —
И ему недоступна в смятенье пощада.

Все, что познано средь единения было
И в долине Единства в прозрении было,—

Здесь всему истребленье и гибель грозят,
Да и сам познающий не знает пощад.

Если спросят: «Ты сущ или в вечном покое?» —
Ни один и никто — ни единый, ни двое,—

Не сумеют и слова найти для ответа,—
Им неведома были и небыли мета.

Где средина, где край, где наружный предел,
Где конца и начала и грань, и раздел,—

Там никто не узнает подобных различий,—
Вихрь смятения рушит привычный обычай.

Там меж тленным и вечным нет разницы вовсе,
Там хмельной и поящий не разнятся вовсе.

Жив ли, мертв он — там знать никому не дано,
Знать свое естество там уму не дано.

Каждый там без предела смятение видит
И себя то и дело в смятении видит.

Там любой говорит: «Страсть любви мне невнятна,
И к кому быть той страсти — уму непонятно».

Там увидишь круженье пылинок на свет —
И смятеньем объят — есть они иль их нет.

Тот предел от примет не отделишь чудесных,
Бесконечны там тысячи зрелищ чудесных.

ПРИТЧА

Жил властитель — владыка всесветной округи,
Сто владык его трон окружали как слуги.

Власть его простиралась от грани до грани,
И от грани до грани страна — в его длани.

Жемчуг ценный таил он — прекрасную дочь,—
От красы ее гуриям было невмочь.

В цветнике красоты она — тополь прелестный,
Да не тополь, а сам кипарис расчудесный!

В почивальне души она — светоч горящий,
Да не светоч, светило в короне слепящей!

А глаза ее — словно бы око беды,—
Взор веков не видал столь жестокой беды.

Благовонные кудри и родинки — смута,
Да такая, что губит жестоко и люто!

А дыханье и губы, что ярче рубина,—
Словно солнце с Мессией слились воедино.

Все владыки стремились к свиданию с ней,
Даже шахи, которых не сыщешь сильней.

Но не выпало счастье познать им ту милость,
Чтобы сердце свиданием с ней взвеселилось.

Ей не мнилось связать себя дружбой-союзом,
С двух сторон путь закрыт был стремлению к узам.

Если дан от времен одинокий удел,
Кто же друга себе отыскать бы сумел?

Дни текли, и томиться ей втуне пришлося,
Подступиться к торгам никому не пришлося.

Как-то в ночь ей красавец явился в виденье,
Да такой, что не стало ни сил, ни терпенья.

Стать его — словно дух воплощенный чиста,
Словно солнце в зените — его красота.

Прочерк муксусным пухом на ярких ланитах,
Словно точки в письме — зерна родинок слитых.

Кипарису подобен он трепетным станом,
А краса его впору лишь розам румяным.

С тем светилом сама она — дева-луна —
Возлегает на ложе, истомой полна.

Каждый миг опьяняет их счастье свиданья,
И друг друга томят они страстью свиданья.

И от сна розоликая очи открыла,
И исчезли из сердца и твердость и сила.

И росла миг за мигом любовь в ней с тех пор,
И грозил ей уже посрамленья позор.

И всечасно она сон тот видеть желала,
Но в очах ее сна будто вовсе не стало.

Ни на миг она в сердце не знала покоя,
И ни ночью, ни днем ей не стало покоя.

Как-то раз она, в муках всечасного зла,
На дворцовую башню в смятенье взошла.

Ей хотелось окрест посмотреть в утешенье,
Чтобы в сердце ее укрепилось терпенье.

Вдруг узрела она с дымно-огненным стоном
Шахский пир, что властитель давал приближенным.

Видит — юноша там, что в виденьи с ней был,
И вскричала она, и лишилася сил.

В шахской свите был юноша тот несравненный —
Как смутительный день среди века вселенной.

И взглянул он на башню, и гибельным стрелам —
Стрелам страсти душа его стала прицелом.

И сразил его душу тех стрел ураган,
И оставил на теле он борозды ран,

И в державе души его смута вздымалась,
И для жизни угрозою люто вздымалась.

Мощь ушла от него, ум ему стал неведом,
Да и сам он за ними отправился следом.

И, до вечера в горе и муках дожив,
Он лежал обессилен — ни мертв и ни жив.

Полог ночи упал, землю мраком затронув,
И взвились из-за полога тысячи стонов.

До зари его стоны жестоко терзали,
Струи слез, как лавина потока, терзали.

А едва птица утра успела вспорхнуть,
Стал камнями — до ночи — он бить себя в грудь.

Две души поразила истома любовью,
Две страны не спаслись от разгрома любовью.

Дивный юноша, хоть и остался без сил он,
Но неправдой и правдой себя охранил он.

А краса луноликая в горе была,
От любви и в печали и в хвори была.

Видит — сила и воля покинули руки,
И грозят ей позором любовные муки.

И когда без числа приключилось ей бедствий,
Видит — надо подумать о действенном средстве.

Тайна стала не в тайну, и дева рекла:
«Невозможно, чтоб не было средства от зла!»

Две подруги у ней были, в дружбе примерны,
И в печали и в счастье надежны и верны.

Обе в хитростях ловкой ухваткой известны,
В чудодействе веселой повадкой известны.

Так они наловчились в обмане лихом,
Что и муху сосватать могли со слоном.

Ведь не ведает муха, что кажется малой,
Слон не знает своей толщины небывалой.

Были ведомы козни обеим плутовкам,
Как с любовью тягаться в обмане преловком.

Та умела напевы извлечь из-под струн
Эта пела, как ловкий в повадке певун.

Их согласный напев по такому манеру
Мог к себе приманить даже с неба Венеру.

Та могла звуком саза взять душу умело,
Эта — пеньем могла возвратить ее в тело.

Заиграют, бывало, застонут вдвоем —
Тут и муж разуменья простится с умом.

Страсть встомила ту деву с неведомой силой,
И она тех плутовок к себе пригласила.

И сказала она, и рыдая и плача,
Что в любви приключилася ей незадача,—

Как сначала во сне к ней томленье пришло,
А потом наяву помраченье пришло.

Как в томленье по юноше хилою стала,
Как рыданье грозить ей могилою стало.

И сказала она: «Вы дружны и согласны,—
Так не будьте к печали моей безучастны.

Мое горе ведь сплетнею злой может стать,
От огня мое тело золой может стать.

От огня моего мне неволи не будет,
И от смерти самой даже боли не будет,—

Нестерпимо мое посрамленье от сплетен,
Был ведь раньше мой нрав благочестьем приметен.

Скорбь о чести отца меня сводит с ума,
Даже молвить об этом — я речью нема.

Он ведь — шах, по величью — под стать небосводам,
Это будет позором ему и изводом.

Сто подобных мне сгибнет — вовек не заметят,
Ведь былинку в бурлении рек не заметят.

Шаха так осрамить — нету силы во мне,
Я от этого горя страдаю вдвойне!

Знайте: все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите.

Непокорной была я, а стала смиренной,
Я ослабла, а был во мне нрав дерзновенный.

Над моей неудачею сжальтесь, молю,
И рыдаю и плачу я,— сжальтесь, молю».

Как дошли до подруг эти крики и зовы,
Говорят они: «Жизнь положить мы готовы.

Мы найдем тебе средство, чтоб юноша гожий
Стал в любви тебе верной опорой-надежей.

Ни один человек не узнает о том,
Даже сам он вовек не узнает о том.

День-другой потерпи, распростись с суматохой,
Не рыдай ежечасно, не ной и не охай!

Ты сокрыть это дело покоишь стремленье,
Ну и нами владеет такое ж стремленье».

И явилась надежда на счастье, и впредь
Луноликая слово дала потерпеть.

И плутовкам задуматься время настало,
И досталось хлопот и забот им немало.

И они подружились с тем юношей гожим
И узнали, что страстью жестокой он гложим.

Их обман и коварство и льстивая речь,
Как добычу, беднягу сумели завлечь.

Словно мать и сестра, подольститься сумели
И сказали: «Тебе мы поможем в том деле.

И хоть ты о своем не поведал нам горе,
Мы-то знаем, откуда взялись эти хвори.

Пыл любви твое сердце жестоко потряс,
Вся надежда на счастье тебе — лишь от нас».

И несчастный надеждой большою проникся,
И доверьем к тем сводням душою проникся.

Что ни скажут те двое — добром ли, приказом —
Он с готовностью им подчиняется разом.

На обманных торгах караваны легки,—
Завлекли они дивную птицу в силки.

Как сказали: «В наш дом, мол, пойдем,— недалече»,
Вмиг несчастный за ними пошел, не переча.

Шахский пир был там задан — не сделаешь краше,
Пленник страсти отведал вина там из чаши.

Как пошло там питье — за бокалом бокал,
Каждый притчи да выдумки сказывать стал,—

Об огне и о дыме любовных терзаний,.
О вреде и о пользе разлук и свиданий.

Разных тайн и историй, что каждая знала,
Рассказали ему две подруги немало.

В их речах пил тот молодец влагу надежд,—
Безнадежный, вкушал он отвагу надежд.

От вина и от сказок лишившийся воли,
Стал тот юноша страстью томимым все боле.

И уста ему враз немотою сковало,—
Что ни миг, он слабел, поникая устало.

И тогда и для песни настал свой черед,
Что и разум отнимет и разом проймет.

И несчастный совсем помрачился с похмелья,
Будто выпил он разум губящее зелье.

Словно темная ночь, стал несчастный безгласен,
И совсем стал подвластен рассказчицам басен.

И они дали делу лихой оборот,
И мгновенно носилки наладили в ход.

Будто в люльку его положили, и ловко
На бегу им в пути помогала сноровка.

Принесли — той луне в торжество и в блаженство,
Кипарису и розе устроив блаженство.

Все готово к веселью там было сполна,
Сладкоустая дева ждала их одна.

И туда две подруги повадкой умелой
На носилках внесли кипарис сребротелый.

К луноликой на ложе взложили, как надо,—
Словно к солнцу луну привели для пригляда.

И восторг луноликой от радости рос,
Словно лик ее спрыснут был влагою роз.

Бездыханный вздохнул, благовонье вбирая,
И, очнувшись, узрел он подобие рая.

И узрел он ту пери, что с гурией схожа,—
Ту, что жгла его сердце, печалью тревожа.

Он рванулся и сел и, испуган, смотрел,
С сотней тысяч смятений вокруг он смотрел.

Глядь — под ним преогромное шахское ложе
Рядом — шахская дочь, красотою пригожа.

«О творец,— он сказал,— что за редкостный случай,—
Это сон или явь или призрак летучий?»

Но смягчила та дева терзанья ему
И явила всю негу свиданья ему.

«То не сон! Похвалы вознеси, безрассудный,
Пей же влагу из чаши свидания чудной!»

И вкусила та пери вина из бокала,
И его розоцветным вином угощала.

Дева-кравчий, сокрывши смущенье свое,
Много раз подносила безумцу питье.

И вино пало в пламень смущенья водою,
И уж речь без смущенья пошла чередою.

И влюбленный и дева и томно, и страстно
Тут в обитель услад удалились согласно.

И такое единство настало тогда,
Что от двойственной сути не стало следа.

Все восторги, что знает желанье земное,
Обрели друг от друга единые двое.

И закон единенья их дерзостью правил,—
Говорить о том — свыше приличий и правил!

Дева с юношей, страстью объятые, там
В упоенье слилися — устами к устам.

И найти для таких вот лобзаний сравненье —
Это было б пределом всех граней сравненья!

До утра они тешились негой усладной,
И обоим был сладок восторг безоглядный.

Тайны ночи раскрыл блеск рассвета, багров,
И на мускус земной лег камфарный покров.

Пировавших вино в плен отдало весельям,
Им совсем помутило сознанье похмельем.

Тут и эти плутовки проникли за полог,
И неслося их пенье из щелей и щелок.

И набегом разграбили разум сполна,
И споили того молодца допьяна.

И свалился без чувств он, ослабший и хилый,
И рассудок расстался в нем с трезвою силой.

И подруги-плутовки, свершив это дело,
На носилки взвалили безгласное тело.

И домой его тут же снесли поскорей —
Сокрушенного скорбью — в обитель скорбей.

Свежесть утра вернула несчастному разум,
И от пьяного сна пробудился он разом.

И очнулся, подумал, несчастный, припомнил,—
Происшедшее памятью ясной припомнил.

Застонал он, и дым извергал он, скорбя,
И камнями жестоко избил он себя.

Сам себя истерзал он в стыде непритворном,
И весь мир его взору представился черным.

Слезы звездами пали в потемках стенаний,
И взметнулася смута от громких стенаний.

Вспоминать о блаженстве свиданья он стал,
Как безумный, рыдать сквозь стенанья он стал.

Он вскричал: «О творец! Как спасенье найду я?
И кому же поведаю эту беду я?

А молчать — разве силы и воли мне хватит?
И таиться — терпенья доколе мне хватит?

Утаить ли беду мою или открыть,
Слово молвить, смолчать ли — не знаю, как быть.

А начну говорить — речь вести мне доколе? —
Не смогу рассказать я и тысячной доли!

Поклянусь затаиться — и слово нарушу:
Не под силу мне будет сдержать мою душу.»

И исторг он в смятенье немало словес,—
Духа в теле не стало, и разум исчез.

Каждый миг ему смерть посылала смятенье,—
Было видевшим это немало смятенья.

Все хотели узнать, в чем сих бедствий основа,
Но в ответ от него — о причине ни слова.

«Все ведь ясно и так, не пытайте меня,
Я сгораю, не надо мне больше огня!

Мук моих никаким не опишешь рассказом,
Их бессилен понять человеческий разум.

О создатель! Со мной ли случилось то счастье?
Мне ли было в блаженство и в милость то счастье?

Ну а если б я волю дал праздным словам,
Кто ж поверит таким несуразным словам?

Вся душа от смятенья сгорела,— как быть мне?
И пылает в развалинах тело,— как быть мне?

В единенье свидания счастьем томимый,
Знал восторг я и радость слиянья с любимой,

А потом — скорбь разлуки, печаль, забытье —
Вот смятенье и трижды смятенье мое!

Нет границ изумленью пред этим, о боже,—
Никому не пошли в наказанье того же!»

ДОЛИНА ОТРЕШЕНИЯ

Как минуешь сей дол,— всех путей завершенье
Ждет тебя лишь в равнине степей Отрешенья.

Там — одно лишь безмолвье над гладью пустою,
Там рассудок и глух и объят немотою.

Как потоп разверзает там море без дна —
Сто мильонов миров в нем потонут сполна.

Там морской ураган море пенит на кручах,
Взмыв мильоны и тысячи волн премогучих.

Миг за мигом там гибнут те волны, и снова
Разом в тысяче красок нахлынут сурово.

А посмотришь — и волны теряют там след,—
Только море вокруг — и иного там нет.

Вечной сути дано там быть морем бескрайным,
И бурление волн взмыто промыслом тайным.

Явь и суть восемнадцати тысяч вселенных —
Все, что познано мыслью мужей просвещенных,—

Все, что только явило свой облик и вид,
Все, чему в мире сущего образ открыт,

Все, что лику земли в ста диковинах суще,
В ста мильонах цветов предиковинных суще,—

Знай: все это — лишь море, источник всех сутей,
Это — сад или степь без путей и распутий.

Там сто тысяч прекрасных тюльпанов и роз
Соловьям и скворцам — пуще смертных угроз.

Лишь помысли, какие там страны и грады,
Океаны и реки, и горные гряды!

Там круженье огня и ветров-ураганов,—
Все, что хочешь, найдешь там, едва только глянув.

Там вращенью небес и скончания нет,
Сонмы ангелов там, сонмы звезд и планет.

Сонмам ангелов там — ни предела, ни счета,
Ни числа, что б границы имело, ни счета!

Там и малой звезде, даже самой ничтожной,
По величью с землею сравниться возможно.

Семь небес, шесть сторон и четыре основы —
Суть вселенной [36] — там редким величьем суровы.

Но превыше всего человек там бывает,—
Изумлен перед ним мыслей бег там бывает.

Ты помысли об этом, и станет понятным:
Человек там — в простом естестве или в знатном,—

И султаны, что мощью великой сильны,
И хаканы, что волей державной знатны,

Мудрецы и радетели веры законной,
И разбросанный люд, и в единстве сплоченный,

И святой, над людьми совершенством известный,
И пророк-провозвестник, главенством известный,—

В море сути господней, как волны равны,
Да и сущи они там не дольше волны!

И у всех там единый удел — преходящий,—
Все там бренны, им вечности нет настоящей.

Море вспенится волнами мигу в причуду —
И кипение судеб являет повсюду.

А смирится бурлящая в волнах вода —
И от бега тех волн не осталось следа!

Если мудрость присуща уму человека,
Он познал, что вовек и навеки от века

Все, что можно помыслить на свете живущим —
Быль и небыль,— лишь так воплощается в сущем.

Все — лишь бог, и сильней не бывало начал,
Все там бренно, бог вечен — начало начал.

Все в явлениях сущее — в воле господней,
Дали, в вечность грядущие,— в воле господней.

Кроме господа, все, что по сути — иное,
Хоть стократ напоить его влагой живою,—

В отрешенности бренно, и нет перемен,—
Даже вечность — и та превращается в тлен.

ПРИТЧА

Шейх Аббас, сын мясницкий в судьбе своей бренной,
Был вершиной времен, высотой — несравненный.

Он в степи отрешения шел год за годом,
Плоть свою изнуряя смертельным изводом.

Как-то был в ханаке он, и присные с ним,—
Были все на местах перед шейхом своим.

В это время какой-то развязный детина
В ханаке оказался, вошедши без чина.

Он вошел — и к минбару походкой лихою,
И сказал: «Эй, народ, что пригрет ханакою!

Хорошенько проникните в смысл моих слов,
Принесите кувшин мне — с водой до краев.

Мне свершить омовенье надумалось что-то,
А потом и очиститься будет охота!»

Шейх достойный, услышав ту речь, молвил свите:
«Что ж, возьмите кувшин и воды принесите!»

И дервиш взял из лучших сосудов один,
И, наполнив водой, тут же подал кувшин.

А невежда посуду разбил дорогую
И сказал: «Принеси поскорее другую!»

И ему тут же дали другую посуду,
И опять он разбил дорогую посуду.

«Хорошо,— шейх промолвил, узрев эту прыть,—
Приносите, пока не устанет он бить!»

И камнями разбил он кувшинов немало,
Драгоценных осколков раскинув немало.

И взмолились тут люди из шейховой свиты:
«Все сосуды тобою уже перебиты!

В ханаке не осталось посуды иной,
Мы не можем тебе принести ни одной!»

«Если нету кувшинов,— ответил он свите,—
То тогда вот что вашему шейху скажите:

Пусть он бороду даст мне свою, да живее,
И от тягот недуга спастись я сумею!»

Шейх, услышавши этот бесстыжий наказ,
Встрепенулся и к спорившим вышел тотчас.

«Молодец! Вот похвальное слово не в шутку!
Впрямь, зачем борода мясникову ублюдку?

Только ветер и треплет ее обалдело,
А теперь она хоть пригодится для дела!

Вот ее для себя запримetил дервиш,
И в нужде она будет полезна, глядишь!»

А у шейха была борода седовласа,
И ее оторвал он да чуть не до мяса.

И под ноги тому греховоднику кинул,
На поживу безумцу-негоднику кинул.

И, узрев отрешенья подобного знак,
Тот, от вздорных речей отступившись, обмяк.

И простерся во прахе у шейховых ног он,
И, ничком пав на землю, совсем изнемог он.

Видя все это, праведный муж отрешенья
Своелюбьем не тешился ни на мгновенье.

Сделать низкого праведным впредь он сумел,
Переделать на золото медь он сумел.

Кто не вышел из пут суеты пестроцветной,
Для того плод подобных деяний — запретный.

О Фани, испроси отрешенья у бога,
В отрешенье тебе будет в вечность дорога!

О ХОДЖЕ БАХАУДДИНЕ НАКШБАНДИ, ГОРЕВШЕМ В ИСТИННОМ ОТРЕШЕНИИ

Был ходжа Накшбанди, муж благой и пригожий,
Шахом истинной веры и благости божьей.

Основав в том пределе престол свой по праву,
В землях небытия он устроил державу.

Он свое естество — светлых истин предел —
В чем угодно на свете провидеть умел.

Прозревал он себя в своем мысленном взоре
В кипарисе и в розе, в колючке и в соре.

Как-то взором он встретился с мертвой собакой,
Жалок был ее вид и без благости всякой.

И когда с той собакой сравнил он себя,
Умилился до слез он, в стенаньях скорбя.

И сказал он: «Звать верным себя я не смею,
Не могу я себя даже сравнивать с нею!

Перед господом ей только верность присуща,
От меня ж ему — мука, тяжка и гнетуща!»

И пока так судил муж благого чела,
По дороге другая собака прошла.

И узрел он, проникнутый мыслью благою,
След, впечатанный в землю собачьей ногою.

«Я ли выше,— сказал он,— иль след сей собачий?»
И себе он сказал: «Ты во правде — незрячий!

Это — знак на пути, где муж верности шел,
Ты ж в постыдном неверье влачишь свой подол!»

И когда завершил он такую беседу,
Пал он, землю лобзая, к собачьему следу.

Так благие свое существо отрицали,
Сделав небылью бывшее сущим вначале.

Чашу благ отрешенья вкушала их суть,
Если пут естества удалось им минуть.

В сути бога им вечность была неизвестна,
В единенье — сиянье чела неизвестно,

Но они на стезю отрешения стали,
Видеть вечность в пути единения стали!

СБОРИЩЕ МОТЫЛЬКОВ ВО ИЗЪЯСНЕНИЕ СУТИ СВЕЧИ

Как-то раз мотыльки захотели собраться,
У свечи для заветнейшей цели собраться.

Крылья их разожгла, словно полымем, смелость:
«Суть желанного света нам знать бы хотелось!

Что узнаем — по чести расскажем о том,
Суть изведаем — вести расскажем о том».

Вот один, крылья выпустив в знак уговора,
Суть свечи разузнать в путь отправился скоро.

Видит — сборище в некоем доме ночное,
И свеча зажжена в том полночном покое.

И пронзительный свет ослепил его взгляд,
И о том он поведал, вернувшись назад.

Он сказал, а друзья и не поняли это,
Ведь невнятна их душам была та примета.

И чем ярче и внятней был звук его зова,
Тем бесцельней внимавшим казалось то слово.

От рассказа его невеликий был прок,
И лететь припустился другой мотылек.

И когда пролетал он с тем светочем рядом,
Он к нему присмотрелся внимательным взглядом.

Все поведал друзьям он, и внять он молил их,
Но понять его речь они были не в силах.

И еще один, выказав рвенье и пыл,
У свечи полетал и над ней покружил.

Не достиг он желаний нимало, нисколько,
Облегченья страданий не стало нисколько.

И другими великая страсть овладела,
И к заветной мечте они ринулись смело.

И порхали вкруг свечки они сгоряча,
И огнем опалила им крылья свеча.

Как их жгло в единенье с желаньем заветным,
Сказ тот был бы нелегким и даже запретным.

Светоч тот описать никому не доступно,
Вникнуть в суть его жара уму недоступно!

Суть вещей человек узнает лишь, когда
Его пепел — и тот пропадет без следа.

Он стремится в огонь и бесстрашно, и смело,
И, сгорая, в огне очищает он тело.

Коль желанная цель ему ведома стала,
Говорить о другом тут уже не пристало.

Он в желанном себя умертвит навсегда,
В отрешенье — с желанным он слит навсегда.

Из него не изыдет ни вздоха, ни слова,
Он познал ведь ту правду, что сути основа.

А к судьбе мотыльков как присмотришься глазом,
Сердцу два откровенья внушаются разом.

Не сгоришь — не познаешь. Вот первая суть.
Если пеплом не станешь — желанье забудь!

Коль в огонь отрешенья не бросишь ты тело,
Если все, чем ты жив, в том огне не сгорело,—

Нет сиянья мечтам и заветным стремленьям,
И вовек не спознаешься ты с единеньем.

А другая суть в том, что горящий огнем,
В море пламени ринувшись, скроется в нем.

Дара речи в нем нету, и слов не найти там,
И ему недоступно судить о сокрытом.

Не спалишься — не будет и суть твоя явна,
А сгоришь — не узнаешь о том и подавно.

О Фани! Речь про суть отрешенья смири,
Единения ждешь — в отрешенье сгори!

Мотыльком покружись над свечою горящей,
Одержимо бросайся на пламень палящий.

Если ж сути твоей и следа не осталось,
Плоти, жил и костей и следа не осталось,

Но при этом цель помыслов внятна уму,
Пусть об этом узнать не дано никому!

СЛОВО ШЕЙХА СУФИЯНА СУРИ
О ПОСТИЖЕНИИ ВЕЧНОСТИ ПОСЛЕ ОТРЕШЕНИЯ

Шейх Сури был подвижникам веры главою,
Был он таинствам господа сутью живою.

Раз он слово держал на стезе наставленья,
И внимавший у пира спросил разъясненья:

«Кто взыскует у бога заветную суть,
К цели помыслов высших каков его путь?»

Тот ответил: «Есть тысячи разных распутий,
И на всех испытанья — начало всех сутей.

Семь морей между тьмою кромешной и светом,
И просторы любого бескрайни при этом.

А когда те моря ты минуешь сполна,
Станет рыба тебе в то мгновенье видна.

Лишь вздохнет она — сразу же в зеве той рыбы
Без остатка два мира погибнуть могли бы.

Кто в морях отреченья застигнут потопом,
Нужно ль путь пролагать к неизведанным тропам?

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ У ПРЕДЕЛА ДОЛИНЫ ОТРЕШЕНИЯ УЗНАЮТ О СТРАНЕ ВЕЧНОСТИ

Тьма на речи завесой легло покрывало,
Шум вопросов умолк, и ответов не стало.

Птицам так было горько от этого слова,
Что и разум не в силах помыслить такого.

И понятно им стало: задача трудна,
Да и птицам едва ли доступна она.

Разуверясь в себе, все безгласными стали,
В безысходной печали несчастными стали.

Та жестокая речь их губила незримо,
И из тел их изверглось кружение дыма.

Как узнали они про такие дела,
В тот же миг большинству их погибель пришла.

И от скорби нашли отрешенье иные,
И в смятенье пустились в полет остальные.

И, годами не зная покоя, летели,
И не мнилось бежать им от гибельной цели.

Через горы и долы их путь проходил,
Мчались быстро, пока не лишилися сил.

Им в дороге случились такие напасти,
Что мильон языков не расскажет и части.

Если путь твой проляжет в ту сторону света,
И случится воочью увидеть все это,

Ты узнаешь, где путь их тяжелый пролег,
Сколько крови им стоили муки дорог.

Наконец, изнемогшая в немощи стая,
Претерпев все мученья, от язв изнывая,

Долетела до цели, но птиц было мало,
И тела им и души огнем опаляло.

Долог путь был, и много им выпало бед,
Злу страданий и мук в нем скончания нет.

Здесь иные из птиц смерть в дороге познали,
А другим суждено было сгинуть в печали.

Там вихрились несчастьями сотни самумов,
Всем пришельцам нить жизни повырвать задумав.

Раз превратностям рока предела там нет,
Ничего, что осталось бы цело, там нет.

И из ста тысяч сонмов собратьев пернатых,
Поредевших в ста тысячах бед и в утратах,

Только тридцать там сжали усталые крылья,
В их телах жизни нет и следа от бессилья.

И ни перышка целого — ворс их разъят,
Словно в щепки поленья кололи подряд.

Их тела обессилили мука и горе,
Души их истерзали невзгоды и хвори.

И узрели они вид высот благодатных:
Целый мир там простерся широт необъятных.

Разум немощен вникнуть в его естество,
Небосвод — меньше жалких былинок его.

Там из благостных туч ливни хлещут потоком,
Гром и молнии блещут там в небе высоком.

Там потопом весь мир заливают напасти,
Небо в пепел сжигают там молнии страсти.

Семь небес там не больше пригоршни земли,
Райский сад там не больше былинки в пыли.

Птицы биться в великом смятении стали
И от немощи жалки не менее стали.

Видят — если сто солнц там огнем загорится,
С сотой долей пылинки им там не сравниться.

И взроптали тут птицы на горький свой рок,
И огонь им все крылья и перья обжег.

«Нас здесь тридцать, объятых негодной мечтою,
Дали мы совратить себя мыслью пустою.

Мы в пути претерпели лихие напасти,
Каждый миг у смертельного страха во власти.

Жизнь прошла,— где же цель,— вот души нашей крик,
А пред нами простор этой ширн возник.

Здесь исхода нам нету, и нет бытия нам!»
Дым извергся из уст их потоком багряным,

Каждый миг безнадежность свой лик им являла,
И несчастным сердца той бедой сокрушало.

И заблудшая стая в бессилье была
И не ведала средства спастись ото зла.

И лететь у них силы и воли не стало,
И терпенья для мук в этом доле не стало.

Вдруг завеса расторглась, и славы глашатай
Возблистал среди них птицей счастья крылатой. [37]

И узрел он ту стаю в бессилье таком,
Сотней бед оплетенную, словно силком.

И спросить он решил, к ним участье питая,
И сказал: «Кто такие вы — эта вот стая?

Вы в плену и в неволе у тысяч несчастий,
Кроме «нет», что за прок вам от этих напастей?

Бесприютны, в смятенье и страхе вы все,
В вашей доле простерты во прахе вы все.

Свойства, кроме ничтожности, в вас незаметны,
Вы в ничтожности этой для глаз незаметны!»

И сказали они: «Мы — несчастная стая,
Мы унижены, в немощи нашей витая.

Исстрадались в дороге мы, шаха ища,
Сей предел в муках горя и страха ища.

Было много нас — войско-дружина без шаха,—
Разве может быть войско без чина, без шаха?

Наши жизни в пути тяжкий гнет претерпели,
Сотни тысяч различных невзгод претерпели.

Сотни тысяч сбратавшихся стай всех пород —
Пред числом их — ничто человеческий род.

Все погибли, в дороге упав омертвело,
Только тридцать всего нас сюда прилетело.

Был Симург бы нам шахом в величье всевластном,
Нам различие зла и добра было б ясным!

Был бы шахом сей смысл сокровенный храним,
Ну а раб может быть и ничтожным пред ним!»

«О безвестная стая,— воскликнул глашатай,—
В вашей речи бездумия край непочатый.

Знать, и впрямь вы теперь в превеликом смятенье,
Что такая вот мысль вам пришла в разуменье.

Как о шахе осмелились вы помянуть,
Как та мысль проложила в сердца ваши путь?

Вы — ничтожней ничтожества, зряшная стая,
Тешит вас небылица, бездумно пустая!

Кто способен взъяриться в ничтожестве пущем,
Тот себя уже мыслит воистину сущим.

А ведь в вас бытия не бывало ничуть,
Вздор и небыль взмечталось вам выдать за суть!

И сердца ваши тоже исполнены бредней,
И мечты ваши — вымысел самый последний!

Будь и сто тысяч солнц в этом светлом пределе —
И с пылинкой сравниться б они не сумели!

Здесь сто тысяч слонов — каждый грозен и яр —
Будут падалью жалкой, слабы как комар!

Нет вам здесь бытия, но не будет и тлена:
Ваша суть рядом с тленом мелка несравненно.

Прочь летите, простясь с болтовнею убогой,
А молчать невтерпеж — говорите дорогой!»

От речей этих птицы лишились ума,
Их язык ослабел, речь их стала нема.

И воочью они уже смерть примечали,
И пылали в огне безысходной печали.

«Наших бед на пути к этой цели нам жалко,
Мук,— вскричали они,— что стерпели, нам жалко!

Шах высок разуменьем и саном велик,
Что ему до таких вот, как мы, горемык?

Жаль трудов, жаль надежд — не далось их сберечь нам,
Жаль нам помыслов наших о счастии вечном!

Все, что было, печалью лихой обернулось,
И обманом надежд и тоской обернулось.

Есть ли в мире несчастная стая, как мы?
Кто еще обманулся, мечтая, как мы?»

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ, ОТЧАЯВШИСЬ В ОТРЕШЕНИИ, ОБРЕТАЮТ СИЛЫ В НАСТАВЛЕНИИ УДОДА

«Кэй,— сказал им Удод,— бесприютная стая,
Без жилья и без крова беспутная стая!

Не теряйте надежду на шахскую милость,
Среди свойств его щедрость от века водилась.

Если трудно свидание с ним обрести,
Лучше — смерть на взыскующем этом пути.

Раз уж нам это благо ниспослано роком,
И нашли мы приют в этом доле высоком,

Это — счастье великой и благостной чести,—
Пусть в любви к нему здесь мы погибнем все вместе!»

И явили тут птицы смирения знак
И сказали Удоду: «О мудрый вожак!

Мы во всех испытаньях нам выпавшей доли
Подчинялись твоим повеленьям и воле.

Где летел ты — летели и мы за тобою,
Лишь велел ты — мирились мы с долей любою.

В час свиданья пришла к нам разлуки печаль,
Что ни скажешь — готовы в любую мы даль!»

И ответил Удод им: «Не падайте духом,
Не поддайтесь в отчаянье бедам-порухам.

Раз уж мы с этим странствием впредь согласились,
Значит, мы сто несчастий стерпеть согласились.

В наших странствиях шах — всех мечтаний залог,
Смысл и суть наших поисков — шахский чертог.

И теперь мы уже у задуманной цели,—
Знайте: цель ваша здесь, в недалеком пределе.

Для того, в ком любовь — совершенству порукой,
Безразлично равны единенье с разлукой.

Благосклонность кумира мечтанна ему,
Все, что тот пожелает,— желанно ему.

Если вам не найти в единении лада,
Разве мысль о желанном сама — не награда?

Жизнь и душу отдать с этой мыслью — поверьте,—
Значит — вечную жизнь обрести в этой смерти!»

ПРИТЧА

Некто встретил Меджнуна в степи, и при встрече
Тот твердил беспрестанно какие-то речи.

«С кем же ты говоришь?» — молвил путник, горюя.
Тот сказал: «Добрый странник, с Лейли говорю я».

«Далеко ль,— был вопрос,— до нее тебе брести?»
«Эх, невежда,— тот молвил,— в душе она, здесь!

А тому, кто в душе жив в любое мгновенье,
Даже дальность дорог не приносит забвенья!»

Кто в любви совершенством высоким отмечен,
Для него образ избранный в памяти вечен.

Раз уж вы о любви завели эту речь,
То умейте из мук ее радость извлечь!»

О ТОМ, КАК ПТИЦЫ, ПОСТИГНУВ ОТРЕШЕНИЕ, ДОСТИГАЮТ ЕДИНЕНИЯ С ВЕЧНОСТЬЮ

Так вот странники благо изведать сумели
С той поры, как решили отправиться к цели.

Днем и ночью в пути, забывая усталость,
Не страшились невзгод, сколько их ни встречалось.

И они утвердились в желанье своем,
И вожак их, участьем к ослабшим влеком,

Много слов им сказал о величье и силе,
И несчастья пернатую рать не сломили.

А иные поддались сомненьям унылым,
Но Удод, как вожак, правый путь возвестил им.

Не оставил он птиц с их страданьем лихим,
Наставленья и притчи поведал он им.

Души речью его обогрело им снова,
Стало легким тяжелое дело им снова.

Им и верность и преданность дружбу дарили,
С их исканьями два этих свойства дружили.

Если ж стаи гнело униженье невзгод,
Не предаться тоске убеждал их Удод.

Было послано мужество стаям пернатым,
Были мудрость и разум в искусном вожатом.

Во втором отрешенье — во благе примерном
Стал им истинный друг их наставником верным. [38]

То ли ветер садов единенья пахнул,
То ль Мессия священным дыханьем дохнул,—

Распахнулось сокрытых завес покрывало,
И раскрыло все то, что собою скрывало.

Полог света и мрака над ширью земною
Расступился и тут же прошел стороною.

И в саду единения розы услад
Дуновением душ распускались подряд.

Боль ушла из сердец, обездоленных прежде,—
В единенье дано было сбыться надежде.

В каждой розе в саду проявилось зерцало —
Где ни глянь — их сиянье повсюду мерцало.

А еще сколько света и блеска вокруг
И потайно и явно вмещалось в тот луг!

И взглянули как будто бы в зеркало птицы,
И смотрели в мерцанье прозрачной водицы,

И открылась их взорам вся суть постиженья —
Им явилось в зерцале воды отраженье.

Тридцать птиц так лелеяли эту мечту,
Столько мук испытав и познав маяту,—

Что Симург им свой лик явит в благо и в милость,
Чтобы им в отрешении вечность открылась!

А узрели себя — нет пред взором иного!
О аллах, это слово — чудесное слово!

Тридцать птиц на Симурга стремились взглянуть
И в себе увидали симургову суть!

(Слово «си» значит «тридцать» в персидских созвучьях,
Словом «мург» персы птиц называют летучих).

Стала явною тайна, что в знаньях таится,
И жемчужница в жемчуг смогла превратиться.

Это слово, о сердце,— на птичьем наречьи,
На подвластном сокрытым отличьям наречьи.

И хотя в этом слове загадка видна,
И с трудом лишь отгадку находит она,—

Одолеет преграды душевная сила,
Если спесь и гордыню в себе подавила.

Чтобы все одолеть, кроме силы духовной,
В самой сути прозри смысл ее безусловный!

Человеку даны и величье и честь,
Чтоб злонравье в себе благодатью известь!

Если вдруг притеснитель лишится подвластных,
Нет и свойств у него, кроме самых прекрасных!

Если ж он обретет, как сокровище, славу,
И сгубить зло незнанья дано его нраву,—

Как пророку, даровано благо ему,
Быль и небыль открыты душе и уму.

Тот, кто был вознесен к единению разом,
Тайн единого бога достиг его разум.

Блеск лучей единенья даст свет его взгляду,
Меж «тобою» и «мною» разрушит преграду.

Сутью истины море взбурлит иногда,
Но в бурлении волн морю что за беда?

В самой сущности вод — суть морская у моря,
То ли тишь, то ли буря на водном просторе,

А без вод — бытия нету волнам могучим,
Быль и небыль для волн — только в море кипучем.

Если ты это все до предела поймешь,
Если тайну вот этого дела поймешь,

Если будешь дарами отмечен от бога,—
Просветленным рассудком усвоишь ты строго,

Что ты сам есть предел всех желаемых сутей,—
Вне тебя нет иных созидаемых сутей.

Объяснение сути — вся сущность твоя,
Ты — отгадка загадок и мук бытия!

Поразмысли над сутью — своею потребой,
Все, что нужно тебе, от себя и потребуй!

Ты — чудесная птица из благостных кущей,
Непорочная птаха во славе цветущей.

Ну а эта вот стая, к Симургу стремясь,
На пути постижения в муках влеклась

И себя самое в завершенье познала,
И в исканьях своих единенье познала.

И в тебе эта суть пребывает в основе,
А придет ее время — и цель наготове.

Кто проникся до сущности истиной тою,
Речь его навсегда сражена немотою.

Речь — одно, смысл — другое, об этом размысли:
Тот, кто занят словами, не ведает мысли.

Смысл потайный, что стал для меня достижим,
Птичьей речью хотел я поведать другим.

С этой речью обычным словам не сравниться.
Смысл ее непорочный в стыде не таится.

Птичьи речи познавший поймет мое слово,
А еще — сверх понятья — примыслит иного.

И смышленная птица, поняв эту речь,
Все поймет, что из слов ее можно извлечь.

Ведь трудней всех речей вперечет эта повесть,
Языком бессловесных речет эта повесть.

Только пусть кто поймет — не проронит ни слова,—
Как бы с речью его не случилось дурного!

За слова эти каюсь я, боже, вполне,
Если ж что не сказал — ты прибежище мне.

Не в моей голове сих рассказов основа,
Я про тайны Аттара слагал это слово.

Не позволь эту речь заглушить моим бедам,
Присмотрись-ка, за кем направлялся я следом!

В чем оплошен я был, то — ему не в упрек,—
Каждый лист его полон достойнейших строк.

Если в слове грешил я повадкой неспорой,
Речь наставника сделай мне твердой опорой.

Говорил о тебе я ему в подражанье,—
Грех прости мой, приемли мое покаянье!

ПРИТЧА

Жил безумец один, одержимый любовью,
Изнемогший от муки, даримой любовью.

Та, кого он любил, была сущей бедою,
Людям смертные муки несущей бедою.

Краше гурий красой неземною она,
Превзошла даже солнце с луною она.

Всей вселенной краса ее смутой грозила,
Всем пределам погибелью лютой грозила.

И при этой красе, несравнимо прелестной,
Были два ее свойства всем людям известны.

Отличалась суждением здравым она,
Отличалась безжалостным нравом она.

Как-то раз сей безумец, любовью томимый,
Предаваясь мечтам, говорил о любимой.

Лик он с розой сравнил, кипарис — с ее станом,
Дивный облик — с павлином, походку — с фазаном.

Вдруг нежданно пришла эта дева-луна,
Все те речи безумца слыхала она.

Все слыхала она, притаившись украдкой,
А потом к нему вышла открытой повадкой.

И сказала: «Твои незавидны сравненья,
Бесконечно такие мне стыдны сравненья!

Ты вот стан мой сейчас с кипарисом сравнил,—
Разве есть в кипарисе подвижность и пыл?

Ты лицо мое с розой сравнил в своем слове,
Но у роз разве есть чудо-очи и брови?

Ты, мой облик с павлиньим сравнить не преминув
Поразмысли — кто ж разум терял от павлинов?

Ты вот поступь фазана сравнил здесь с моей,—
Где ж бывал от фазанов измор для людей?»

Столько колкостей дева сказала при этом,
Что несчастный поник, затруднившись ответом.

Он сказал: «Оплошал я, горю я во сраме,
Грешный раб, я хвалить тебя тщился словами!»

Гнев взыграл в луноликой в тот миг на беду:
«Да тебя я погибелью злой изведу!»

Пал на землю с мольбою безумец несчастный:
«О затмившая гурий красою прекрасной!

Все слова мои вызваны истой любовью,
Самым искренним чувством и чистой любовью.

В ней ни умысла злого, ни жалобы нет,—
Ничего, что укор выражало бы, нет.

Знать, моя похвала — неуместное слово,
Будь добра, не взыщи за провинность сурово.

Посчитай за невежества знак эти речи,
Посчитай за незнания мрак эти речи.

Посрамленье и стыд горемыку убьют,
А тебе убивать его — бремя и труд!»

И безумец исторг покаяний немало,
И красотка карать его смертью не стала.

ПРИТЧА

Раз ходжа Абдулла Ансари досточтимый
Наставлял на стезе, благом истин хранимой:

«Кто поет и играет на сазе при этом,
И слагает напевы по вольным приметам,

Но в напевах его мысль о боге жива,
Знай, о муж истой веры: сих песен слова

Много лучше, чем пенье небрежным укладом
И тверженье корана заученным ладом.

Если есть в этом пении смысл сокровенный,
Это лучше, чем грех в час молитвы смиренной!»

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ СВОИХ ПРЕГРЕШЕНИЙ И ПРОСЬБА О ВСЕПРОЩЕНИИ ГРЕХОВ

О творец, всем небывшим дар жизни пославший,
Милосердием суть бытия даровавший!

Нет предела и края твоим всем щедротам,
Благ, свершенных тобою, не выразить счетом.

Все, что я бы тебе в похвалу ни сказал,
Как ни тщился б, а мало и втуне сказал!

Что там я, если столько мужей благоверья,
Много лет в похвалу твою двигали перья,

И старались воздать справедливость вначале,
И в конце концов немощь свою признавали!

Если ж духом смятенья Фани одержим,
Здесь вознес похвалу совершенствам твоим,

Осени его грех милосердною сенью,
И оплошные строки предай истребленью!

Мне довольно и чести писать это слово,—
О тебе я писал и не ведал иного!

Рек я много ли, мало — а все про тебя,
Правда ль, кривда звучала — а все про тебя!

Сколько тайн мне предстало твоих без покрова,—
Я о них птичьей речью слагал это слово.

И теперь, птичьей речью взывая с мольбою,
Как подбитая птица, я слаб пред тобою.

Это все — от того, что у птиц всех пород
Песнь различна и общий напев не ведет.

В соловьином ладу много тысяч различий,
У ворон — беспредельно различие кличей.

Птичья песнь не всегда благодатна бывает,
Не всегда птичье пенье приятно бывает.

Я по их голосам выводил свою речь,—
В общей песне единственный лад не сберечь!

Попугай и скворец — оба славятся речью,
Но различия свойственны их красноречью.

Зазвучал их рассказ — и различие выдал:
Схож один с божеством, а другой — словно идол.

В этом — святость, а тот — отрицаньем влеком,
Светоч веры — в одном, тьма безверья — в другом.

До безверья и веры Фани что за дело?
Все, что он говорил, о тебе лишь радело.

Будь его прегрешеньям заслоном-защитой
Вплоть до чаши, в пиру отрешенья испитой.

Коль судил ты ему отрешенья глоток,
Дай ему ты и вечность — блаженства залог!

ВОСХВАЛЕНИЕ ШЕЙХА И ПОВЕСТВОВАНИЕ О СВОЕЙ ПОКОРНОСТИ ЕМУ

Вот, Фани, заложил ты строенье на диво,
И поведал про птичьи реченья на диво.

Но пророк Сулейман первый понял дорогу,
Что ведет к птичьей речи и к птичьему слогу.

От него перенявший ту мудрость Асаф
Никому не вручил сей потайный устав.

И от них то уменье другим не досталось,
Не досталось — не знали и самую малость.

Долго — тысячи лет небосвод быстроходный
Круг за кругом стезею свершал очередной,

И прекрасная птица явила свой лик,
Быстр полет ее, быстры и ум и язык.

Нет, не птица, то — Анка над Кафом парила,
Ей всептичий язык отрешенье открыло.

Словно столп средь святых и наставник степенства,
Она сердцем, как свет, излучала главенство.

В тайнах истин всеведуща — равных ей нет,—
Мудрецам она речью внушала завет.

Это чудо мужей постиженья недаром
На торгах просвещенья звалося Аттаром! [40]

Как в мирском цветнике это диво явилось,
Птицы слово его восприяли как милость.

В птичьей речи он славен был знаньем таким,
Что Асаф с Сулейманом померкнут пред ним.

Хоть и знали они птичьи речи на деле,
Но другим передать этот прок не сумели.

А когда бог ему дар реченья поведал,
«Речи птиц» миру он в откровенье поведал.

Сих речений язык до конца он постиг,
Изложение таинств творца он постиг.

И, реченья творя, до конца от начала
Он сокровищ бесценных рассыпал немало.

Он карманы времен понабил жемчугами,
Люди века — его наслаждались плодами.

Был дарован сокровищем тем талисман,
Даже каждому нищему жемчуг был дан.

Словно солнце, узор его — не было краше,
Как Джемшид, извлекал он напевы из чаши.

Каждый жаждущий пил тот нектар то и дело,
И от сладости речь его словно немела.

Птичьей речью слова научил он слагать —
С попугаем сравнялись простые и знать.

Люди речи персидской словам его вняли
И постигли слова в их сокрытом начале.

Только люди из скромного тюркского рода,
Коим в речи привычна иная природа,

Пребывали лишенными всех этих благ,
Сути птичьих речей не внимая никак.

Птицы ведомы всюду, где род человечий,
Но сокрыты от всех тайны птичьих наречий.

Я же в лавках Аттаровых, верен обетам,
Брал и сласти и сахар зимою и летом. [41]

В этих лавках я был попугаю под стать:
Мне дано было сахар легко разгрызать.

Птичьей речью ко мне обращался он с зовом —
Отвечал я ему попугаевым словом.

В мое сердце с высот всеблагого предела
Птица духа его пресвятого слетела.

Научил он вникать в птичьи речи меня,
Сделал он знатоком тех наречий меня.

И когда в тех наречьях стал сведущ мой разум,
Тюркской речью повел я рассказ за рассказом.

Пел я песни по-тюркски — напевом певучим,
Опьяняясь, как птица, своим же созвучьем.

Птица что! Пел на сотни ладов соловьем,
И стенанья неслись в каждом ладе моем.

Пел дестаны, стеная от страсти по розе,
И стонал я, рыдая от страсти по розе.

Я — такой соловей, что средь тысяч рыданий
Пел дестан, преисполненный лада стенаний,

Оглашал я пьянящею песней цветник,
И напев мой такого звучанья достиг,

Что ему даже птицы, кричащие прытко,
Своим стоном не смогут содеять убытка.

Духом шейха дана мне подмога-награда —
Соловьем петь напев неизбывного лада.

Кто такое сравнение примет в расчет,
С птицей Кикнус он сходство большое найдет.

ПРИСЛОВИЕ

Птица Кикнус была удивительной птицей,
В Индустане привыкшей летать и гнездиться.

И сложеньем могуча, и внешности редкой,
Отличалась она пестроперой расцветкой.

Клюв такой, что не сыщешь чудней, у нее,
В клюве много отверстий-щелей у нее.

Песнь ее — для души и для сердца — услада,
В каждой щели напевы — особого лада.

Как из этих щелей понесутся стенанья —
Тут же внемлющий им упадет без сознанья.

Пары ей среди птиц всех пород не найти,
В птичьих стаях подобных красот не найти.

Ей меж зарослей леса привычно гнездиться,
И она на деревьях обычно гнездится.

Как-то раз Фисагурс брел там, словно прохожий,
И достиг его слуха звук песни пригожей.

И, познав сей богатый напевами звук,
Основал он закон музыкальных наук.

Долог век ее был в тех лесах запропащих,
Век ее проходил в сборе хвороста в чащах.

И вот этой добычей — сухой ли, сырою —
Она строила сноп — превеликой горою.

И в конце своей жизни в жилище своем,
Под разросшимся в долгие годы снопом

Птица песнь свою пела — красиво, напевом,
И тоскливым и чудным на диво напевом.

Пела так, что и птицы и звери из чащи
Собирались, заслышав тот голос щемящий.

И для слушавших песня была так горька,
Что сражала их насмерть кручина-тоска.

И когда этой песни кончалися звуки,
Запевала она стоном огненной муки.

И тянуло к снопу язычищи то пламя,
Охватило гнездо и жилище то пламя.

Жаркий стяг взмыл на небо, горяч и высок,
Словно молния с высей ударила в стог,

Словно ветви, и птица сгорела в том жаре,
Стали перья, как листья, лишь грудою гари.

Хворост, тело той птицы в золу превратились,
Стали сонмом частиц и в золу превратились.

Груды пепла с горой были схожи на вид,
А под пеплом детеныш той птицы был скрыт!

Всколыхнулся тут пепел, и птенчик тот вылез,
И тотчас его крылья красой засветились.

И тотчас же, над лесом вспарив без заминки,
Полетел он и начал сбирать хворостинки.

Он сбирал их, других и не ведая дел,
И при этом пленительным голосом пел.

А когда его срок подступился скончаньем,
Все свершил он в подобье отцовским деяньям.

Та вот первая птица на шейха похожа,
Он весь век свой провел в песнопениях тоже.

Много песен слагал он, так сладко их пев,
Что и птиц и зверей привлекал тот напев.

И сражало внимавших той песнею-стоном,
И певец стал от песен до пепла спаленным.

А в птенце, что, как уголь, из пепла явился,
Саламандрой, что в жаре окрепла, явился,—

Все, что было той птице и в славу и в честь,
В нем за нею вослед проявилось, как есть.

Все, что смог он собрать своим песням в угоду,
Он, когда его жизнь подступила к исходу,

В песнь вложил — о мирском цветнике и о птицах,
Да не только о них — о зверях разнолицых.

Он своими устами сто песен пропел —
Все о тайнах господних свершений и дел.

И его опалило благое то пламя,
И его и внимавших сожгло это пламя!

Нет! Не смел бы такому отцу быть я сыном:
Я рабом был, он — шахом, привычным к вершинам!

Жарким вздохом он первый то пламя зажег,
Это он целый мир жечь тем пламенем мог!

После шейха никто награжден не был даром
Жечь, как я, всю вселенную пламенем ярым.

Птичьей речью я жег — вся вселенная слепла,
Я познал, как себя и других жечь до пепла!

Все, что жизнь увидала в свершеньях отца,—
Та премудрость открылась и мне до конца.

Я и людям земли и себе дал горенье,
Кроме птичьих речей, я не ведал горенья!

Я хотел бы, чтоб в том отрешенье палящем
Вечность стала открытой от века горящим!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ИСКАНИЙ

Отворец! Ты всем сущим иском, ты — взыскующ,
Ты любви у влекомых любовью взыскуешь!

В двух мирах ты — созданьями всеми искомый,
Не стремится к тебе лишь пороком влекомый.

Без тебя даже пери и ангелам нет
Высшей цели, исканьям их данной в завет.

Без тебя и стремление к райским утехам
Было б в поисках истины тяжким огрехом.

Сделай душу и сердце рабами твоими,
Страсть мою и беды моей пламя — твоими.

Ты мне сладость исканий в отраду пошли,
И свершенье желаний в награду пошли!

Все, что чуждо тебе, изыми из души мне,
О тебе об одном в сердце память впиши мне!

ПРИСЛОВИЕ

Брел к Каабе мюрид, как и должно мюридам,
И в Бистаме замечен он был Баязидом.

И беседою с шейхом он был удостоен,
И к Каабе пошел он, душой успокоен.

И когда посетил он взыскуемый дол,
Возвращаясь, он снова к Бистаму пришел.

И явил этот праведник шейху смиренье,
И муршид его принял к себе в услуженье.

«Слушай, путник,— муршид обратил к нему слово,—
Ты искал единенья у дола святого.

Что — обитель господня, каков ее вид?»
И когда произнес эти речи муршид,

Тот сказал: «Дом, что видел я, статью высокий,
Только нет в нем хозяина, дом — одинокий!»

И ответил паломнику шейх достославный:
«К-эй, в взыскуемом сути не понял ты главной!

Был владелец чертога с тобою в пути,
Без него ты и шага не смог бы пройти!

Вел тебя он к обители той благодатной,
Он же вывел тебя и на путь твой обратный.

Нет в тебе разумения этого блага,—
Хоть искал ты, а был нерадивым, бедняга!»

Просвети в сих исканьях, о боже, меня,
Охрани от неведенья строже меня!

Кто мне спутником будет в моем устремленье,
Дай о нем мне понятье, пошли разуменье!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ЛЮБВИ

Отворец! Ты любовью сердца освещаешь,
Терн разлуки в кусты багреца превращаешь!

Жар даруешь любовью ты солнцу с луною,
Чтоб светить им и днем и порою ночною.

Жаром молний любви дал ты душам огонь,—
Всем — кто счастлив, кто бедствием рушим — огонь!

Свет любви твоей равен лишь звездным сияньям,
Тайн любви твоей блеск стал жемчужным сверканьем.

Дай душе моей свет той звездою блестящей,
В сердце блеск мне вложи, словно жемчуг, светящий.

Винной влагой любви сердце мне опьяни,
В поклоненьи вину да пройдут его дни!

Дар беспамятства в том опьяненьи пошли мне,
А расстанусь с умом — единенье пошли мне!

ПРИСЛОВИЕ

Так случилось, что Кайса любовь истомила,
И в любви его разум безумьем сразило.

Воспылал он к Лейли страстью столь вдохновенной,
Будто ей поклонялся он в вере смиренной.

И безумца совсем поглотила любовь,
Страсть к Лейли разжигала до пыла любовь.

«Как зовут тебя,— кто-то спросил,— горемыка?»
Он ответил: «Лейли!» — Тот сказал: «Докажи-ка!»

«Ведь Лейли,— молвил он,— суть моя и отрада,
И других доказательств, наверно, не надо.

Ты — в сомненье, а я это с верой сказал!»
Да, такой вот любви — сотни тысяч похвал!

Жаром жгучей любви опали мою душу,
Единеньем в любви надели мою душу.

Поглощенность любовью да сделай мне долей,—
Да избавлюсь навек от тенет своеволий!

И Фани той любовью ты в небыль развей,—
Воскреси его к жизни любовью своей!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ПОЗНАНИЯ

О создавший людей — кладезь ценный познанья,
Ты предрек их сердцам быть вселенной познанья!

И кому ты познанье уделом назначил,
Звать того мужем мудрым и смелым назначил.

Но и тем, кто в познанье прославиться смог,
Ты различную участь и долю предрек.

Каждый путь свой лишь в меру уменья свершает,
К сути в меру ума приближенье свершает.

Ты дорог сотворил без числа в сей пустыне,
Да и путникам счета там нет и в помине!

Ты познанием путь осветил им вперед:
Кто пройдет по нему, тот себя обретет.

Ты скитальцу Фани дай пройти той дорогой,
Единенье пошли его доле убогой!

ПРИСЛОВИЕ

Некий путник предстал перед шахом державным.
Шах скитальца узрел на пути его славном

И сказал: «Ты присядь, отдохни здесь свободно.
Хочешь — сделаю, что тебе будет угодно?»

Тот ответил: «С тех пор, как я господа чту,
Лишь от чуждого богу я знал маяту.

Что в обители бренной ни вверено нуждам,
Да пребуду глухим к сутям, господу чуждым!

Всё, что нужно, даруется только от бога,
Всей потребе твоей только он и подмога!»

О творец! Все, что праведник в сердце имел,—
И Фани дай такое познанье в удел.

Уведи его к правде от зла и незнанья,
Да откроются сам он и ты его знанью!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Ты — в чертоге, что ста небосводов просторней,
Выше тысяч Сатурнов в обители горней!

Пред тобой все — ничтожество,— звезды ли, небо ль,—
Вся их суть пред тобой превращается в небыль!

Погуби всю вселенную, прахом развей —
Не убудет ни на волос в сути твоей.

Что за чудо такого величья приметы?
О аллах, это все — безразличья приметы!

Муравей или лев пред твоей благодатью —
Есть они иль их нет — одинаковы статью.

Я — не лев, я — ничтожный, хромой муравей,
Но и он посрамлен будет хворью моей!

Безразличье к соблазну мне сделай заслоном,
Отврати от сует и внемли моим стонам!

ПРИСЛОВИЕ

Вот построил Намруд огневое горнило,
Чтобы пламенным жаром спалить в нем Халила.

Горы дров нанесли той печи на потребу,
Запалили, и пламя взвилось прямо к небу.

И повергли Халила в пылавшую печь,
Чтоб любимца господня в том пламени сжечь.

И случилось в тот миг подоспеть Джебраилу.
«О Халил! — он сказал, подошедши к горнилу.—

Отвечай мне — какой бы отрады желал ты,
В дар и в милость какой бы награды желал ты?

Что ни скажешь,— я слово даю,— совершу,
Пожелаешь — я прихоть твою совершу!»

Тот ответил: «Кто пламень назначил мне в долю,
Он нужду мою ведает, знает и волю.

В этот миг у меня нет такого желанья,
Чтобы стал я просить у тебя в воздаянье!»

О творец! Будь же помыслом всех моих дел,
Безразличье к суетам даруй мне в удел!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ СМЯТЕНИЯ

Пред величьем твоим ум в смятение ввергнут,
Как скиталец, он в степь изумления ввергнут.

Все, что чуждо тебе, то смятеньем объято,
В град смятенья бредет, изумленьем объято.

Никнет разум, смятенный твоим существом,—
Каждым смыслом, который таим существом.

Паутинка — и та в сотворенной вселенной —
Словно петля, губящая разум смятенный.

Ум мужей многомудрых пред чудом творенья —
Перед всем в этом мире — исполнен смятенья.

Дай мне руку у этой смятенной межи,
Среди троп изумленья мне путь укажи!

Не отринь меня странником в дол изумленья,
Увлеки за собой меня в край единенья!

ПРИСЛОВИЕ

Жил один горемыка в печали глубокой,
И пленен был любовью он к деве жестокой.

Сколько он ни горел жаром скорбного пыла,
А блаженства и счастья судьба не сулила.

Обессилен печалью разлуки он был,
И, в мечтах разуверившись, в муке он был.

И когда в нем печаль возросла сверх предела,
Поразила жестокая хворь его тело.

Его сердце не чаяло счастья с любимой,
Душу жег ему горем огонь негасимый.

И сказал он: «Творец! Я лелею мечту,
Чтобы мой кипарис, чтобы гурию ту

Здесь, в моем изголовье, увидеть бы снова
И сказать скорбью сердца ей только два слова!»

И друзья, сострадая беде той жестокой,
Совладали с красавицей этой жестокой.

И ее проводили к страдальцу тому,
Словно жизнь и надежду вернули ему.

И красотка к нему подступила сурово,
И больному, как в милость, промолвила слово:

«Говори, мол, что в сердце твоем, да короче!»
И вперил в ее лик он смятенные очи,

И в смятении речь онемела его,
И совсем обессилело тело его.

И смятенье отняло рассудок и разум,
И твердивший про горе безмолвен стал разом.

А очнулся он — видит: уж нету подруги,
И совсем извели его тело недуги.

И в великом смятенье несчастный больной,
Не промолвив и слова, расстался с душой.

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ЕДИНЕНИЯ

Суть твоя в непорочном единстве блаженна,
Речь мужей единенья об этом — священна.

Всем, кому ты в судьбу единенье назначил,
Им ты благостный рок отрешенья назначил.

И кого ты из пут своелюбия спас,
Тем закон единенья нарек ты в наказ.

А кого ты от благ единенья избавил,—
Тех ты тьмою безверья навек обесславил.

И кому к единению путь указал ты,—
Уберег ты от зла их, им суть указал ты.

Ты от уз своелюбья меня огради,
К единенью с тобой, о творец, приведи!

Не оставь своелюбья во мне даже малость,
Чтоб преград к единенью с тобой не осталось!

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ОТРЕШЕНИЯ

Отрешенным явивший себя всезиждитель!
Единеньем ты ввел их в благую обитель,

Ибо вечность обресть — то дано от тебя им,
Им удел отрешенья тобой посылаем.

Кто себя, свою суть в отрешенье не вверг,
Для того самый смысл отрешенья померк.

И тогда им не жаждать вовек единенья —
Нет в таком отрешении в вечность стремленья.

Дай, господь, отрешенье Фани в воздаянье,
Чтобы вечности клад он обрел в достоянье!

Ты в себе его суть сделай небылью враз,
Чтоб он в небыли этой стал сущим тотчас.

В этой, найденной, сути ему — завершенье.
Тут и дело с концом: здесь — с тобой единенье!

ПРИСЛОВИЕ

Некий муж достославный пред богом молился,
Пред творцом он в смиренье убогом молился.

«Твоей сути, о боже, лишь вечность пристала,
Бренной небыли в сути твоей не бывало!

Как тверда и незыблема сущность твоя,
Дал бы ты мне незыблемость небытия!

Чтоб к нему моя суть и дороги не знала,
Чтоб оно лишь с тобой единенья желало!

Чтоб хотящему зреть мое бренное тело
Моя суть только в сущности вечной светлела!

«Я» и «ты» чтоб исчезли, себя не храня,—
Да пребудешь там ты, да не станет меня!

Чтоб тебе стало чуждым со мной разлученье,
И тогда я обрел бы с тобой единенье!»

О ПРИБЛИЖЕНИИ СВОИХ ПОМЫСЛОВ К СОЗДАНИЮ ЭТОЙ КНИГИ

Так приходит на память мне быль моей доли —
Времена малолетства, учение в школе.

Заморенные дети с измученным взглядом
Там твердили уроки заученным ладом.

Их вконец изнуряли и тяжкий урок,
И тверженье Корана запомненных строк.

И учитель, желая проверить их навык,
Заставлял их стихи повторять без поправок.

Там читали и прозу, и строки дестана,
Тот начнет «Гулистан», этот — притчи «Бустана».

А во мне страсть была — всех желаний сильней:
«Речи птиц» были милы природе моей.

Стало впрок моей детской душе повторенье,
И познал я пленительность этого чтенья.

И душа моя с теми речами дружила,
И к другим сочиненьям в ней не было пыла.

Те рассказы читать стал обычай мне люб,
И таинственный лад речи птичьей мне люб.

Было этим словам существо мое радо,
И хотел я постичь, в чем их смысл и отрада.

И росла та услада во мне без предела,
А сказать о ней — речь моя словно немела.

Дни за днями спешили друг друга сменять,
И пленила все думы мои та тетрадь.

Я чуждался людей, моим тихим досугам
Стала книга заветная преданным другом.

И беседы людской выраженья и звуки
Моему существу были горестней муки.

Одолела любовью та сила меня,
Эта страсть до конца поглотила меня.

И сказал я: «Открыть бы мне дверь отрешенья
И бежать от людей, что чужды разуменья!»

Крик пошел меж детей, всполошилися все там,
И родители тоже узнали об этом.

Страх объял их: «Невежда, влекомый к беспутью!
Все слова-то — огонь, только сыр еще сутью!

Как бы хвори безумия с ним не случилось!
Ну как рок отведет от него свою милость!»

И тетради меня без пощады лишили,
Мое сердце любимой услады лишили.

«Речи птиц» запретили мне знать с этих пор,
И запретен был даже о них разговор.

И минула времен многодневная свита,
И пристрастье мое уже было забыто.

Но хранилась тех слов в моей памяти тайна,
И без устали я повторял их потайно.

Я не мог речь иную постичь и слова,
Другом сердца мне были лишь птичьи слова.

Знамя тюркских стихов я поднял над собою,
Повеленьем страну покорил я без боя!

Мне четыре дивана и пять песнопений
Довелось сотворить без невзгод и мучений. [42]

Если стал бы писать мои строки писец,
Он сто тысяч двустиший бы счел под конец.

И стихи создавал я, и создал немало,
Но мечта неотступно мой разум терзала:

Дал бы бог сей заветной тетради подмогу,
Чтобы к ней пересказ мне создать понемногу.

Но слова были трудны, я немощен был,
И перу не умел я дать скорость и пыл.

И увидел я вдруг: жизнь бежит миг от мига,
И умру я, и будет не сказана книга.

И заветную мысль в мир иной унесу я,
И мой огненный пыл за собой унесу я.

Этих помыслов пыл я всем сердцем берег,
Но свершению их свой назначен был срок.

И когда мне уже шестьдесят подступало,
Птичьей речи пером положил я начало.

К духу шейха припал я с мольбой о подмоге,
И, услышав, он внял просьбе той о подмоге.

Он в ночных моих бденьях был другом моим,
К тем занятиям пыл мне дарован был им.

Бег пера направлял я в ночи, средь затиший,
В ночь слагал пятьдесят или сорок двустиший.

А когда не писал — я покоя не ведал.
Сам забот я в созданьи их строя не ведал:

Духом шейха была мне подмога дана,
В малый срок все сумел завершить я сполна.

Но слова были трудны, а смысла в них мало,
И укорами совесть меня изнуряла.

И от шейхова духа мне помощь приспела:
Бесталанный, свершил я желанное дело!

Так искатель жемчужин средь мук и невзгод,
Дружен с морем, в бездонных глубинах плывет.

Если жемчуг добыть и не будет удачи,
Он хоть прутьев добудет — в них нет недостачи.

А подсушит их — глядь, и дровишек добудет,—
Все — хоть свет, если жара да дыма не будет!

Не пришлось мне в том море жемчужин достать,
Только прутьев добыл я — и то благодать!

Что ж поделать — то было мне данною долей,
Я в недоле спознался с желанною долей!

Людям мира ведь дал сам поэт достославный
Блага моря и недр своей волей державной.

Сделать больше него — мне совсем не под стать,—
Мне довольно и щедрость его описать!

И хотелось бы мне, чтобы в сердце любого
Жарким пламенем вспыхнуло каждое слово.

Да прозрит он дыхание шейха в том ладе,
Да найдет он свершенье желанной усладе!

А придется ему и меня помянуть —
Пусть не ищет в едином двоякую суть!

ПРИСЛОВИЕ

Некто ищущий истину сердцу в отраду,
Бремя тягот неся, тихо плелся по граду.

Видит — в узком проулке стена обвалилась,
И столпился народ — разузнать, что случилось.

Раньше был в этой улице людям проход.
О творец, где ходить теперь будет народ?

Кто построит с надежной основою стену!
Чья забота построить здесь новую стену?

И в проулке народу собралось так много,
Что совсем загорожена стала дорога.

И когда суматоха пошла меж зевак,
К той толпе подошел сей взыскующий благ.

И увидел он это, и впал в исступленье,
Стал кричать и стенать он, свершая раденье. [43]

И народ удивлялся, что этот несчастный
Не ко времени волю дал пылкости страстной.

И спросили тогда о деяниях сих
У скитальца стези упований благих.

И сказал он: «Увидев здесь сборище ныне,
Я не ведал еще ничего о причине.

Но сюда подойдя,— мол, куда себя дену,—
Я увидел вот эту упавшую стену.

Я и раньше бывал здесь и видел как есть,
Что стена уж давно собиралась осесть.

Вот ведь благо какое даровано стенам —
Взять да рухнуть в согласии с избранным креном!

Я ж несчастный, совсем от себя отрешенный,
Жалок в доле, с искомым навек разлученной.

Вот явила лишь признак желанья стена,
И в недоле с желанным спозналась она!

Это значит — творец, мне мечту ниспославший,
Должен свесть меня с целью, желанною ставшей.

Коль мечту о благом отрешеньи лелею,
Даст творец мне удел единения с нею.

Даст мне друг мой желанный свою благодать,
Чтобы смог я благим и безропотным стать!»

ОПРАВДАНИЕ ЗАМЕНЫ СВОЕГО ТАХАЛЛУСА ДЛЯ ЭТОЙ КНИГИ

С малых лет уготовано было мне роком
Устремляться к стихам в помышленье высоком.

И сложенью стихов положил я начало,
И напевность их тюркскою речью звучала.

Если ж дело творят, уж положено так:
У создавшего что-либо должен быть знак.

Это — подпись его, доказательство права,
Будет это печать ли, клеймо ли, протрава.

Строй стихов, что начертан с искусством и вкусом,
Завершается знаком творца — тахаллусом.

И отмечены знаком такой же четы
У властителей тайн их творений листы.

Так и шейх Саади с Низами узнаются,
Так Хосров Дехлеви и Джами узнаются.

Стал по-тюркски писать я строку за строкою,
Стих был создан душою моей и рукою.

Как из облака, сыпались перлы мои,
И стихам моим послан был знак «Навои». [44]

Стали явью мечты мои в кущах вселенной,
Внятен стал и столпам их напев вдохновенный.

Но стремил я перо и к персидскому слову, [45]
И различным стихам дал и строй и основу.

Многих помыслов благо приняли они,
И была им дарована мета «Фани».

А когда «Язык птиц» себе принял в удел я,
И с чудесными птицами вместе взлетел я,

Здесь уместнее было б, в согласьи с их пеньем,
Дать припев «Навои» сим напевным твореньям. [46]

Птичьим песням сродни был мой грустный запев,—
Так поют они, песнею грустной запев.

Тюркский строй был основою повести этой,
И тавро «Навои» быть должно бы ей метой. [47]

Но да ведает внемлющий смысл и основу,
Почему знак «Фани» дал я этому слову.

Главный помысел книги — исток и возврат,
Устремленье к благому началу назад.

Здесь конца не достигнешь, не став отрешенным,—
Потому — знак «Фани» на труде завершенном. [48]

Да к тому же и шейх, в помышленьях высокий,
Птичьей речью в тетрадь занося свои строки,

Дальним странствиям птичьим почин положил,
Миновать им семь трудных долин положил.

И, велев претерпеть им печаль и лишенья,
Им назначил пристанищем дол Отрешенья.

Меж собой обе эти причины согласны
И равно к существу тахаллуса причастны.

Я «Фани» тахаллусом и знаком избрал,
И на том основаньи двояком избрал.

Кто, причину пытая, расспросит об этом,
Эта речь ему будет надежным ответом.

Кто замыслил содеять подобное дело,
Не свершил бы, коль время ему не радело.

Но не думай о добрых порывах времен,
Коль не правит Дара справедливых времен!

МОЛИТВА О ПОВЕЛИТЕЛЕ СТЕЗИ ИСЛАМА И О МИЛОСТИ К НЕМУ

Кто спокойствию мира радел с прилежаньем,
Благодарен народ его щедрым даяньям.

Да восславится мощь его благоговейно —
Повелителя мира Султана Хусейна!

Сколько я для него ни сложил бы похвал,
Сколько б славы щедротам его ни воздал,—

Сотни тысяч таких же, как я, славословов
И за сотни веков благописанных зовов

Не смогли рассказать бы и тысячной доли,
Да куда там — стотысячной части,— не боле!

Лучше я не хвалу, а молитву сложу,
Птичьей речью про все остальное скажу,

Дабы в кущах времен птица счастья парила,
Чья одна только сень — благодатная сила.

Пусть в высотах правленья ей будет дорога,
Пусть гнездом ее станут высоты чертога.

И да будет чертог ее славой храним,
А она — словно сень благодати над ним.

Сотням стай в цветниках ее благоправленья
Да не знать от каменьев беды сокрушенья!

Да пребудет и власть ее вечные лета,
Да приемлют ту власть все создания света!

Да смирят ее сила и сонмы врагов,
А народам да будут и милость и кров!

РАССКАЗ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ЭТИХ СТИХОВ, МОЛЬБА И ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ

В одиночестве, острым пером приготовясь,
Стал писать я вот эту чудесную повесть.

С той поры, как из Мекки глава всех пророков
На Мединy пошел,— вот от сих самых сроков

Девятьсот да четыре сменилося лет, [50]
Как в людские сердца пал сей огненный свет.

В этот год я и начал вот это свершенье,
Тот же год был и сроком его завершенья.

Две луны миновало от срока начатья,
Как реченное выше затеял писать я.

Каждой ночью, забросив все тяготы дел,
Два часа я о повести этой радел.

И пришло завершение мало по малу,
А конец — это знак возвращенья к началу.

О творец! Ту красу, чей удел — восхищенье,
И с которой ты мне даровал единенье,

Сделай вечно любезной для взоров людей,
Обрати к ней и сердце и норов людей!

И хотя много тайн в ее смысле невнятном,
Сделай птичий язык ее людям понятным.

Кто найдет в ней исход заповедным стремленьям,
Дай тому и Фани не обидеть моленьем.

И да примешь молитву его ты всегда,
Пусть за нас за двоих в нем не будет стыда!

Если ж мне избежать не случилось огреха,
А в пере моем были изъян иль помеха,

Будь, творец, милосерд — да пошлешь мне прощенье,
А в созданьи моем уничтожь — мне в прощенье —

Все оплошности, что совершил я в словах,—
Да хранит нас от бед превеликий аллах!

ПРИМЕЧАНИЯ *

[1] *Девяти небесам дал он силу вращенья.* Средневековая восточная астрономия различала семь небесных сфер, соответствующих семи планетам, и две сферы, лежащие выше. См. описание всех девяти сфер на стр. 17—20.

[2] «*Сокровенное*». Здесь имеется в виду то место Корана, начинающееся с данного слова, где говорится о способности человека познавать тайны невидимого.

[3] *И в двух луках пространства увидел он бога.* Имеется в виду выражение из Корана, где говорится, что по восшествии на небо пророк Мухаммед предстал перед аллахом на расстоянии, равном длине двух луков.

[4] Эта и три последующие главы посвящены традиционному восхвалению четырех так называемых правоверных халифов — Абу Бекра, Омара, Османа и Али (о них см. Словарь), то есть арабских правителей, последовательно правивших друг за другом после смерти Мухаммеда.

[5] *Он — второй из двоих, обитавших в пещере* Это — выражение из той суры (главы) Корана, где повествуется о том, как Абу Бекр

---

* Здесь даны лишь необходимые примечания к тем частям текста, которые нуждаются в пояснениях. Объяснение всех имен собственных, названий и терминов дается в Словаре, следующем за Примечаниями.

сопровождал Мухаммеда во время бегства последнего из Мекки в Медину.

[6] *Суры вписывать правильным чином велел он, Быть всей книге диваном единым велел он.* Здесь имеется в виду деятельность Османа по составлению официальной редакции Корана.

[7] *И кому ж бог судил долю выше и чище — Дважды свет его зрело Османа жилище.* Первый «свет» — принятие Османом веры, провозглашенной Мухаммедом, второй «свет» — составление официального текста Корана.

[8] *Плоть его удостоилась чести по праву, Кровь его обрела неизбывную славу.* Али был зятем пророка Мухаммеда — мужем его дочери Фатимы.

[9] *Он в предвечных лесах был как лев всей округе.* Одним из эпитетов Али было прозвание «лев божий».

[10] *Был он сыном и ветвью из сада пророка, И его сыновья — тоже чада пророка.* См. примечание 8.

[11] *Лев господень.* См. примечание 9.

[12] *Есть сандал там и мускус, амбра и шафран, Чтоб убить благовоньем недугов дурман.* Перечисление благовоний, имеющихся у Аттара, каламбурно обыгрывает его имя, которое означает «торговец благовониями».

[13] *...помоги мне, господь, Шейху следуя, робость в себе побороть.* Шейх — Фаридуддин Аттар (см Словарь).

[14] *Восемь райских садов Будут хуже, чем ад и его семь кругов.* По вероучению ислама, рай состоит из восьми роскошных тенистых садов с ручьями и реками, а в аду находятся семь «врат», своеобразных ярусов, расположенных один над другим и предназначенных для различных категорий грешников.

[15] *Правду пишут мужи разуменья, считая Манихейскую мудрость твореньем Китая.* Основателем религиозного учения манихеев был Мани (казнен в 244 г. н. э.), которого мусульманская традиция считает великим художником и уроженцем Китая.

[16] *То — зерцало стоит напрямик предо мной...* В фольклоре и в литературе народов Ближнего Востока и Средней Азии образ попугая часто связывается с зеркалом. Свое отражение в зеркале попугай принимает за своего двойника и собеседника.

[17] *С Искандеровым только сравнится зерцалом.* По преданию, Искандер — Александр Македонский — обладал волшебным зеркалом, отражавшим весь мир.

[18] *О себе говорил ты немало пред нами,— Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями.* В сказаниях о Меджнуне (см. Словарь) имеются эпизоды, повествующие о том, как уличные зеваки и дети, изумленные его одержимостью, бегали за ним и кидали в него камни.

[19] *И зовущий тебя повелителем сброд, Видно, богом своим истукана зовет* Здесь вера в единого бога противопоставляется языческому преклонению перед идолами-истуканами, свойственному, по средневековым представлениям ислама, всем немусульманам.

[20] *Возношу я стенанья, тоскуя по кладу.* Существовало поверье, что ночные птицы — сова, филин и сыч — скрываются в заброшенных развалинах, ища там сокровища.

[21] *Ты твердишь, будто коврик свой стелешь на воду.* Имеется в виду коврик, на котором мусульмане преклоняются для молитвы. Стелить молитвенный коврик на воду — значит совершать молитву небрежно, наспех, в том же самом месте, где только что совершалось предмолитвенное омовение.

[22] *Это точка под буквою в слове «беда».* Слово «беда» в арабском написании имеет точку под первой буквой.

[23] *Складка с ямкой у рта с буквой «нун» очень схожи.* Буква «нун» в арабском письме представляет собой дугу, обращенную концами кверху, с точкой посредине.

[24] *Даже «Слово господне» спалили огнем.* «Слово господне» — Коран.

[25] *Свет добра, Хашимитского рода посол.* Согласно официальной мусульманской версии, пророк Мухаммед происходил из рода Хашимитов.

[26] *Подтверждение — сказ о друзьях из пещеры.* Имеется в виду предание, изложенное в 18-ой суре (главе) Корана, об укрывавшихся в пещере отроках, с которыми была также и собака.

[27] *В единении с другом муж доли блаженной.* Последователи суфийского учения называли бога другом.

[28] *Днем лишь мысли о друге терзали его.* См. предыдущее примечание.

[29] *И в индийских пределах скитаться обрек.* По мусульманским поверьям, Адам, изгнанный из рая, скитался на чужбине — в Индии.

[30] *Или будешь, как змеи, по кладу томиться.* Согласно средневековым представлениям, змеи гнездятся в тех местах, где зарыты клады, и проводят жизнь в поисках запрятанных сокровищ.

[31] *Вдруг незримо каратель с небес снизошел — Похищающий души предвечный посол* Здесь говорится об ангеле смерти Азраиле (см. словарь).

[32] *Завертелся он в пляске и рухнул он разом.* Дервиши (см. Словарь) во время своих радений плясали и вертелись, чтобы довести себя до состояния изнеможения и физического «небытия». Считалось, что в таком состоянии отрешения от всего мирского и от себя самого человек ближе всего к богу.

[33] *Семь долин перед нами...* В этой и последующих главах говорится о семи долинах — семи ступенях мистического суфийского совершенствования. Это — долины Исканий, Любви, Познания, Безразличия, Единения. Смятения, Отрешения. Следует сказать, что описание этих долин у Навои и притчи, приводимые как иллюстрации описания долин. не ставят своей целью изложение суфийского учения. Навои, хорошо знакомый с суфизмом, но не принадлежавший сам к последователям этого учения, берет у Аттара лишь внешнюю канву повествования, в том числе и рассказ о семи долинах. Поэтому описание долин у Навои расходится с традиционными взглядами суфизма и сопровождается притчами, лишь отдаленно связанными с соответствующими суфийскими представлениями (ср., например, притчу, иллюстрирующую рассказ о долине Смятения, но повествующую о любви в ее «земном», а не суфийском понимании).

[34] *И фигуры расставив по крупному строю.* В этой главе содержится интересное описание шахматной игры в том ее виде, который известен в истории шахмат под названием «большие шахматы». «Большие шахматы» («крупный строй») представляли собой стоклеточную доску с бóльшим, нежели в современных шахматах, количеством фигур, правила передвижения которых также отличались от современных. Эти особенности «больших шахмат» отражены и в тексте настоящей главы. Здесь среди фигур упоминаются не только король («шах»), ферзь, ладьи («башни») и пешки, но также и «везир», «жирафы», «медведи» и др. Есть указания и на то, как ходили некоторые фигуры: везир «идет полосою», ферзь — «с походкой косою».

[35] *Он в двух луках пред горним порогом предстал.* См. примечание 3.

[36] *Семь небес, шесть сторон и четыре основы — Суть вселенной...* Семь небес — см. примечание 1. Шесть сторон — четыре направления в горизонтальной плоскости (север, запад, юг, восток) и два направления в вертикальной плоскости — зенит (высшая точка небесной сферы) и надир (точка, противоположная зениту). Четыре основы — четыре первоэлемента: вода, земля, огонь, воздух.

[37] *Вдруг завеса распалась, и славы глашатай Возблистал среди них птицей счастья крылатой.* Здесь имеется в виду известный по сочинениям суфийского толка образ «лучезарного старца», олицетворяющий собой царство «разумной души», которая противостоит «растительной душе».

[38] *Во втором отрешенье — во благе примерном Стал им истинный друг их наставником верным.* Второе отрешение — высшая ступень отрешенья, на которой осуществляется слияние с «истинным другом» (см. примечание 27), то есть с богом.

[39] *Восхваление шейха.* В этой и последующих главах шейхом Навои называет Аттара (см. Словарь).

[40] *Это чудо мужей постиженья недаром На торгах просвещенья звалося Аттаром.* См. примечание 12.

[41] *Я же в лавках Аттаровых, верен обетам, Брал и сласти и сахар зимою и летом.* Лавки Аттара — см. примечание 12.

[42] *Мне четыре дивана и пять песнопений Довелось сотворить...* Здесь Навои говорит о диване своих лирических стихов, состоящем из четырех частей (см. тт. I и II настоящего собрания сочинений), и о цикле поэм «Пятерица» (см. тт. III—VII настоящего собрания сочинений).

[43] *Стал кричать и стенать он, свершая раденье.* См. примечание 32.

[44] *И стихам моим послан был знак «Навои».* Слово «Навои» в переводе на русский язык означает «напевный», «мелодичный».

[45] *Но стремил я перо и к персидскому слову.* Среди сочинений Навои имеется и диван стихов, написанных на персидском языке.

[46] *Здесь уместнее было б, в согласьи с их пеньем, Дать припев «Навои» сим напевным твореньям.* См. примечание 44.

[47] *Тюркский строй был основою повести этой, И тавро «Навои» быть должно бы ей метой.* Все свои произведения, кроме поэмы «Язык птиц», написанные на тюркском языке, великий поэт подпи-

сывал тахаллусом (см. Словарь) «Навои». В поэме «Язык птиц» тахаллус «Навои» встречается только один раз — в конце главы «Птицы спрашивают Удода о предстоящем пути, и он отвечает им».

[48] *Здесь конца не достигнешь, не став отрешенным,— Потому знак «Фани» на труде завершенном.* «*Фани*» (см. Словарь) означает также и «отрешенный».

[49] *И, велев претерпеть им печаль и лишенья, Им назначил пристанищем дол отрешенья.* Название долины Отрешенья в узбекском тексте — от того же корня, что и псевдоним «Фани». Долина Отрешенья — последняя из семи долин.

[50] *С той поры, как из Мекки глава всех пророков На Медину пошел,— вот от сих самых сроков Девятьсот да четыре сменилося лет...* Уход Мухаммеда из Мекки в Медину (так называемая «хиджра») является начальной датой мусульманского летосчисления. 904 г. по хиджре приходится на 1498—1499 гг. н. э.).

СЛОВАРЬ

Аббас — один из прославленных шейхов (см.).
Абдулла Ансари — см. Ансари.
Абдуллах — согласно преданию, так звали отца пророка Мухаммеда.
Абу Бакр (ок. 853—935) — знаменитый шейх (см.) из Нишапура.
Абу Бекр (ум. в 634 г.) — первый из четырех так называемых правоверных халифов, правивших непосредственно вслед за Мухаммедом.
Абу Наср — ходжа (см.) Абу Наср Порсо (ум. ок. 1460 г.), знаменитый шейх (см.), мюрид (см.) шейха Порсо (см.).
Абу Саид Абул-Хайр (ум. в 1048 г.) — знаменитый шейх (см.) из Хорасана.
Абул-Хайр Саид — см. Абу Саид Абул-Хайр.
Азазил — одно из имен дьявола, шайтана (см.).
Азраил — ангел смерти.
Али — последний из четырех так называемых правоверных халифов, наследовавший Осману (см.) и правивший в 656—661 гг.
Анка — сказочная птица, повелительница всех птиц.
Ансари (1005—1093) — знаменитый шейх (см.) из Герата.
Арасту — Аристотель, древнегреческий философ (384—322 до н. э.).
Асаф — мифический сподвижник пророка Сулеймана (см.), его везир (см.) и родственник.
Аттар Фаридуддин (1119—1230) — персидский поэт и видный суфийский философ, автор поэмы «Речи птиц», послужив-

шей для Навои образцом при сочинении им поэмы «Язык птиц».

Афлатун — Платон, древнегреческий философ (427—347 до н. э.).

Афридун — см Феридун.

Ахмад — одно из имен пророка Мухаммеда.

Банг — наркотик, приготовляемый из конопляных листьев и белены.

Батман — мера веса, имевшая разное значение в различных местах (от нескольких килограммов до нескольких пудов).

Бахауддин Накшбанди — см. Накшбанди.

Бахтуннаср — имя правителя, разрушившего Иерусалим (библейский Навуходоносор).

Баязид (ум. ок. 970 г.) — один из почитаемых последователями суфизма шейхов (см.).

Баязид Бистами — см. Баязид.

Бейт — двустишие.

Билькис — легендарная возлюбленная пророка Сулеймана (см.).

Бу Джахл — дьявол, «князь тьмы».

Бу Саид — см. Абу Саид Абул-Хайр.

Бу Тураб Нахшаби — полулегендарный шейх (см.) из г. Нахшаба.

Бурак — имя мифического коня, на котором Мухаммед будто бы совершил восхождение на небо.

Бустан — название произведения Саади (см.).

Везир — сановник, ближайший помощник и советник правителя.

Газель — лирическое стихотворение.

Гамаюн — сказочная птица, приносящая счастье тому, на кого падет тень от ее крыльев.

Гебр — последователь зороастрийской религии, приверженный, согласно мусульманским представлениям, к вину.

Гулистан — название произведения Саади (см.).

Гулканд — сироп, варенье из лепестков розы.

Гурия — райская дева. По мусульманским верованиям, гурии — вечно непорочные красавицы, предназначенные для услаждения праведников в раю.

Даджал — мифическое существо, соответствующее христианскому антихристу.

Дара — персидский царь Дарий (335—330 до н. э.).

Дервиш — странствующий отшельник, отрекшийся от мирских благ.

Дестан — сказание, эпическая поэма.

Джами — персидско-таджикский поэт и ученый (1414—1492).

Джебраил — ангел, соответствующий архангелу Гавриилу у христиан.

Джемшид — мифический правитель древнего Ирана. По преданию, Джемшид владел волшебной чашей, глядя в которую, можно было видеть всё происходящее в мире.

Джинн — злой дух.

Джунаид (ум. ок. 910 г.) — один из знаменитых шейхов (см.) Багдада.

Диван — сборник стихов.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

Заххак — легендарный правитель, славившийся жестокостью и убивший Джемшида (см.).

Зуннар — пояс, носившийся последователями зороастрийской религии. Ношение зуннара, по средневековым мусульманским представлениям, считалось также и признаком христианской веры. Зуннар — символ отречения от ислама.

Иблис — дьявол, то же, что и шайтан (см.).

Ибрахим — Ибн Адхам шах Ибрахим (ум. ок. 777 г.), уроженец Балха, один из почитаемых суфийских пиров (см.).

Имам — священнослужитель, предстоятель на молитве.

Ирем — название сада, подобного раю, которым владел мифический правитель Шаддад.

Иса — Иисус, почитавшийся мусульманами как один из пророков, предшествовавших Мухаммеду. Согласно представлениям ислама, Иса обладал даром воскрешать мертвых одним своим дыханием.

Искандер — Александр Македонский.

Кааба — храм в Мекке, главная святыня мусульманской веры.

Кайс — имя полулегендарного арабского поэта, получившего прозвище Меджнун (см.) за свою пылкую любовь к Лейли (см.).

Каландар — то же, что дервиш (см.).

Карун — легендарный богач, упоминаемый в Коране.

Касыда — один из жанров поэзии у народов Ближнего Востока, близкий к жанру оды.

Каф — легендарные горы, будто бы опоясывающие земной шар. Иногда горы Каф отождествляли с Кавказским хребтом.

Кикнус — мифическая птица.

Колосья — название созвездия, соответствующего созвездию Дев.

Кубра Наджмиддин (убит в 1221 г.) — знаменитый хорезмский шейх (см.)

Лейли — героиня сказания о Лейли и Меджнуне, образ преданной возлюбленной.

Мадаин — древнее название города Ктесифона на р. Тигр, получившего впоследствии название Багдад.

Мани — легендарный художник.

Марьям — одна из героинь цикла сказок «Тысяча и одна ночь», искусная вышивальщица.

Махди — мессия в исламе; по мусульманскому вероучению, Махди явится перед концом света, чтобы сразить Даджала (см.).

Меджнун — дословно «одержимый джиннами» (см.). Имя героя народных сказаний и многочисленных литературных образ боток их, пылавшего безумной любовью к Лейли (см.). Прообразом Меджнуна был арабский поэт Кайс (см.). В широком смысле Меджнун — безумец, одержимый какой-либо страстью.

Минбар (мимбар) — кафедра в мечети для провозглашения молитвы.

Михраб — ниша в мечети наподобие алтаря, расположенная в направлении к Мекке и указывающая сторону, куда мусульмане должны обращаться во время молитвы.

Муршид — духовный наставник, указующий «правый путь», руководитель мюридов (см.).

Муса — имя пророка, соответствующего библейскому Моисею.
Мухтасиб — чиновник, надзиравший за выполнением законов.
Мюрид — ученик шейха (см.) — своего муршида (см.), налагавший на себя обет послушания и отказа от собственной воли.
Наджмиддин Кубра — см. Кубра
Накшбанди Бахауддин (ум. в 1390 г.) — знаменитый бухарский шейх (см.), основатель ордена Накшбанди.
Намаз — молитва у мусульман.
Намруд — имя мифического падишаха, будто бы погубленного мухами.
Низами — великий азербайджанский поэт (ок. 1141 — ок. 1209).
Нушirван — иранский шах из династии сасанидов, идеализируемый мусульманской традицией.
Омар — второй из так называемых правоверных халифов (убит в 644 г.), преемник Абу Бекра (см.).
Осман — третий из четырех так называемых правоверных халифов, преемник Омара (см.), правивший в 644—656 гг. По его повелению была составлена официальная редакция Корана.
Пери — сказочная красавица, образ неземной красоты.
Пир — духовный наставник.
Порсо — ходжа (см.) Мухаммад Порсо (ум в 1419 г.), знаменитый бухарский шейх (см.).
Рубаи — четверостишие.
Рум — Византия. В широком смысле — Запад вообще как символ земель, где живут немусульмане.
Саади — великий персидский поэт (ок. 1206—1291).
Саз — музыкальный инструмент.
Сиф — сын Адама и Евы.
Сулейман — пророк, почитаемый мусульманами и соответствующий библейскому царю Соломону. По преданию, Сулейману было ведомо «неизреченное имя» бога.
Султан — титул правителя, падишаха.
Сура — глава, часть Корана.
Сурьма — косметическое и целебное средство для глаз.
Суфиян Сури (ум. ок. 783 г.) — один из знаменитых шейхов (см.).
Тазкира — название сочинения Аттара (см.) «Жития святых».
Тахаллус — поэтический псевдоним, вставлявшийся поэтами в последнюю строфу стихотворения или поэмы.
Убайд Нури (ум. в 907 г.) — знаменитый шейх (см.).
Фани — «тленный», «бренный» — псевдоним, тахаллус (см.) Навои, которым он подписывал свои стихи, написанные на персидском языке. Среди произведений Навои, написанных на тюркском языке, только поэма «Язык птиц» подписана этим псевдонимом. О причинах, побудивших Навои сделать это, говорится в заключительной части поэмы.
Фараон — деспот, упоминаемый в Коране.
Фаридуддин Аттар — см. Аттар.
Фархад — легендарный герой народных сказаний и поэм, каменотес-горопроходец.
Феридун — то же, что и Афридун, один из легендарных царей древнего Ирана, обладатель несметных сокровищ.

Фисагурс — Пифагор (ок. 580 — ок. 500 до н. э.), древнегреческий философ и математик. Мусульманская традиция приписывает ему также изобретение музыкальных инструментов.

Франг — чужеземец, житель Запада, европеец.

Хакан — титул правителя.

Халил — прозвище пророка Ибрахима, которого, согласно преданию, вверг в огонь Намруд (см.).

Ханака — обитель, пристанище дервишей (см.).

Хатам — легендарный богач, славившийся щедростью.

Ходжа — титул, приставляемый к именам мусульман, являющихся потомками первых трех халифов.

Хосров Дехлеви — индо-персидский поэт XIII в.

Хусейн — *Хусейн Байкара* (1437—1506), государственный деятель и поэт, друг детства Навои.

Хутба — молитва, читаемая в мечети по пятницам и содержащая благословение правящему государю

Хызр — легендарный пророк, будто бы нашедший источник живой воды и обретший бессмертие. Хызр — символ вечно обновляющейся природы и ассоциируется в представлении верующих с ее зеленым нарядом.

Хырка — одежда дервиша (см.), рубище, власяница.

Хыркани (ум. ок. 1033 г.) — один из знаменитых шейхов (см.).

Чавган — игра, состоящая в том, что всадники, отбивая друг у друга шар, загоняют его в промежуток между двумя столбами.

Шайтан — дьявол, сатана. Согласно легенде, шайтан — падший ангел, ввергнутый богом в ад за отказ преклониться перед созданным богом человеком.

Шахиншах — дословно «шах среди шахов», «царь царей», титул иранских правителей.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, старейшина.

Шибли (ум. ок. 945 г.) — знаменитый шейх (см.)

Эмир — повелитель, правитель.

Юсуф — легендарный герой, соответствующий библейскому Иосифу Прекрасному и почитаемый мусульманской религией.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Произведение «Язык птиц» написано Алишером Навои под влиянием поэмы «Речи птиц» известного персо-таджикского поэта Фаридуддина Аттара. Еще в школьные годы поэма Аттара произвела на поэта глубокое впечатление.

Навои, уже ставший гениальным поэтом, мечтал о создании подобной поэмы на узбекском языке и лишь в возрасте 60 лет, достигнув творческого совершенства, пишет свое произведение.

Навои так рассказывает об этом в поэме:

А во мне страсть была — всех желаний сильней:
«Речи птиц» были милы природе моей.[1]

Стало впрок моей детской душе повторенье,
И познал я пленительность этого чтенья.

И душа моя с теми речами дружила,
И к другим сочиненьям в ней не было пыла.

Те рассказы читать стал обычай мне люб,
И таинственный лад речи птичьей мне люб.

---

[1] Везде перевод С. Иванова.

Было этим словам существо мое радо,
И хотел я постичь, в чем их смысл и отрада...

Дни за днями спешили друг друга сменять,
И плéнила все думы мои та тетрадь.

Я чуждался людей, моим тихим досугам
Стала книга заветная преданным другом.

С древнейших времен в литературе народов Востока стало традицией подражать ярким представителям предшествующих эпох, использовать сюжеты и образы их творчества. Таким методом создаются «Пятерицы», а также поэтический жанр «мухаммас». Очень многие поэты писали газели в стиле подражания.

Навои в своем персидском диване в начале каждой газели указывает на подражание кому-либо из персо-таджикских поэтов. Однако нет основания понимать эти произведения как перевод или копирование. Именно так до недавнего времени оценивались западными учеными произведения поэтов Средней Азии, пишущих на тюркском языке.

В результате успешных научно-исследовательских работ советских ученых-литературоведов в последние годы правильно оценено творчество отдельных представителей литературы народов Востока, в том числе узбекской литературы. Поэтому поэму Навои называть переводом нужно условно.

Ввиду того, что перевод в литературе народов Востока очень своеобразен (меняется сюжет оригинала, иначе трактуются образы и т. д.), то на каком бы высоком уровне не был написан оригинал, такой гениальный поэт, как Навои, не мог не обогатить «переводимое» им произведение своими передовыми идеями в соответствии с социальными условиями жизни и требованиями эпохи.

Известный востоковед проф. Е. Э. Бертельс в своей работе «Навои и Аттар», сличив тексты поэм «Речи птиц» Аттара и «Язык птиц» Навои, делает такой вывод: «Навои ввел в «Птичий язык» 63 рассказа (общее число значительно меньше, чем у Аттара). Из них только 12 представляет собой передачу соответствующих рассказов персидской поэмы, остальные 51 являются нововведением. Следовательно, из общего числа рассказов 81% должен быть отнесен за счет оригинального творчества Навои, и тем самым становится очевидно, что в деталях персидская и турецкая поэмы имеют очень мало общего...

...В результате приходится сказать, что назвать поэму Навои переводом, конечно, невозможно. Индивидуальность переводчика выступила на передний план и заслонила собой персидского автора.» [1]

Значит, несмотря на сходство этих поэм по сюжетной линии, в события, образы и названия Навои вносит реалистический оттенок, вводя новые рассказы и углубляя мысль в некоторых эпизодах. Та-

---

[1] Е. Э. Бертельс Избранные труды Суфизм и суфийская литература. М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 417—418.

ким образом он создает оригинальное произведение, отражающее социальные требования своей эпохи.

Аттар — великий талант, большой мастер. Навои искренне преклонялся перед ним. В то же время Аттар, как крупный представитель суфизма, в своей поэме выдвигает на передний план убеждения суфизма: этот мир ничего не значит, и не стоит принимать его близко к сердцу; задача человека в том, чтобы, забыв о себе, стремиться к свиданию с богом, в вечный мир.

Навои не суфий, он не разделяет взглядов суфизма, требующего отказа от мира В своем творчестве он воспевает счастье человека в этом мире, безжалостно разоблачает тех, кто препятствует счастью людей. Он настойчиво ищет путей для благоустройства общества и счастья человечества.

С большим мастерством, используя аллегории, Навои выражает свое отношение к суфизму в «Языке птиц». Представитель суфизма и его проповедник выведен в образе Удода. Воспользовавшись трудным положением птиц и их растерянностью, Удод сообщает птицам о правителе Симурге и призывает птиц идти его искать.

Согласно учению суфизма, человек, ставший на путь суфизма, для достижения слияния с богом должен отказаться от всего, терпеть различные трудности. По призыву Удода птицы пустились в трудный путь, где им пришлось перенести много мучений. Когда была пройдена значительная часть пути, птицы стали жаловаться на свои затруднения Удоду, были готовы отказаться от дальнейшего путешествия. Выслушав жалобы птиц, Удод рассказывает им различные притчи и вдохновляет на продолжение пути. Большинство притч взяты из жизни, из народных сказок и представляют собой назидательные рассказы о лентяях, лжецах, неверных влюбленных, верных и лживых друзьях. Эти рассказы выражают передовые гуманистические идеи.

Рассказы, написанные кратко, с характерными особенностями языка и манеры.— образцы высокого и прекрасного искусства.

В поэме «Язык птиц» много разнообразных новелл. Они свидетельствуют о глубине и актуальности идейного содержания произведения, дают реалистическое направление поэме.

* *
*

Проповедники суфизма, неверно оценивая жизнь и мир, считая его преходящим, очень низко оценивали роль человека в обществе. По их воззрениям, человек — только тень бога. Они говорили, что человек может быть счастливым только при слиянии с богом в потустороннем мире. В противоположность суфиям, Навои обожествляет человека· бог — все сущее, и в человеке он находит свое отражение:

Как сокровище скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.

И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.

И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто мильонов теней обозначились резко.

И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.

Образ птиц всего мира, все их существо —
Знай: то тень многомудрой природы его.

Проповедуя единство человека и бога, Навои возвеличивает человека. Поэт утверждает, что человек — не просто неразумная и ни к чему не способная тень бога, но тень, полная мудрости и сознания.

Свои прогрессивные идеи Навои развивает в рассказах, которые приводятся как иллюстрации к ответам Удода на разнообразные вопросы птиц.

После долгого пути, полного различных опасностей, птицы пересекли семь долин. Согласно учению суфиев, семь долин — семь ступеней на пути к богу, необходимые для очищения. Достигнув цели, оставшиеся тридцать птиц видят не Симурга, а только самих себя (по-персидски «си — мург» значит «тридцать птиц»).

Навои снова утверждает мысль о единстве всего существующего, необходимости искать цель жизни в себе самом:

Что ты сам есть предел всех желаемых сутей,
Вне тебя нет иных созидаемых сутей.

Объяснение сути — вся сущность твоя,
Ты отгадка загадок и мук бытия.

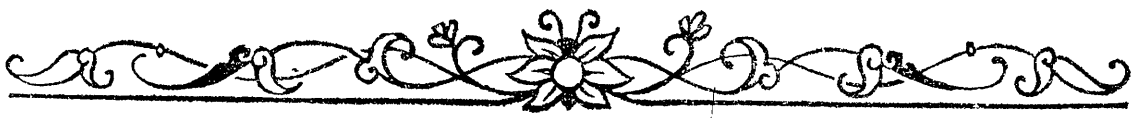
Поразмысли над сутью — своею потребой,
Все, что нужно тебе, от себя и потребуй.

Русский перевод поэмы «Язык птиц» полностью издается впервые, раньше был опубликован лишь небольшой отрывок. Перевод С. Н. Иванова сделан с подлинника научно-критического текста, подготовленного кандидатом филологических наук Ш. Ишанходжаевым и опубликованного издательством «Фан» УзССР в 1965 г.

С. Н. Иванов — поэт и ученый-лингвист, хорошо знающий старо-узбекский язык и глубоко понимающий творчество великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Перевод поэмы безусловно удачен, точно переданы смысл произведения, его пафос и дух, высокое мастерство Навои, аромат поэзии великого поэта.

Народы нашей страны ознакомятся еще с одним замечательным творением Навои. Перевод и издание поэмы «Язык птиц» — большое, радостное событие в пропаганде литературного наследия великого гуманиста, певца свободы и прогресса.

Р. Маджиди

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пой, о птица души, сокровенное слово 5

Моление перед святейшим зиждителем благ о посрамлении его промыслом (недостойного раба) и о повержении (его) во прах унижения за стыд сей 10

Благословение этой книги восхвалением главы всех пророков и украшение ее похвалою заступнику грешных . 14

О горнем парении птицы Анки в Кафоподобных высотах посланничества и сокровенное повествование речами птиц о единении с истинным возлюбленным 17

Возвещение об истинном повелителе правоверных Абу Бекре, да будет доволен им аллах 22

Повествование о справедливом повелителе правоверных Омаре, да будет доволен им аллах 25

Похвала светочу и повелителю правоверных Осману, да будет доволен им аллах 27

О благословенном повелителе правоверных Али, да будет доволен им аллах 29

Хвала и восхваления шейху Фаридуддину Аттару — властителю благородных и достойнейшему из святых, да освятит господь дух его, и мое смиренное моление о нем 32
Сборище птиц и ссоры их о главенстве и подчинении 36
О том, как Удод поведал о Симурге, когда птицы, не найдя себе шаха, были объяты смятением 38
О том, как птицы возрадовались, когда Удод рассказал им о Симурге, и как они высказали свое одобрение . . 40
О том, как Удод рассказал о свойствах Симурга в ответ на почтительные просьбы птиц 43
О том, как птицы спросили Удода про явление миру Симурга 48
Описание города Китая и рассказ о том, как туда упало перо Симурга 49
О том, как рассказ Удода о Симурге и огонь рвения воспламенили сердца птиц 52
О том, как Удод одобрил рвение птиц и высказал им поощрение 54
О том. как птицы отправились в путь и как некоторые из них, испугавшись испытаний, отказались от странствия 63
Птицы спрашивают Удода о том, как они связаны с Симургом 97
Ответ Удода птицам и рассказ его о явлении Симурга . . . 99
Птицы спрашивают Удода о предстоящем пути, и он отвечает им 104
О том, как птицы кинули жребий, кому быть вожатым, и о том, как жребий выпал Удоду 145
О том, как птицы прилетают к какой-то долине, и их охватывает оцепенение, и о том, как одна птица задает Удоду вопрос 148
О том, как птицы спросили Удода об испытаниях, сулимых этой долиной, и о том, как он ответил им . . . 151
Долина Исканий 221
Долина Любви 226
Долина Познания 232
Долина Безразличия 237
Долина Единения 243
Долина Смятения 247
Долина Отрешения 260
О ходже Бахауддине Накшбанди, горевшем в истинном отрешении 266

Сборище мотыльков во изъяснение сути свечи 268
Слово шейха Суфияна Сури о постижении вечности после отрешения 271
О том, как птицы у предела долины Отрешения узнают о стране Вечности 273
О том, как птицы, отчаявшись в отрешении, обретают силы в наставлении Удода 279
О том, как птицы, постигнув отрешение, достигают единения с вечностью 282
Мольба о прощении своих прегрешений и просьба о всепрощении грехов 290
Восхваление шейха и повествование о своей покорности ему . 293
Мольба об одолении пути Исканий 300
Мольба об одолении пути Любви 303
Мольба об одолении пути Познания 305
Мольба об одолении пути Безразличия 307
Мольба об одолении пути Смятения 309
Мольба об одолении пути Единения 312
Мольба об одолении пути Отрешения 313
О приближении своих помыслов к созданию этой книги . . . 315
Оправдание замены своего тахаллуса для этой книги 321
Молитва о повелителе стези ислама и о милости к нему . . 324
Рассказ о времени создания этих стихов, мольба и просьба о прощении 326
Примечания 328
Словарь 333
Послесловие 338

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в десяти томах

„ЯЗЫК ПТИЦ"

Редактор издательства Н. А. Романика. Художественный редактор В. С. Тий.
Технический редактор Х. У. Карабаева.
Корректор И. С. Слепышева.

Сдано в набор 22/IV 1969 г. Подписано к печати 2/X 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂=5,38 бум. л. — 18,06 + 1 вкл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,0. Изд. № 875. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 06 к. Заказ № 3791.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, М-54, Валовая, 28

Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

1-06п.

VIII